

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

2020 Том 17 № 4

Тема выпуска:

СОВРЕМЕННАЯ ПОЗИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ И МИРЕ

Приглашенный редактор: Грант Дж. Рич

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

**Научный журнал
Издается с 2003 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Rich G.J., Kurilenko V.B., Novikova I.A. Positive Psychology Celebrates its 20th Anniversary! (Позитивная психология отмечает 20-летний юбилей!) 575

ПОЗИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ И СТРАНАХ МИРА

Abi-Hashem N. Resiliency and Culture: An Interdisciplinary Approach (Резильентность и культура: междисциплинарный подход) ... 586

Badaracco J., Sirikantraporn S., Rich G.J., Green J., Porter M.C. Posttraumatic Growth in Cambodia: A Mixed Methods Study (Феномен посттравматического роста в Камбодже: интегративное качественно-количественное исследование) 604

Kalayjian A. Meaning-Making, Forgiveness, and Gratitude: Nurturing a Healthy, Peaceful, and Prosperous Haiti (Осмысление, прощение, благодарность – путь к здоровому, мирному и процветающему Гаити) 624

Ожиганова Г.В. Духовно-нравственные качества личности и эмпатия как компоненты высших моральных способностей: верификация взаимосвязи на российской выборке 637

ПОЗИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Lubovsky D.V. Selection of Educational Routes by High School and College Graduates: A Positive Psychology Approach (Проблема выбора образовательного маршрута выпускниками средних школ и колледжей в контексте современной позитивной психологии) 656

Belovol E.V., Voyko Z.V., Shurupova E.Yu. Cognitive Factors of Life Satisfaction among the Russian Elderly (Когнитивные факторы удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте) 671

Мехтиханова Н.Н., Мурзина Ю.С., Русакова Ю.Е. Мудрость как фактор предотвращения эмоционального выгорания медицинских работников 685

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Sychev O.A., Protasova I.N. The Relationships between Moral Foundations, Social Beliefs and Attitudes towards Economic Inequality among Russian Youth: A Case Study of Altai Krai (Связь морали и социальных верований с отношением к экономическому неравенству у российской молодежи: на примере Алтайского края) 705

Бочарова Е.Е. Соотношение перфекционизма и форм социальной активности российской молодежи: на примере Саратовского региона 719

Башкатов С.А. Адаптация сокращенного варианта опросника К. Петерсона и М. Селигмана «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» (Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS) на русскоязычной выборке 738

РЕЦЕНЗИИ

Rich G.J. Рецензия на книгу: Lambert, L., & Pasha-Ziadi, N. (Eds.). (2019). Positive Psychology in the Middle East/North Africa: Research, Policy, and Practice. Cham, Switzerland: Springer 755

Roth R. Рецензия на книгу: Congress, E.P., Takooshian, H., & Asper, A. (Eds.). (2020). Behavioral Science in the Global Arena. Vol. 1. Addressing Timely Issues at the United Nations and Beyond. Charlotte NC: Information Age Publishing 759

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Sandanapitchai P., Takooshian H. United Nations Psychology Day 2020 focused on Multilateralism (День психологии – 2020 в ООН, посвященный мультилатерализму) 764

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Куриленко Виктория Борисовна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка Медицинского института РУДН, Москва, Россия

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии Хьюстонского университета, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека Бейлорского медицинского колледжа, Хьюстон, США; профессор Центра детских исследований Йельского университета, старший научный сотрудник лаборатории Хаскинс, Йель, США

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, член-корреспондент МАНПО, Москва, Россия

Члены редакционной коллегии

Ардилла Альфредо, Ph.D., профессор, заслуженный профессор Университета Альбису, Майями, Флорида, США

Барбот Баттисте, Ph.D., профессор психологии Пэйс Университета, Нью-Йорк, США

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств, Париж, Франция

Ключуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице, Катовице, Польша

Нью Вильям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи Колледжа Белойта, Белойт, США

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук Университета Силезии в Катовице, Катовице, Польша

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора МГИМО МИД России, профессор кафедры педагогики и психологии МГИМО МИД России, Москва, Россия

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт, Джуно, Аляска, США

Стошич Лазар, Ph.D., профессор Колледжа академических исследований «Досидеж», Белград, Сербия

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии Университета Фордхэм, Нью-Йорк, США

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем», Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США

Хархурин Анатолий Владимирович, Ph.D., профессор психологии Американского университета Шарджи, Шарджа, Объединенные Арабские Эмираты

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы, Минск, Беларусь

Редактор *Ю.А. Заикина*

Редактор англоязычных текстов *Ю.Н. Бирюкова*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 778-38-07 (доб. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Подписано в печать 23.12.2020. Выход в свет 30.12.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,85. Тираж 500 экз. Заказ № 1056. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

2020 VOLUME 17 NUMBER 4

Theme of Issue:

CONTEMPORARY POSITIVE PSYCHOLOGY IN RUSSIA AND IN THE WORLD

Guest Editor: Dr. Grant J. Rich

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CONTENTS

EDITORIAL

Grant J. Rich, Victoria B. Kurilenko, & Irina A. Novikova. Positive Psychology Celebrates its 20th Anniversary! 575

POSITIVE PSYCHOLOGY ACROSS CULTURES AND NATIONS

Naji Abi-Hashem. Resiliency and Culture: An Interdisciplinary Approach 586

Julie Badaracco, Skultip Sirikantraporn, Grant J. Rich, Julii Green, & Matthew C. Porter. Posttraumatic Growth in Cambodia: A Mixed Methods Study 604

Ani Kalayjian. Meaning-Making, Forgiveness, and Gratitude: Nurturing a Healthy, Peaceful, and Prosperous Haiti 624

Galina V. Ozhiganova. Personal Spiritual-Moral Qualities and Empathy as Components of Higher Moral Capacities: Verification of the Relationship based on a Russian Sample 637

POSITIVE PSYCHOLOGY: COGNITION AND EDUCATION

Dmitry V. Lubovsky. Selection of Educational Routes by High School and College Graduates: A Positive Psychology Approach 656

Elena V. Belovol, Zlata V. Boyko, & Elena Yu. Shurupova. Cognitive Factors of Life Satisfaction among the Russian Elderly 671

Natalya N. Mekhtikhanova, Julia S. Murzina, & Julia E. Rusakova. Wisdom as a Factor in Preventing Emotional Burnout among Medical Professionals 685

RUSSIAN APPLIED RESEARCH: PERSPECTIVES FROM POSITIVE PSYCHOLOGY

Oleg A. Sychev, & Irina N. Protasova. The Relationships between Moral Foundations, Social Beliefs and Attitudes towards Economic Inequality among Russian Youth: A Case Study of Altai Krai 705

Elena E. Bocharova. Relationship between Perfectionism and Forms of Social Activity of Russian Young People: The Case of the Saratov Region 719

Sergey A. Bashkatov. Adaptation of a shortened version of Peterson and Seligman's Values in Action Inventory of Strengths (VIA-IS) with a Russian-language sample 738

BOOK REVIEWS

Grant J. Rich. Book Review of Lambert, L., & Pasha-Ziadi, N. (Eds.). (2019). Positive Psychology in the Middle East/North Africa: Research, Policy, and Practice. Cham, Switzerland: Springer 755

Roswith Roth. Book Review of Congress, E.P., Takooshian, H., & Asper, A. (Eds.). (2020). Behavioral Science in the Global Arena. Vol. 1. Addressing Timely Issues at the United Nations and Beyond. Charlotte NC: Information Age Publishing 759

SCIENCE CHRONICLE

Priyadharshany Sandanapitchai, & Harold Takooshian. United Nations Psychology Day 2020 focused on Multilateralism 764

© Peoples' Friendship University of Russia, 2020

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Viktoriya B. Kurilenko, D.Sc. in Education, Head of Department of Russian Language at the Institute of Medicine, *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology, *University of Houston, Houston, USA*, Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics, *Baylor College of Medicine, Houston, USA*, Adjunct Professor of Child Study Center and Senior Scientist of Haskins Laboratories, *Yale University, Yale, USA*

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Chair, *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*

Members of the Editorial Board

Alfredo Ardila, Ph.D., Distinguished Professor at *Albizu University, Miami, Florida, USA*

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor of Department of Psychology, *Pace University, New York, USA*

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology, *Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia*

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art, *Paris College of Art, Paris, France*

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology, *American University of Sharjah, Sharjah, UAE*

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education, *Silesian University in Katowice, Poland*

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies, *Beloit College, Beloit, USA*

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science, *University of Silesia in Katowice, Poland*

Lilia K. Raitkaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology, *Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia*

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association, *Juneau, Alaska, USA*

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies at Fordham University, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council, *Fordham University, New York, USA*

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher, *Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA*

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair, *Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus*

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor, *College of Academic Studies "Dositej", Belgrade, Serbia*

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
English Texts' Editor *Yu.N. Biryukova*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Psychology and Pedagogics:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

О ЖУРНАЛЕ

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): [http:// publicationethics.org](http://publicationethics.org)

Цель журнала – публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

Статьи публикуются на русском и английском языках.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки);

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

19.00.02 – Психофизиология (психологические науки);

19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки);

19.00.04 – Медицинская психология (психологические науки);

19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);

19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);

19.00.13 – Психология развития, акмеология (психологические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, с 2020 г. – в базу RSCI на платформе WoS, а также индексируется в РИНЦ (ядро РИНЦ), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions и др.

Функционирует электронный сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редколлекцией по электронному адресу: psyj@rudn.ru

ABOUT OUR JOURNAL

“**RUDN Journal of Psychology and Pedagogics**” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

The Journal is also indexed in RSCI (WoS), Russian Index of Science Citation (Core Collection), DOAJ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

The main thematic rubrics of the Journal are:

- Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;
- Current Problems of Personality Psychology;
- Contemporary Social Psychological Research;
- Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;
- Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;
- Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;
- Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;
- Cross-National Scientific Cooperation;
- International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial Board by e-mail: psyj@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-575-585

Editorial

Positive Psychology Celebrates its 20th Anniversary!

Grant J. Rich¹, Victoria B. Kurilenko², Irina A. Novikova²

¹Walden University

100 Washington Ave South, suite 900, Minneapolis, MN 55401, United States of America

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Positive psychology has recently celebrated its twenty-year anniversary, having been co-founded by Martin E.P. Seligman (University of Pennsylvania) and Mihaly Csikszentmihalyi (then of the University of Chicago) (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000). For most of psychology's history, since its creation as a distinct academic discipline in the 19th century, its emphasis has been firmly placed upon examination of psychological disorders and human suffering (Rich, Gielen, 2015). Thus, there are thousands of publications concerning depression, anxiety, thought disorders, and interventions for persons facing such challenges as unemployment, divorce, social exclusion, and poor physical health. The emergence of positive psychology therefore presents a special and welcome opportunity for psychologists to recenter and balance the discipline by examining what makes life worth living, including experiences and life-styles and decisions associated with both pleasure and meaning. In fact, Martin E.P. Seligman (2011) suggested well-being includes five elements: positive emotions, engagement, positive relationships, meaning, and accomplishments.

Positive psychology is relatively young, but its ideas have already received wide support from the world (including Russian) scientific community. It is no coincidence, therefore, that the 6th European Congress on Positive Psychology in 2012 was held in Moscow on the bases of Lomonosov Moscow State University and the Higher School of Economics. The task of internationalizing the principles and provisions of positive psychology are especially critical to RUDN University scientists, which is clearly evidenced by the number of relevant publications in *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* (Chebotareva, 2014; Gordeeva, Lunkina, 2017; Rich, 2016a, 2016b; Oboznov et al., 2020; Volk, Savelieva, 2017; etc.).

This special issue of *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, co-edited by Drs. Grant J. Rich, Victoria B. Kurilenko, and Irina A. Novikova focuses upon contemporary positive psychology and represents collaboration between

scholars in Russia (Moscow, Biysk, Saratov, Tyumen, Ufa, Yaroslavl) and those located and/or with research programs around the globe: USA, Austria, Cambodia, Haiti, Lebanon, Vietnam.

The articles in this special issue reflect the broad range of topics and methods utilized by contemporary positive psychologists.

The first section ***Positive Psychology across Cultures and Nations*** begins with a thought-provoking analysis of the intersection of *resilience and culture* by Dr. Naji Abi-Hashem, who examines the concept of resilience from bio-psychosocial-spiritual perspectives, always keeping the impact and influence of culture front and center. Abi-Hashem is an international psychologist who divides his time between Lebanon and the USA, broadly educated in both psychology and religion. Next, the special issue focused on posttraumatic growth in Cambodia. Julie Badaracco, Ph.D., and her coauthors have lived, taught, and/or researched in Southeast Asia; this article demonstrates the power of utilizing mixed methods research, employing both quantitative and qualitative methods to examine influences on *resilience in Cambodia*. Dr. Ani Kalayjian of Columbia University and ATOP Meaningful-world (USA) offers a review of her clinical and research work around the globe, describing her evidence-based framework of *meaning-making, forgiveness, and gratitude*. Kalayjian has diverse credentials and experience, and in addition to her doctorate is a registered nurse. She has delivered humanitarian relief via her missions in 48 countries, and has authored five books on transforming trauma. The final article of this section – *Personal Spiritual-Moral Qualities and Empathy as Components of Higher Moral Capacities: Verification of the Relationship based on a Russian sample* by Galina V. Ozhiganova (senior researcher at Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences) – is one of the first Russian studies of personal spiritual and moral aspects and empathy as components of higher moral capacities from the perspective of positive psychology.

The section entitled ***Positive Psychology: Cognition and Education*** includes articles considering, in terms of positive psychology, factors that allow people to confront the contemporary challenges in various educational and professional activities. The article by the leading researcher of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education Dmitry V. Lubovsky – *Selection of Educational Routes by High School and College Graduates: A Positive Psychology Approach* – is focused on the problems of individualization of modern education, and the tasks of psychological and pedagogical support of educational and professional self-determination of high school students and college graduates. We believe that both Russian and international readers will find it interesting to take a look at the principles of positive psychology in combination with the provisions of cultural-historical theory and the activity approach in solving the problems considered by the author.

The article titled *Cognitive Factors of Life Satisfaction among the Russian Elderly* presented by an interuniversity team of authors: Elena V. Belovol (Professor at Moscow State Pedagogical University, Russia), Zlata V. Boyko (Associate Professor at Peoples' Friendship University of Russia), Elena Yu. Shurupova (psycho-

logist at Center for Psychological and Pedagogical Support of Children and Adolescents, Moscow, Russia) empirically reveals predictors of life satisfaction among elderly Russians. It is interesting to note that the resulting model of life satisfaction in the “third” age includes memory and age as individual characteristics and family type as an external predictor of life satisfaction in the elderly.

One of the most pressing problems of our time – “emotional burnout” – is investigated in the article titled *Wisdom as a Factor in Preventing Emotional Burnout among Medical Professionals* by Natalia N. Mekhtikhanova (Associate Professor at Yaroslavl State University, Russia), Julia S. Murzina and Julia Ye. Rusakova (Associate Professors at Tyumen State University, Russia). This topic is made significantly more relevant and timely by the pandemic situation, since medics today are at its epicenter. That is why the conclusions made by the authors about the possibility of developing wisdom in order to prevent burnout syndromes in medical institutions are so important.

The next section of this issue is ***Russian Applied Research: Perspectives from Positive Psychology***. The section opens with an article by our colleagues from the Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Byisk, Russia), Associate Professors Oleg A. Sychev and Irina N. Protasova, – *The Relationships between Moral Foundations, Social Beliefs and Attitudes towards Economic Inequality among Russian Youth: A Case Study of Altai Krai*. The interest of Russian readers will undoubtedly be attracted by the Russian-language version of *The Scale of Beliefs about Inequality* by J. Kluegel and E. Smith adapted by the authors of the article. The main conclusion that the approval of inequality is supported by beliefs in a “jungle” world, which, in turn, is associated with a “deficiency” of such individualizing moral foundations as *care* and *fairness* obtained from the Altai sample, can be a subject for discussion in the context of further cross-cultural analysis by international researchers. A very urgent problem for Russian youth is considered in the article titled *Relationship between Perfectionism and Forms of Social Activity of Russian Young People: The Case of the Saratov Region* by Elena E. Bocharova (Associate Professor at Saratov State University, Russia). The main provisions of this article are of practical importance for the organization of the work of advisory services in educational organizations. The research results presented in the article *Adaptation of a shortened version of Peterson and Seligman’s Values in Action Inventory of Strengths (VIA-IS) with a Russian-language sample* by Sergei A. Bashkatov (Dean and Professor at Bashkir State University, Russia) have not only great scientific but also applied significance for practicing psychologists. There is no doubt that an abbreviated version of the VIA-IS developed by the founder of positive psychology, M. Seligman, in Russian-language adaptation, will be in demand by Russian psychologists for use in large-scale studies on large samples in order to describe personality strengths delineated by mainstream positive psychology.

The section ***Reviews*** presents an analysis of two books that, in one way or another, touch upon the problems of positive psychology. Dr. Grant J. Rich (Juneau, Alaska, USA), in his review of *Positive Psychology in the Middle East/North*

Africa: Research, Policy, and Practice, edited by Louise Lambert and Nausheen Pasha-Ziadi (2019), characterizes the key issues raised by the authors: the main-stream development and the priorities of positive psychology in the UAE, Saudi Arabia, Jordan, Lebanon, Egypt, Bahrain, Qatar, etc., their relationship with state policy, education, culture, religion, physical and psychological health of people, etc. The second review included in this section will provide readers with an insight into the book entitled *Behavioral Science in the Global Arena. Vol. 1. Addressing Timely Issues at the United Nations and Beyond* edited by Elaine P. Congress, Harold Takooshian and Abigail Asper (2020). Roswith Roth (Professor ret. at the University of Graz, Austria), the author of this review, analyzes in detail the main topic of the monograph: the use of leading ideas of modern psychology and behavioral sciences in defining the relevant issues and in developing strategies for achieving the sustainable development goals determined by the UN.

Under the heading **Scientific Chronicle**, readers will be able to familiarize themselves with the most interesting scientific events of the *United Nations Psychology Day 2020 focused on Multilateralism*, highlighted by Priyadharshany Sandanapitchai (Research Associate at Rutgers University, USA) and Harold Takooshian (Professor at Fordham University, USA).

In sum, the topics that modern positive psychology is currently working on are relevant, broad and multifaceted. Its main focus is on both individual and societal well-being (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000). For the 20+ years of its development, positive psychology has accomplished much in terms of developing a scientific consensus on methods and approach, and towards harmonizing relations between the world and man. The Editorial Board of *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* wish the representatives of this extremely fruitful and promising psychology domain every success in both research achievements and in life. We look forward to continuing our cooperation!

References

- Chebotareva, E.J. (2014). Role of subjective well-being in intercultural adaptation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (2), 13–17.
- Gordeeva, T.O., & Lunkina, M.V. (2017). Way of maintaining the self-respect as predictor of life satisfaction, academic motivation and persistence in adolescents. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14(4), 413–426. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-4-413-426>
- Oboznov, A.A., Petrovich, D.L., Kozhanova, I.V., & Bessonova, Y.V. (2020). The construct of subjective occupational well-being: Russian sample testing. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(2), 247–262. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-2-247-262>
- Rich, G. (2016a). Flow and optimal experience: Methodological implications for internationalizing and contextualizing a positive psychology concept. Part 1. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (2), 7–18. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2016-2-7-18>
- Rich, G. (2016b). Flow and optimal experience: Methodological implications for internationalizing and contextualizing a positive psychology concept. Part 2. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (3), 7–13. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2016-3-7-13>

- Rich, G., & Gielen, U. (Eds.). (2015). *Pathfinders in international psychology*. Foreword by Past APA President Florence Denmark. Charlotte, NC: Information Age Publishing.
- Seligman, M.E.P. (2011). *Flourish*. New York, NY: Free Press.
- Seligman, M.E.P., & Csikszentmihalyi, M. (2000). Positive psychology: An introduction. *American Psychologist*, 55, 5–14.
- Volk, M.I., & Savelieva, D.I. (2017). Interrelation of flow experience with intrinsic motivation and personality traits in students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14(4), 427–439. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-4-427-439>

For citation:

Rich, G.J., Kurilenko, V.B., & Novikova, I.A. (2020). Positive Psychology Celebrates its 20th Anniversary! *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 575–585. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-575-585>

Bio notes:

Grant J. Rich, Ph.D., LMT BCTMB, Fellow of the American Psychological Association, is Senior Contributing Faculty at Walden University. He received his Ph.D. in Psychology (Human Development) from the University of Chicago. His work focuses on optimal cross-cultural human development and international positive psychology. Dr. Rich is senior editor of six books, including *Pathfinders in International Psychology* (2015), *Internationalizing the Teaching of Psychology* (2017), *Human Strengths and Resilience: Developmental, Cross-Cultural, and International Perspectives* (2018), *Teaching Psychology Around the World – Volume 4* (2018) and *Volume 5* (2020), *Psychology in Southeast Asia: Sociocultural, Clinical and Health Perspectives* (2020). His peer reviewed research has appeared in journals including *American Psychologist* and *Journal of Positive Psychology*. Dr. Rich has taught at institutions around the globe, recently in Alaska, Cambodia, and India, and lives in Juneau (Alaska, USA). Since 2016, he is member of the Editorial Board of *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Dr. Rich's website may be found at <http://rich.socialpsychology.org/>. Scopus Author ID: 36841136900. E-mail: optimalex@aol.com

Viktoria B. Kurilenko, D.Sc. in Education, Professor, is Head of Department of Russian Language at the Institute of Medicine of RUDN University (Moscow, Russia) and Editor-in-Chief of the *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, member of the Association of Science Editors and Publishers, author of more than 200 scientific publications, among them State Educational Standards on Russian as a Foreign Language, monographs, dictionaries, etc. Her scientific interests are connected with cross-cultural pedagogics, ethnomethodics, person-centered education and teaching foreign languages. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3638-9954>; eLIBRARY SPIN-code: 1106-3582; Scopus Author ID: 56809505200; Web of Science ResearcherID: A-6179-2017. E-mail: kurilenko-vb@rudn.ru

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor, Associate Professor at Social and Differential Psychology Department of RUDN University (Moscow, Russia). She is corresponding member of the International Academy of Pedagogical Education (Russia) and member of APA and Psi Chi, the International Honor Society in Psychology. Her research interests lie in the area of personality, social, and cross-cultural psychology. Irina A. Novikova is Editorial Board member of the *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* since 2003. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>; eLIBRARY SPIN-code: 7717-2834; Scopus Author ID: 35766733000; Web of Science ResearcherID: Q-5276-2016. E-mail: novikova-ia@rudn.ru

Позитивная психология отмечает 20-летний юбилей!

Г.Дж. Рич¹, В.Б. Куриленко², И.А. Новикова²

¹Уолденский университет

Соединенные Штаты Америки, MN 55401, Миннеаполис, Washington Ave South, 100, suite 900

²Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Позитивная психология, у истоков которой в конце XX века в США стояли Мартин Селигман (Университет Пенсильвании, США) и Михай Чиксентмихайи (в то время – Чикагский университет, США), недавно отметила свой двадцатилетний юбилей (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000).

Как отдельная и самостоятельная академическая дисциплина психология оформилась еще в XIX веке, и на протяжении всей истории ее развития в центре внимания ученых находились проблемы человека. Большое внимание уделялось изучению человеческих страданий, связанных с психическими расстройствами (Rich, Gielen, 2015), разработке психологических программ совладания с такими проблемами, как потеря работы или здоровья, социальная изоляция и т. п. Появление в США нового научного направления – позитивной психологии, продолжившей традиции психологии гуманистической, позволило сбалансировать психологические исследования за счет смещения акцента в сторону поиска факторов ценности жизни: жизненного опыта, стилей и решений, связанных в равной степени как с осмыслением жизни, так и с удовлетворенностью ею. Мартин Селигман (Seligman, 2011) предложил концепцию благополучия человека, которая включает пять элементов: положительные эмоции, вовлеченность, позитивные межличностные отношения, смысл и достижения (PERMA – **p**ositive emotions, **e**ngagement, **p**ositive relationships, **m**eaning, and **a**ccomplishments).

Позитивная психология – относительно молодое направление, но ее идеи уже получили широкую поддержку мировой, в том числе российской, научной общественности. Неслучайно VI Европейский конгресс по позитивной психологии в 2012 году состоялся в Москве на базе МГУ имени М.В. Ломоносова и Высшей школы экономики. Задачи интернационализации принципов и положений позитивной психологии особенно близки ученым РУДН, что нашло отражение в целом ряде публикаций в журнале «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика» (Волк, Савельева, 2017; Гордеева, Лункина, 2017; Чеботарева, 2014; Oboznov et al., 2020; Rich, 2016a, 2016b и др.).

Специальный выпуск журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика», подготовленный под совместной редакцией Гранта Дж. Рича,

В.Б. Куриленко и И.А. Новиковой, посвящен *развитию позитивной психологии в России и мире*. Этот выпуск является результатом совместной работы российских ученых (из Москвы, Бийска, Саратова, Тюмени, Уфы и Ярославля) и их зарубежных коллег, разрабатывающих и реализующих исследовательские программы в США, Австрии, Камбодже, Гаити, Ливане и Вьетнаме. Статьи выпуска отражают широкий спектр тем и методов, используемых представителями современной позитивной психологии.

Первая рубрика – *Позитивная психология в разных культурах и странах* – начинается с содержательного анализа взаимовлияния *культуры и резильентности*, проведенного Наджи Аби-Хашемом (Naji Abi-Hashem, Ph.D.). Аби-Хашем – ученый международного уровня, получивший широкое образование в области психологии и религии, живет и работает в Ливане и США. В своей статье Н. Аби-Хашем исследует концепт резильентности в биопсихосоциодуховном измерении, акцентируя доминантность культурной составляющей. Следующая статья рубрики посвящена изучению *феномена посттравматического роста в Камбодже*. Джули Бадаракко (Julie Badaracco, Ph.D.) и ее соавторы имеют опыт преподавания и проведения исследований в Юго-Восточной Азии. Эта статья демонстрирует эффективность комплексных исследований, включающих как количественные, так и качественные методы для изучения факторов, влияющих на психологическую резильентность камбоджийцев. В статье Ани Калайджян (Ani Kalayjian, Ph.D.), профессора Университета Колумбии и главы неправительственной организации АТОР MeaningfulWorld (США), обобщается ее опыт клинической и исследовательской деятельности в разных странах мира. На примере 14 гуманитарных миссий в Гаити, в которых она участвовала, А. Калайджян описывает и обосновывает фактами авторскую концепцию *осмысления, прощения, благодарности*. Эта концепция нашла отражение в пяти книгах по трансформации травмы и была реализована в гуманитарных миссиях под ее руководством в 48 странах мира. Заключительная статья рубрики *«Духовно-нравственные качества личности и эмпатия как компоненты высших моральных способностей: верификация взаимосвязи на российской выборке»* Г.В. Ожигановой (ведущего научного сотрудника Института психологии РАН) представляет одно из первых российских исследований духовно-нравственных качеств личности и эмпатии как компонентов высших моральных способностей, выполненных с близкими принципам позитивной психологии позиций.

В рубрику *«Позитивная психология: проблемы познания и образования»* вошли статьи, в которых в контексте позитивной психологии рассмотрены факторы, позволяющие личности противостоять вызовам современности в разных сферах образовательной и профессиональной деятельности. Статья ведущего научного сотрудника Психологического института РАО Д.В. Лубовского *Selection of Educational Routes by High School and College Graduates: A Positive Psychology Approach* (*«Проблема выбора образовательного маршрута выпускниками средних школ и колледжей в контексте современной позитивной психологии»*) посвящена актуальным вопросам ин-

дивидуализации современного образования, задачам психолого-педагогической поддержки образовательного и профессионального самоопределения старшеклассников и выпускников колледжей. Предполагаем, что как российским, так и зарубежным читателям будет интересно сочетание принципов позитивной психологии с положениями культурно-исторической теории и деятельностного подхода в решении рассматриваемых автором проблем.

В статье *Cognitive Factors of Life Satisfaction among the Russian Elderly* («Когнитивные факторы удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте»), представленной межвузовским авторским коллективом: Е.В. Беловол (профессор Московского педагогического государственного университета), З.В. Бойко (доцент Российского университета дружбы народов), Е.Ю. Шуруповой (практический психолог Центра психолого-педагогического сопровождения детей и подростков), эмпирически выявлены предикторы удовлетворенностью жизнью у пожилых россиян. Интересно, что в результирующую модель удовлетворенности жизнью в «третьем» возрасте вошли память и возраст как индивидуальные особенности и тип семьи как внешний предиктор удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте.

Проблему изучения «Мудрости как фактора предотвращения эмоционального выгорания медицинских работников» поднимают в своей статье Н.Н. Мехтиханова (Ярославский государственный университет), Ю.С. Мурзина и Ю.Е. Русакова (Тюменский государственный университет). Эту тему существенно актуализирует пандемическая ситуация, в эпицентре которой оказались современные медики. Именно поэтому так важны полученные авторами выводы о возможности развития мудрости с целью профилактики синдрома эмоционального выгорания у сотрудников медицинских учреждений.

Результаты **прикладных исследований проблем позитивной психологии в России** представлены в соответствующей рубрике тематического выпуска журнала. Рубрику открывает статья коллег из Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина О.А. Сычева и И.Н. Протасовой на тему *The Relationships between Moral Foundations, Social Beliefs and Attitudes towards Economic Inequality among Russian Youth: A Case Study of Altai Krai* («Связь морали и социальных верований с отношением к экономическому неравенству у российской молодежи: на примере Алтайского края»). Безусловно, интерес русскоязычных читателей привлечет публикация текста и результатов адаптации русскоязычной версии опросника отношения к неравенству Дж. Клуегеля и Э. Смита, проведенной авторами данной статьи. Основной вывод о том, что одобрение неравенства поддерживается верой в конкурентный мир, которая, в свою очередь, связана с дефицитом индивидуализирующих моральных оснований – заботы и справедливости, полученный на алтайской выборке, может быть предметом для дискуссий в контексте дальнейшего кросс-культурного анализа. Проблеме «Соотношения перфекционизма и форм социальной активности российской молодежи: на примере Саратовского региона» посвящена статья Е.Е. Бочаровой (доцент Саратовского национального исследовательского государственного

ного университета имени Н.Г. Чернышевского). Основные положения этой статьи имеют прикладное значение для организации работы консультативных служб образовательных организаций. Не только научной, но и большой прикладной значимостью для практикующих психологов обладают результаты «Адаптации сокращенного варианта опросника К. Петерсона и М. Селигмана “Ценности в действии: инвентаризация достоинств” (*Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS*) на русскоязычной выборке», представленные в статье С.А. Башкатова (профессора Башкирского государственного университета). Не вызывает сомнений, что сокращенный вариант VIA-IS, разработанный основоположником позитивной психологии М. Селигманом, в русскоязычной адаптации будет востребован российскими психологами для применения в широкомасштабных исследованиях на больших выборках с целью диагностики личностных достоинств, рассматриваемых в русле позитивной психологии.

В рубрике «**Рецензии**» представлен анализ двух книг, так или иначе затрагивающих проблематику позитивной психологии. В рецензии Г.Дж. Рича на книгу *Positive Psychology in the Middle East/North Africa: Research, Policy, and Practice* под редакцией Л. Ламберт и Н. Паша-Зиади (2019) характеризуются ключевые проблемы, поднятые авторами: основные направления развития, первоочередные задачи позитивной психологии в ОАЭ, Саудовской Аравии, Иордании, Ливане, Египте, Бахрейне, Катаре и других странах региона, ее взаимосвязь с государственной политикой, образованием, культурой, религией, физическим и психологическим здоровьем личности и т. д. Вторая рецензия, включенная в эту рубрику, даст читателям представление о книге *Behavioral Science in the Global Arena. Vol. 1. Addressing Timely Issues at the United Nations and Beyond*, опубликованной под редакцией Е.П. Конгресс, Г. Такушьяна и А. Аспер. Росвит Рот (профессор Университета Граца, Австрия) детально анализирует основную проблематику монографии: использование ведущих идей современной психологии и наук о поведении в определении сущности и стратегий достижения целей устойчивого развития, разработанных в ООН.

В рубрике «**Научная хроника**» читатели смогут ознакомиться с наиболее интересными научными событиями Дня психологии – 2020 в ООН, посвященного мультилатерализму, освещенными в репортаже П. Санданапитчай (научного сотрудника Университета Рутгерса, США) и Г. Такушьяна (профессора психологии в Университете Фордхэм, США) *United Nations Psychology Day 2020 focused on Multilateralism*.

Таким образом, проблематика, которую разрабатывает современная позитивная психология, актуальна, широка и многопланова. В центре ее внимания – проблемы как индивидуального, так и общественного благополучия (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000). За двадцать с небольшим лет развития позитивной психологией сделано многое как в определении научных методов и подходов, так и в гармонизации отношений между миром и человеком. Редакционная коллегия журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика» желает представителям этого чрезвычайно плодотворного и перспективного направления новых научных высот и исследовательских свершений. Надеемся на продолжение сотрудничества!

Список литературы

- Волк М.И., Савельева Д.И. Соотношение опыта «потока» с особенностями внутренней мотивации и индивидуально-личностными чертами студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2017. Т. 14. № 4. С. 427–439. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-4-427-439>
- Гордеева Т.О., Лункина М.В. Способ поддержания самоуважения как предиктор удовлетворенности жизнью, учебной мотивации и настойчивости подростков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2017. Т. 14. № 4. С. 413–426. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-4-413-426>
- Чеботарева Е.Ю. Роль субъективного благополучия в межкультурной адаптации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 2. С. 13–17.
- Oboznov A.A., Petrovich D.L., Kozhanova I.V., Bessonova Y.V. The construct of subjective occupational well-being: Russian sample testing // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2020. Vol. 17. No. 2. Pp. 247–262. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-2-247-262>
- Pathfinders in international psychology / ed. by G.J. Rich, U. Gielen; foreword by Past APA President F. Denmark. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2015. 278 p.
- Rich G. Flow and optimal experience: methodological implications for internationalizing and contextualizing a positive psychology concept. Part 1 // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2016a. No. 2. Pp. 7–18. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2016-2-7-18>
- Rich G. Flow and optimal experience: methodological implications for internationalizing and contextualizing a positive psychology concept. Part 2 // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogic*. 2016b. No. 3. Pp. 7–13. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2016-3-7-13>
- Seligman M.E.P. *Flourish*. New York, NY: Free Press, 2011.
- Seligman M.E.P., Csikszentmihalyi M. *Positive psychology: An introduction* // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. Pp. 5–14.

Для цитирования:

Rich G.J., Kurilenko V.B., Novikova I.A. Positive Psychology Celebrates its 20th Anniversary! // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 575–585. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-575-585>

Сведения об авторах:

Рич Грант Дж., Ph.D., постоянный член Американской психологической ассоциации, заслуженный профессор Уолденского университета. Получил докторскую степень по психологии развития в Чикагском университете. Его научные интересы связаны с изучением оптимального развития человека в кросс-культурном контексте и развитием международной позитивной психологии. Является главным редактором издания *Pathfinders in International Psychology* (2015) и ведущим соредактором пяти книг, изданных в 2017–2020 гг.: *Internationalizing the Teaching of Psychology* (2017), *Human Strengths and Resilience: Developmental, Cross-Cultural, and International Perspectives* (2018), *Teaching Psychology Around the World – Volume 4* (2018) и *Volume 5* (2020), *Psychology in Southeast Asia* (2020). Его научные статьи публиковались в ведущих рецензируемых журналах США, включая *American Psychologist* и *Journal of Positive Psychology*. Доктор Рич является сертифицированным специалистом по терапевтическому массажу (National Certification Board for Therapeutic

Massage and Bodywork, NCBTMB) и редактором научного издания, посвященного количественным исследованиям в сфере массажной терапии – *Massage Therapy: The Evidence for Practice* (2002). Преподавал в учебных заведениях разных стран мира, в том числе (в последнее время) на Аляске, в Камбодже и Индии. В настоящее время живет в Джуно (Аляска, США). С 2016 года является членом редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика». Персональный сайт: <http://rich.socialpsychology.org/>. Scopus Author ID: 36841136900. E-mail: optimalex@aol.com

Куриленко Виктория Борисовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Медицинского института Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). Главный редактор журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика», член Ассоциации научных редакторов и издателей, автор более двухсот научных публикаций, среди которых государственные образовательные стандарты по РКИ, монографии, словари и др. Научные интересы связаны с интерпедагогикой, этнометодикой, личностно ориентированным обучением иностранным языкам. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3638-9954>; eLIBRARY SPIN-код: 1106-3582; Scopus Author ID: 56809505200; Web of Science ResearcherID: A-6179-2017. E-mail: kurilenko-vb@rudn.ru

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). Член-корреспондент МАНПО, член Американской психологической ассоциации и Международного психологического общества почета Psi Chi. Область исследовательских интересов: психология личности, социальная и кросс-культурная психология. Является членом редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика» с момента его основания в 2003 г. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>; eLIBRARY SPIN-код: 7717-2834; Scopus Author ID: 35766733000; Web of Science ResearcherID: Q-5276-2016. E-mail: novikova-ia@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603

UDC 316.613

Review article

Resiliency and Culture: An Interdisciplinary Approach

Naji Abi-Hashem

Baylor University

14054 Wallingford Ave North, Seattle, WA 98133, United States of America

Abstract. In recent years, the topics of psychosocial resiliency and cultural competency have been on the forefronts of many academic disciplines and human-care services. This article explores the meaning, nature, and function of resiliency and provides an overview of its foundational role and integrative place in the fields of psychology, pedagogy, physiology, psychotherapy, spirituality, and community. All these explorations and discussions are presented from a sociocultural and interdisciplinary perspective. Most areas of learning and spheres of knowledge could further be advanced if they continue to incorporate cultural resiliency into their basic training approaches and ongoing skillful apprenticeships. This article emphasizes that the essence and manifestation of resiliency is rooted, not only in individual traits or abilities, but also in the capital resources already stored in the larger community – in its cultural wealth and generational wisdom. Resiliency is both an innate capacity, with various dispositions that is dormant within people and groups, and a skill that is gradually learned, intentionally established, and consistently built-up and developed. Then, it will be readily applied as a way-of-life, natural tendency, refined asset, and potential drive or passion for higher-functioning and livelihood, especially in time of adversity, misfortune, and calamity. This article encourages the practice of cross-cultural competence and cross-disciplinary growth. It promotes multi-academic learning and collaboration in order to foster a comprehensive resiliency-training and a dependable approach for survival-coping. Also, this article encourages an enduring social awareness, a continuous emotional empowerment, and a relational respect coupled with cultural humility.

Key words: resiliency, culture, psychology, community, coping, interdisciplinary studies, acculturation, survival, intercultural adaptation, adversity, hope, spirituality, strength, wisdom

Introduction

Resiliency is a fascinating topic and an intriguing subject of study. Although it has been examined from various sides and explored from several perspectives, it remains an ever fresh, evolving, and flowing theme. Resiliency is more than a mere concept or an isolated construct. It is a contour of ideas and a conversion of meanings. It is more than a single perception or one personality trait; rather it is a vibrant phenomenon. In addition, resiliency is not a rigid variable or a linear force but somewhat as a circular-motion capability, a multi-dimensional energy,

© Abi-Hashem N., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and a multi-faceted faculty. Although much is known about resiliency, it still has deep and rich connotations, almost like a hidden pearl or a mystery within the human nature, which has been waiting to be unearthed, admired, and prized.

Virtually, human culture and resiliency are intertwined, interactive, and interdependent. The creative and dynamic energy of resiliency is shaped and nurtured by the cultural variation and traditional heritage of people and, in turn, it shapes their psychosocial parameters and influences their cultural capitals and mediators. Thus, resiliency remains an unfolding and attractive topic for further consideration, investigation, and conceptualization (see also Abi-Hashem, 2011a, 2019; Bonanno, 2004; Khukhlaev et al., 2020; Masten, 2015; Southwick et al., 2014; Ungar, 2008; 2013).

According to Southwick et al. (2014), resiliency is a complex construct that may be defined differently, depending on its various contexts – individuals, groups, agencies, societies, or cultures. It is important to “specify whether resilience is being viewed as a trait, a process, or an outcome... Determinants of resilience include a host of biological, psychological, social and cultural factors that interact with one another...” (Southwick et al., 2014. P. 1). Therefore, resiliency is a function of growth, change, and development. “However, in reality, resilience more likely exists on a continuum that may be present to differing degrees across multiple domains of life” (Ibid.).

Similarly, the concept of *culture* is not static but dynamic, not rigid but vibrant, not fixed or frozen but flexible and fluid in time. Actually, there are over 150 definitions of culture found in the literature and it can run from the very simple to the very complex (Cohen, 2009). No single definition can capture the full essence or meaning of culture. Mostly, culture can be understood as a way of feeling, thinking, acting, sharing, knowing, expressing, and relating. It involves languages, ideas, values, symbols, faiths, customs, and traditions. In my opinion, cultures are better felt than defined and are better experienced than explained. They are multi-faceted like a mosaic or a tapestry, meaningfully holding all the intricate pieces together and connecting the rich foundations of the past, present, and future. It is therefore reasonable to conclude that mainly *culture is a design of life*.

Recently, the collaboration among various fields of knowledge and areas of specialties has increased and become more popular, taking the form of interdisciplinary-multidisciplinary studies. This is a welcome trend after long decades of endless branching out of the general academies unto sub-fields, sub-divisions, and super-specializations, particularly in North America. Such a new trend, of returning to the roots and sharing the insights and knowledge of the original scholarly traditions (as mother disciplines), seems like a journey of *returning to the fountains*. Evidently, psychology has its roots in sociology and anthropology – and before that in philosophy and theology. Therefore, this journey is like going back from the branches to the stem, from the detailed scenes to the global picture of reality, which is evidently *larger than the sum of parts*, and returning to the main sources of knowledge, understanding, and wisdom (Abi-Hashem, 1998).

Resiliency and Psychology

Resiliency is the capacity to recover decently well after a major struggle, serious trial, or sudden crisis. It could involve restoration and bouncing back, followed

by a measure of emotional growth, and then advancing toward previously set goals, even in the midst of a persisting challenge. Resiliency, then, is “the process of adapting well in the face of adversity, trauma, tragedy, threats, or significant sources of stress” (APA, 2012. P. 1). It is the ability to return to the original form, shape, and function after being significantly bent, stretched, and pressed.

Weathering the storms, tolerating ambiguity, riding turbulent waves, and remaining resourceful are all marks of a resilient person, an entity, or a system. Pooley and Cohen (2010) defined resiliency as “the potential to exhibit resourcefulness by using available internal and external recourses in response to different contextual and developmental challenges” (Pooley, Cohen, 2010. P. 30). Masten (2015) described resiliency as typically arising from ordinary human capabilities rather than extraordinary ones, reflecting learned talents that resist a sharp fall or decline, even though the surrounding situations and circumstances may be deteriorating. Additionally, the following terms describe *resiliency* and its many potentials within people and groups as a manifestation of the human spirit: hardiness, elasticity, toughness, flexibility, resurgence, invulnerability, tenacity, pliability, mastery, robustness (Abi-Hashem, 2011a).

According to Sandberg and Grant (2017), resiliency is the strength and the speed with which we respond to adversity. It does not mean rejecting negative feelings or unpleasant thoughts. At times, there are some misconceptions about how we view or react to common setbacks, struggles, and sufferings. The authors listed three cognitive positions that can cause us hindrances and can delay our recovery: personalization – the tendency to think that it is all our fault. Permanence – the perception that this situation will never end but will last forever. Pervasiveness – the belief that adversity shall spread widely and affect all areas of our livelihood. “When we are suffering, we tend to project it out indefinitely” (Sandberg, Grant, 2017. P. 21). However, it would be helpful to remind ourselves that we did face and endure a lot of disappointments and hardships in the past, and somehow, we managed to survive up till now! The authors emphasized that resiliency is actually a skill that we learn and gradually build up, as energy reserve, so that it will be readily available to us when a challenging crisis, a durable need, or a strong calamity arises again (see also Abi-Hashem, 2001; Meichenbaum, 1994).

Interestingly, for Bonanno (2004) resiliency is more common than usually perceived or traditionally reported. He asserted that many people, who are exposed to loss or potential traumatic-events at some point in their lives, continue to show minor disruptions (not severe), along with other positive emotional experiences. Bonanno challenged the negative assumptions about the victim-sufferer-survivor mentality “by reviewing evidence that resilience represents a distinct trajectory from the process of recovery, that resilience in the face of loss or potential trauma is more common than is often believed, and that there are multiple and sometimes unexpected pathways to resilience” (Bonanno, 2004. P. 20).

The amount and degree of resiliency available and stored within an organism, group, or system is not stagnant or predetermined. It is rather quite fluid and lively. It fluctuates with the needs, tasks, challenges, and trials depending on a number of internal and external factors; like the circumstances surrounding the event, the pre-existing and operational conditions, the available tangible resources, a meaningful

support-team and connectivity, and the nature, predisposition, and innate faculties of that entity, group, or organism.

Yates and Masten (2004) attempted to find a framework for “fostering the future” by exploring the relationship between the science of resiliency and the practice of positive psychology. The authors encouraged a complementary appreciation for resiliency’s theory, research, and application as well as the refinement of its conceptualization(s). They provided suggestions for surmounting the obstacles facing the building of mutually-reciprocal relationship between the study of resiliency and the practice of positive psychology. Conceptualizing resiliency from a developmental psychology model, the authors emphasized that resiliency is rather an ordinary adaptation that happens despite extraordinary circumstances.

Thus, resiliency is the driving force behind all the steps and phases of life journey, leading to a healthy coping, enduring, managing, regrouping, mobilizing, surviving, rallying, regulating, thriving, and eventually blossoming and flourishing. That process can be a one-time event or experience, lifting the person or group to a higher-level of functioning, or a gradual course over a long period of time, or a repeated cycle-pattern that occurs each time people face a major struggle, hardship, or adversity.

Resiliency and Pedagogy

How best to describe resiliency in teaching-learning settings and academia? How to design an educational curriculum to enhance positive changes and increase personal internal-external strengths and scholastic communal-resiliency? Does the learning environment and the teaching style have anything to do with building fortitude? In this section we will consider the role of pedagogical institutions not only in educating the intellect or mind, but also in shaping the worldview, posture, character, and maturity of the learners so they can develop deeper, strive further, and grow wiser.

Recently, the trend of *positive education* is gaining momentum and a great deal of enthusiasm, making its way into school campuses. It is inspired by and overlapping with another new and broader trend, called *positive psychology*. Educational psychology has been encouraged to enhance and focus more on the students’ talents and strengths rather than on their weaknesses, deficiencies, and vulnerabilities. That is similar to the new approaches happening in coaching, consulting, counseling, psychotherapy, and psychiatry. However, we need to be careful and differentiate between creating “positive learning experiences” for students of all ages, as simply promoting mere emotional comfort, intellectual easiness, or enjoyable class activities (emphasizing feeling-good and happiness), and the traditional, hard-working, conducive, memory-stretching, and rigorous learning programs. These two aspirations have been, at times, at odds or mixed-confused with each other, as having equal values or leading to the same desired pedagogical objectives.

Therefore, the question remains, what is really the primary aim of the learning process and the educational environment? Is it for students to always be comfortable, positively affirmed, engaging in elective activities, and feeling contented and well-accepted regardless of their performance or to be challenged to grow and stretched further, produce higher results, and fulfill their potentials? These metho-

dological approaches should be carefully incorporated, prioritized, integrated, synchronized, and harmonized, so that a single paradigm or approach is not over-emphasized or under-sacrificed at the expense of the other. Virtually, successful learning efforts are manifested in a sustainable-retainable body of knowledge, a structured-disciplined disposition, an internalized skill-creation, and a personality-character formation (Day, Gu, 2013; Cefai et al., 2014; Kristjánsson, 2013; Niesel, Griebel, 2005; Seligman et al., 2009).

Education in the 21st century has increasingly been “characterised by ethnic and cultural diversity reflecting global flows of international students and domestic multiculturalism... the diversity of the student body on university campuses provides a rich source of lived experience in cultural boundary-crossing that could be harnessed as a resource in promoting intercultural understanding and, in turn, developing graduates as global citizens” (Caruana, 2014. P. 1).

Genuine pedagogical support for learners should be provided during all academic stages and school transitions, on the individual-personal level, on the interactive-interpersonal level, and on the contextual-cultural level. According to Niesel and Griebel (2005), transitions have been defined as phases of life that are related to developmental demands; which in turn are socially regulated and do require intensified and accelerated learning and could also include periods of heightened vulnerabilities. Under normal settings, transitions can generate positive developments and growth. But under unfavorable or adverse settings, transitions may cause disorientation, problematic behavior, and emotional disturbance. Therefore, schools need to find ways to foster “resiliency through strengthening protective factors” in order to equip students with coping and “competencies that heighten the probability of resiliency and their ability to survive psychologically, if adverse circumstances should occur” (Niesel, Griebel, 2005. P. 5).

Eventually, the ultimate goal of any educational system is to produce skilled people, life learners, competent survivors, integrated human beings, and robustly seasoned and prudent prospects. That is the end result of any real, effective, and sustainable pedagogical endeavor. It takes time, effort, skill, and dedication to cultivate such qualities in the teaching-learning environment, which leads us to discuss the ability of transforming information building, data collecting, and years of schooling into *knowledge*, as a truly desired talent and trophy. Furthermore, educators need to encourage and guide their pupils and trainees, of all ages, to transform that body of *knowledge* into a distilled *insight*, and then that *insight* into a treasured *wisdom*.

Indeed, gaining understanding and acquiring wisdom should be the ultimate goal, high prize, and anticipated virtue of all studying, learning, and professional training experiences (cf. Beimorghi et al., 2019; Blockley, 2015; Guorong, 2002). Similarly, and according to Awbrey and Scott, (1994), the philosopher Nicholas Maxwell argued that universities today are founded on a certain philosophy of knowledge that narrowly focuses on solving the technical problems of specialized academic disciplines. The foundation of a university should rather be manifested in “a new type of inquiry that would have as its aim the improvement of not only knowledge but personal and global wisdom” (Awbrey, Scott, 1994. P. 161).

To some degree, many schools and training institutions are now realizing the importance of not only developing skills and techniques in order to build

a *career* but also developing personal traits and qualities in order to build a *character*. Actually, wisdom relies heavily on life experience, accumulated discernment, broad perspective, and common sense. It is the ability to utilize any information, event, or given situation to draw sound conclusions, balanced attitudes, and meaningful decisions. Modeling, coaching, mentoring, and leading by examples are ways being increasingly implemented in the academy at many educational institutions to encourage personal growth, facilitate character formation, and impart sound morality and thoughtful understanding. Ultimately, these faculties can also be the basic foundation of an authentic strength, long-term fortitude, and genuine resiliency (Abi-Hashem, 1999a, 2011a; Cefai et al., 2014; Harris, 2016; Kristjánsson, 2013; Sternberg, 2001).

Resiliency and Physiology

How do the body and the mind interact? Are some aspects of our physical health and wellbeing also culturally oriented in nature? How can a community increase its group health resiliency and resistance immunity? Do social norms and cultural mediators have anything to do with neuroscience?

Those are core questions that reveal the fundamental spheres of our purpose and function, as a whole, and highlight the major differences between the Eastern and Western views of human nature. Generally speaking, for the Far East mentality, the whole is basically larger than the sum of its parts, since our faculties do overlap and operate in harmony. That is true of understanding the wealthy literature of knowledge, which ought not be fragmented or endlessly branching out into sub-disciplines (as mostly is the case in the West), but remains cohesive, collaborative, and complimentary. Thus, with the attempt of focusing on separate details, segments, or faculties, it is very important not to lose sight of the big picture and global overview (Abi-Hashem, 1998, 2014a).

Positive insights from behavioral medicine, handling life crises constructively, healthy coping with acute stressors, and practicing beneficial lifestyle habits have been well documented to strengthen the immune system, maintain healthy bodily functions, and enhance the whole organism survival (cf. Bandura, 1998). *Physiological resiliency* has been studied through different venues. Hawkley et al. (2005) explored the intensity of stress reactions on the efficacy of restorative processes that fortify the human body and eventually replenish physiological reserves. The authors examined “the net impact of human frailties and strengths on physiological resilience and health during the aging process” (Hawkley et al., 2005. P. 115).

Evidently, there is a connection among neurobiological vulnerability, plasticity, and resiliency. According to Karatsoreos and McEwen (2013), our brain is constantly adjusting to environmental changes, detecting stimuli, integrating information, engaging physiological responses, and rearranging our internal states. The authors explored what resilience means in a neurobiological context and observed that the ability to adapt to stressors “by ‘bending’ but not ‘breaking’ can be considered as ‘resilience’... this process of stability through change is termed ‘allostasis’, and serves as a mechanism by which an organism can adapt to a changing environment to function optimally, and ultimately ensure survival” (Karatsoreos, McEwen, 2013. P. 1).

Resiliency training might actually change the wiring of our human brain. Tabibnia and Radecki (2018) reviewed the neuroscience of emotions and the cognitive-behavioral strategies that cultivate resiliency. They concluded that, with the right kind of coaching, these pathways could lead to better health and endurance. Similarly, Amen (2015) emphasized that our general health, including mental-emotional wellbeing, is tightly connected to and largely depends on the actual condition of our brain. He asserted that a weak, underused, relatively inflamed or partly damaged brain could eventually begin to repair and restore itself with proper care; consequently, restoring other bodily and physiological functions, and ultimately fulfilling the potential of the brain itself.

The nature and impact of stress vary among individuals, families, groups, and societies. Chronic and cumulative stressors are crippling to our minds and disturbing to our physical health and relationships. They trigger the secretion of high levels of damaging hormones, like *cortisol*, as our bodies cope with and respond to such severe and prolonged stress (Feder et al., 2010; Mayo Clinic, 2019). The field of psychoneuroimmunology, which began in the early 1980s, attempted to focus on the integration of the immune system and central nervous system with other physiological activities. It emphasized that the psycho-behavioral processes and the immunological functions mutually affect, modulate, inform, and alter each other, due to the multi-directional communication pathways shared among them (Abi-Hashem, 1999b; Feder et al., 2010).

Generally speaking, the notions of health, wellness, strength, and prosperity are culturally based, as are the notions of illness, disease, and pathology. What is unhealthy, abnormal, and clinical in one place, or among certain groups of indigenous people, may very well be normal and natural in another place. Therefore, practitioners and helping professionals need to be very careful not to quickly use medical classifications and psychological diagnostic criteria, which are developed elsewhere (mostly in the global West), to diagnose features, signs, behaviors, or symptoms of another local minority or a population in a faraway location. In many places around the world, people's cultural mediators, socio-spiritual values, broader worldviews, and realistic expectations of what life can often shape their perspectives and attitudes and enable them to accommodate hardships, tolerate pain, and reconcile life's polarities to a greater extent. Similarly, various human experiences and emotional expressions, both the positive-pleasant and the negative-unpleasant, have been defined and moderated by the local norms, values, heritage, and culture. These in turn have mobilized the available internal resources of that group or society to support its members and empower themselves to hold on steadily and move forward expectantly (Abi-Hashem, 2011b, 2014a, 2014b, 2015, 2019; Kim et al., 2006; Marsella, Pedersen, 2004).

Resiliency and Spirituality

Existential views and beliefs, philosophical outlook and worldview, and spiritual faith and practices all have been instrumental to lift the morale and clarify the mindset of people who are struggling or suffering. Furthermore, religious faith and practice can buffer and protect the psycho-emotional wellbeing to a certain degree, against severe stressors, debilitating depressions, activating anxieties, and

down-spiraling despair (cf. Pargament, Cummings, 2010). Such common symptoms are usually triggered by hopelessness and helplessness, during-and-after major crises, losses, traumas, disasters, and tragedies.

Spiritual faith, religious traditions, and socio-normative rituals, whether practiced alone-individually or with others-collectively, have great resiliency benefits on the mind, psyche, mood, behavior, soul, body, attitude, and relational connectivity. They help keep a broader mental perspective, an adequate motivational energy, a transcendent view of reality (beyond the material realm), a closer bond with others and with nature, a calmer nervous system, a more peaceful posture of heart, and a confident ongoing attitude, all enhancing strength, endurance, fortitude, regulation, survival, and wellbeing (Abi-Hashem, 2001, 2011a, 2013, 2019; Kira et al., 2020; Koenig, 2008; Paine et al., 2015; Vanistendael, 2007).

Religious faith and spirituality can be a great resource for, not only coping with a crisis, but also for growing, striving, and flourishing in the midst of disasters and calamities. The derived *sense of hope* is enlightening and empowering. The camaraderie of like-minded friends and colleagues in the faith-community is a great source of integral social-support and genuine solidarity, so that they keep pressing on with their urgent tasks which are needed for group survival. Often, people take turns in strengthening and lifting up each other, especially when facing stressful pressures, as some group-members begin to fall under the heavy burden of struggles – which is a beautiful act of mutual-uplifting and solidarity (Abi-Hashem, 2001, 2013, 2014b, 2019; Bonanno, 2004; Ettun et al., 2014; Kira et al., 2020; Koenig, 2008)

Presently, numerous academic journals, books, courses, training seminars, professional associations, and research studies are being devoted to these essential themes. A large volume of literature is found in many contemporary disciplines like medicine, social sciences, education, psychology, and other humanities on the place, role, and impact of generic spirituality, in general, and religious faith, affiliation and practice, in particular. Some of these truths and realities were known to older disciplines, like philosophy, theology, and anthropology for centuries. Religiousness has been a close companion to humanity since the beginning. Of course, like other human endeavors, faith practices have been skewed or misused as a cover for unhealthy and disturbing behaviors, power struggles, and subtle ethnic-social-political conflicts. However, modern scholarship has been exploring and documenting the many benefits of religious faith and sound spirituality, in its many shapes, types, and forms on the human health and communal wellbeing – like meditation, intentional prayer, reading devotional materials, contemplative chanting, time in sacred places, reflection in nature, worshipping with others, observing religious feasts, joining in charity-acts and compassionate-care, methods of mindfulness, spiritual diary and journaling, and membership in an established church-group or faith-based-congregation (Pargament, Cummings, 2010).

Spiritual faith can generate a good dose of resiliency for struggling people since the human mind and psyche cannot dwell on *hope* and on *despair* at the same time, at least not for too long. Additionally, some people go through a crisis of faith during a loss, trial, or tragedy. That is a normal questioning due to the intensity and duration of certain hardships and traumatic-events. Fortunately, some educators and counselors are acquainted with or have basic training in religious, philo-

sophical, or theological studies, so they can relate to the faith dimension and experiential spirituality of other people. Otherwise, healthcare providers and helping-professionals can always refer struggling individuals and families, whose faith is very foundational to them, to pastors, chaplains, and faith-based centers – that are psychologically aware. There, they can find pastoral guidance and counseling, spiritual care and comfort, therapeutic follow-up, and adequate emotional support (Abi-Hashem, 2001, 2019; Ettun et al., 2014; Kira et al., 2020; Koenig 2008).

Virtually, religion and culture are intertwined in a close relationship. Religion is merely a cultural manifestation and a socio-communal system (cf. Geertz, 1973). So, actually, what is religious is also social; and what is social is also cultural; and what is cultural is also existential; and what is existential is also spiritual; and therefore, is psychological-emotional in nature. Tillich (1959) considered *culture* as a form of religion and *religion* as a substance of *culture*. He excluded their dualism or schism and existential separation by emphasizing clearly that, “every religious act, not only in organized religion, but in the most intimate movement of the soul, is culturally formed” (Tillich, 1959. P. 42).

Resiliency and Psychotherapy

Counseling and psychotherapy are effective ways of helping struggling individuals, families, and groups to cope, survive, and strive and to face life more confidently. Therapy and clinical care usually help in bringing mental clarity, gaining skills, increasing emotional intelligence, and fostering existential awareness – all the while working on unresolved issues, past injuries, and obstacles toward growth. Psychotherapy along with coaching, mentoring, consulting, and caregiving are essential relational tools that help not only those struggling and overwhelmed, but others who desire to gain a deeper insight, practical skills, better self-discovery, and a higher level of functioning, with added motivation to achieve their goals and fulfill their potential.

Thus, resiliency-focused therapy can increase recovering, facilitate rebounding, promote enduring, and enhance flourishing. It can help people refocus on what is more important, appreciate their psychosocial assets, reclaim their personhood in dignity, and empower their healthy potential and natural faculties. In addition, therapy can be instrumental in preventing lapses, containing symptoms, and strengthening affected individuals, families, groups, and communities alike. Cross-cultural counseling is especially crucial during our times, granted that such psychotherapy is conducted with skillful awareness, practical knowledge, mutual understanding, cultural competency, and human sensitivity (Abi-Hashem, 2011b, 2014a, 2014b, 2015; Khukhlaev et al., 2020; Jordan, 2017; Kim et al., 2006).

Resiliency-informed counseling goes hand in hand with positive psychology (PP) and post-traumatic growth (PTG). It is basically progress-motivated and forward-oriented. Dwelling on the positive and cultivating hope have been emerging in the helping-professions as main themes of caregiving. They are supposed to mobilize the innate strength within individuals, families, and groups, even within communities. Optimism and confidence motivate people to move ahead, with courage and determination, above and beyond their obstacles, struggles, agonies, and defeats (Simon et al., 2005; Yates, Masten, 2004).

Such an approach should not be used at the expense of minimizing the obvious challenges, limitations, pains, decays, despairs, or shadows of life. Bright outlook and realistic hope are powerful forces to employ and incorporate in any human or therapeutic endeavor. In the Arabic language there are two words for hope, *Amal* and *Rajaa*. One portrays optimism for the immediate near future and the other projects hope for the far distant future. So, people support and encourage each other by installing these *hopeful dimensions* in order to energize their emotional mood, brighten their existential outlook, and enhance their inspirational motivation, both for the short-term and the long-term alike (Abi-Hashem, 2001).

In an insightful challenge, Bonanno (2004) stressed that some clinicians and mental-health professionals, at times, tend to interfere with the clients' natural ability to overcome and recover naturally, by labeling this tendency to *move-on* as defense, denial, or suppression. Therapists even tend to pathologize the desire of certain people-survivors who genuinely show signs of quick bouncing-back and did enough processing. They want to move forward rather than dwell much longer on the crisis, loss, trauma, grief, adversity, or devastation itself and its long-term mental-emotional effects or implications.

In many societies around the world, where modern psychiatric services and in-depth counseling and psychotherapy are not common or readily available, people naturally practice social-communal-familial habits and engage in supportive activities that equal in value and benefit to western generative therapies, which could easily and creatively be labeled as “natural therapy.” In the Middle-East for example, a) people frequently spend time visiting, eating, and talking at length about life's affairs, joys, sorrows, and struggles, all of which provide a sense of free expression, bonding, and relief; b) women within the same neighborhoods meet every morning for strong Arabic-Turkish coffee to talk about their days, families, duties, aspirations, accomplishments, challenges, relationships, burdens, children, spouses, health, agonies, ...and to process and exchange ideas, show solidarity, and gain insights from each other (without realizing this is a type of a *group therapy*). Also, it is worth noting that cultural backgrounds, traditions, social lenses, and ethnic mediators greatly shape our human experiences and expressions of health and illness, joys and sorrows. Therefore, cultures significantly inform our psychological understanding, interpretation, intervention, and treatment of all our mental-emotional-communal struggles, syndromes, and disturbances (see also Buse et al., 2013).

Finally, a word about the need to encourage therapists, counselors, and clinical helpers to remain resilient themselves as they care for others. Developing balanced lifestyles and healthy self-care approaches are essential for helping-professionals in order for them to avoid unnecessary-unwelcomed symptoms of burnout, anxiety, depression, and depletion (Norcross, VandenBos, 2018; Skovholt, Trotter-Mathison, 2014). It is a skill and a virtue to care for ourselves – not to the degree of becoming impersonal, distant, or self-centered, as we care for others; especially if we are helping victims of severe tragedies, are serving under significant pressure for long time, or being positioned on the front lines, where exposure to substantial stressors, major conflicts, natural disasters, and hostile wars is inevitable.

Resiliency and Community

How best can we define *community*? And how can we mobilize communal-resiliency? Actually, there are different types, formations, structures, and levels of community or communities. The concept is rather fluid, representing a dynamic entity, which is larger than the extended family and friends and yet smaller than the society at large. Community is more than a collection of individuals coming together to form a group or an assembly. It is a tight-knit, well-bonded company of people, enjoying close relationships and nurturing each other through generational support, integral networking, and mental-emotional-social continuity (cf. Kulig et al., 2013; Norris et al., 2008). At times, nations and countries display qualities and behaviors compatible to a small community; they even act and react, rejoice and grieve, fall and regroup, just like a family unit. Therefore, *communal-resiliency* is more than a superficial connection or a surface-relational association, which the present social media and digital devices provide plenty of this kind. Rather, it is a glue that holds all the collective pieces together with a *deep organic connectivity* that stands the test of time.

According to Lerch (2017), people's relationships embody their social capital and are at their richest in the local dwelling places, where there is a clear sense of historical roots, cultural heritage, and mutual experiences. "Resilience is the ability of a system – like a family, a country, or Earth's biosphere – to cope with short-term disruptions and adapt to long-term changes without losing its essential character" (Lerch, 2017. P. 1). A community is a connected settlement of inhabitants, bonded together in time and space, in heritage and memories, and in hope and aspirations. *Communal-resiliency* is the capacity to confront common challenges and crises, the courage to consistently rebound with a reliable come-back, the determination to maintain a healthy environment and bio-psycho-ecology, and the creativity to build and reconstruct a collective legacy for the foreseeable future. Quite often, the soil becomes part of the soul. This reality reflects the beauty of intimate relationships, not only among people themselves, but also between people and their land, which in turn becomes an integral part of their social identity, generational nostalgia, and national memory.

Some scholars devoted their research to highlight the vital role of community for people's global mental-health and emotional restoration (Ungar, 2012). Such research efforts focused on moving the emphasis from the micro entity to the macro ecology, from the individual-self, which is prevalent in Western societies, to the communal-self, where a larger group-identity is prevalent, well appreciated, and inherently enhanced. Consequently, this gives a true existential meaning to the one singular person. The logo "I, me, myself, mine" only becomes secondary to the primal priority of "we, us, ourselves, ours." Virtually, in relating well to the us/we that the I/me can have a true significance. Otherwise, the "I" will continue to float alone without any meaningful social-anthropological gravity or collective-communal orbiting. There is a need to transcend the isolated cell, one brain, single neuron, solo being, or human ego to a rich contextual capacity, stored in the psycho-social-tribal and intercultural existence of community; which is a step toward a more contextualized understanding of all human beings from all ages and backgrounds – including children, youth, adults, and elderly. Therefore, the psycho-

emotional life of people, coupled with sound cultural ecologies, contribute greatly to the healthy coping, sustainability, creativity, adaptability, and ultimately considerable resiliency (Kulig et al., 2013; Norris et al., 2008; Ungar, 2012; Wang et al., 2014).

Some communities and societies, when facing a significant pressure or tragedy, fare better than others. Elsass (1995) studied the psychology of cultural-resiliency by observing some community groups and indigenous tribes. He found that, when facing a danger or a threat of extinction, some groups or tribes survived well, and remarkably carried-on their traditional cultures intact, while others faded away and vanished. Elsass then asked a poignant question: Why does one society or community survive while others perish? Realizing there is no one easy answer, he stated, “The psychology of survival is best understood when it is examined in many different cultural contexts and in a broad variety of social situations” (Elsass, 1995. P. IX).

Another manifestation of resiliency is seen when people travel to resettle in another society or culture. The value of resiliency can then pertain to and be crucial for a successful uncomplicated cross-cultural adjustment and immigration survival. Depending on the reasons for migrating and on the pre-existing emotional conditions of the people prior to leaving their homeland, they will need a certain degree of resiliency and a sufficient survivor-power to achieve a healthy transition, an effective relocation, and a balanced intercultural functioning. While some people adapt/adjust well and rather quickly to the new setting and hosting society, others continue to struggle and remain detached and unintegrated for years to come.

Acculturation-resiliency is much needed, especially in this age of the 21st century, when cultures, mentalities, social norms, and various backgrounds are interacting and mixing more than ever. Therefore, cultural-crossing requires a certain level of skills for the best possible *acclimatization-acculturation* outcome – which includes of the following psychosocial processes combined: *Adaptation, accommodation, and assimilation*. These phases and mediators are essential for an effective integration within the new environment and for a smooth navigation within the social-communal system of the hosting culture (cf. Abi-Hashem, 2011b, 2014a, 2015; Abi-Hashem, Brown, 2013; Khukhlaev et al., 2020; Sam, Berry, 2006).

Is there a relationship between resiliency and cultural competency? Apparently, they are related as there is an overlap and a dynamic connection between them. It is reasonable to suggest that *resiliency* is best described as *cultural competency in action*. That is true for the observer and observed, the care-giver and care-receiver, the educator and learner, the therapist and client, the local dweller and global traveler... In addition, resiliency is well displayed and clearly manifested, not through an isolated person standing alone, but in the collaboration of the assembly and in the beauty of community. Acquired wisdom, learned insights, problem solving, collective strength, and genuine solidarity are accumulated and freely shared within the community. Then, these in turn are transformed into life mastery-skills and handed down the generations through mentoring and apprenticeship. These human capitals will be a buffer zone to adversities and hardships, and eventually will enhance the recovery and welfare of all the community members.

Virtually, culture shapes the life of the community and, in turn, culture is shaped by the community. It is at once the cause and the effect, the process and the outcome.

Therefore, cultures and communities possess many integral aspects and elements, which greatly overlap and are deeply woven into their fabric, like the abstract and concrete, the local and historical, the moral and temporal, the tangible and symbolic – as together they represent the essential connectivity with a rich past and the existential continuity with a resilient future.

Conclusion

Thus, we have explored the topic and concept of resiliency from different aspects and multi-disciplinary perspectives. We have found resiliency to be a powerful dynamic and a psycho-social-spiritual force that is embedded within the human nature and is stored within the vibrant community. We examined the intimate relationship between resiliency and culture, as both interact, overlap, and enhance each other in an inspiring, interdependent, and enriching way. We have highlighted the fact that resiliency is both an innate potential and a learned-shared skill; as we are born with its marker-ingredients and we can also develop its capacity by practicing survival, coping, enduring, and fortitude.

Resiliency can be passed from one generation to another, adding to the capital of resources stored within the community. We have found that it is a faculty-trait of individuals, families, and groups, and moreover, it is a *function of culture*, which is larger and broader than a local entity or a small unit. Resiliency is related to and generates from our historical roots, social heritage, normative values, existential outlook, global worldview, spiritual faith, and transcendent hope.

In closing, we can perceive resiliency as our positive and invigorating capacity. We may poetically describe its wonderful influence as inspirational, intentional, and motivational, for it continues to gracefully help us transform our – pain into purpose, hopelessness into hopefulness, intimidation into intuitiveness, crippling into creativity, devastation into determination, inner heartache into outward helpfulness, resigning into reframing, being scattered into being refocused, depletion into deployment, disillusionment into enlightenment, regression into reinvestment, perplexity into passion, retreating into re-envisioning, degenerating into regenerating, misery into mission, and finally, tragedy into treasure (see Abi-Hashem, 2011a; Ettun et al., 2014; Koenig, 2008; Yates, Masten, 2004).

References

- Abi-Hashem, N. (1998). Returning to the fountains. *American Psychologist*, 53(1), 63–64. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.53.1.63>
- Abi-Hashem, N. (1999a). Maturity. In D.G. Benner & P.C. Hill (Eds.), *Baker Encyclopedia of Psychology and Counseling* (2nd ed., pp. 730–731). Grand Rapids, MI: Baker.
- Abi-Hashem, N. (1999b). Psychoneuroimmunology. In D.G. Benner & P.C. Hill (Eds.), *Baker Encyclopedia of Psychology and Counseling* (2nd ed., pp. 973–974). Grand Rapids, MI: Baker.
- Abi-Hashem, N. (2001). Rediscovering hope in American psychology. *American Psychologist*, 56(1), 85–86. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.56.1.85>
- Abi-Hashem, N. (2011a). On cultural resiliency. *The Australian Community Psychologist*, 23(2), 23–31. Retrieved from <https://groups.psychology.org.au/Assets/Files/Abi-Hashem-ACP-2-11.pdf>
- Abi-Hashem, N. (2011b). Working with Middle Eastern immigrant families. In A. Zigelbaum & J. Carlson (Eds.), *Working with Immigrant Families: A Practical Guide for Counselors* (pp. 151–180). New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203879283>

- Abi-Hashem, N. (2013). Religion and spirituality. In K.D. Keith (Ed.), *Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology*. (pp. 1091–1094). Malden, MA: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118339893.wbeccp453>
- Abi-Hashem, N. (2014a). Cross-cultural psychology and counseling: A Middle Eastern perspective. *Journal of Psychology and Christianity*, 33(2), 156–163. <https://psycnet.apa.org/record/2014-33844-007>
- Abi-Hashem, N. (2014b). Social support: A psychological and cultural perspective. *APA International Psychology Bulletin*, 18(2–3), 74–77. Retrieved from https://internationalpsychology.files.wordpress.com/2014/07/ipb_spring-summer_2014_7-19_final.pdf
- Abi-Hashem, N. (2015). Revisiting cultural awareness and cultural relevancy. *American Psychologist*, 70(7), 660–661. <https://doi.org/10.1037/a0038984>
- Abi-Hashem, N. (2019). Pastoral and spiritual response to trauma and tragedy. In P.A. Barker (Ed.), *Tackling Trauma: Global, Biblical, and Pastoral Perspectives* (pp. 151–172). Carlisle-Cumbria, UK: Langham Global Library.
- Abi-Hashem, N., & Brown, J.R. (2013). Intercultural adjustment. In K.D. Keith (Ed.), *Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology* (pp. 744–746). Malden, MA: Wiley-Blackwell. Retrieved from <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118339893.wbeccp299/abstract>
- Amen, D. G. (2015). *Change Your Brain, Change Your Life* (revised and expanded). New York, NY: Harmony.
- APA. (2012). *Building Your Resilience*. Retrieved from <https://www.apa.org/topics/resilience>
- Awbrey, S.M., & Scott, D.K. (1994). Knowledge into wisdom: Incorporating values and beliefs to construct a wise university. *To Improve the Academy*, 13(1), 161–176. <https://doi.org/10.1002/j.2334-4822.1994.tb00264.x>
- Bandura, A. (1998). Health promotion from the perspective of social cognitive theory. *Psychology and Health*, 13(4), 623–649. <https://doi.org/10.1080/08870449808407422>
- Beimorghi, A., Hariri, N., & Babalhavaeji, F. (2019). Transforming knowledge into wisdom: A grounded theory approach. *Library Philosophy and Practice*, 1–12. Retrieved from <https://search.proquest.com/openview/60183136c3cc7e4607de7a491c272cda/1?pq-origsite=gscholar&cbl=54903>
- Blockley, D. (2015). Finding resilience through practical wisdom. *Civil Engineering and Environmental Systems*, 32(1–2), 18–30. <https://doi.org/10.1080/10286608.2015.1022725>
- Bonanno, G.A. (2004). Loss, trauma, and human resilience: Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? *American Psychologist*, 59(1), 20–28. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.59.1.20>
- Buse, N.A., Bernacchio, C., & Burkner, E.J. (2013). Cultural variation in resilience as a response to traumatic experience. *Journal of Rehabilitation*, 79(2), 15–23.
- Caruana, V. (2014). Re-thinking global citizenship in higher education: From cosmopolitanism and international mobility to cosmopolitanisation, resilience and resilient thinking. *Higher Education Quarterly*, 68(1), 85–104. Retrieved from <http://eprints.leedsbeckett.ac.uk/344/3/Caruana%20fv3.pdf>
- Cefai, C., Matsopoulos, A., Bartolo, P., Galea, K., Gavogiannaki, M., Zanetti, M., ... & Kimber, B. (2014). A resilience curriculum for early years and primary schools in Europe: Enhancing quality education. *Croatian Journal of Education*, 16(2), 11–32.
- Cohen, A.B. (2009). Many forms of culture. *American Psychologist*, 64(3), 194–204. <https://doi.org/10.1037/a0015308>
- Day, C., & Gu, Q. (2013). *Resilient Teachers, Resilient Schools: Building and Sustaining Quality in Testing Times*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203578490>
- Elsass, P. (1995). *Strategies for Survival: The Psychology of Cultural Resilience in Ethnic Minorities*. New York, NY: New York University Press.
- Ettun, R., Schultz, M., & Bar-Sela, G. (2014). Transforming pain into beauty: On art, healing, and care for the spirit. *Evidence-Based Complementary & Alternative Medicine*. Retrieved from <https://www.hindawi.com/journals/ecam/2014/789852/>
- Feder, A., Nestler, E.J., Westphal, M., & Charney, D.S. (2010). Psychobiological mechanisms of resilience to stress. In J.W. Reich, A.J. Zautra, & J.S. Hall (Eds.), *Handbook of Adult Resilience* (pp. 35–54). New York, NY: Guilford.

- Geertz, C. (1973). *Interpretation of Cultures: Selected Essays by Clifford Geertz*. New York, NY: Basic Books.
- Guorong, Y. (2002). Transforming knowledge into wisdom: A contemporary Chinese philosopher's investigation. *Philosophy East and West*, 52(4), 441–458. <https://doi.org/10.1353/pew.2002.0035>
- Harris, K.I. (2016). Heroes of resiliency and reciprocity: Teachers' supporting role for reconceptualizing superhero play in early childhood settings. *Pastoral Care in Education*, 34(4), 202–217. <https://doi.org/10.1080/02643944.2016.1154093>
- Hawkey, L.C., Berntson, G.G., Engeland, C.G., Marucha, P.T., Masi, C.M., & Cacioppo, J.T. (2005). Stress, aging, and resilience: Can accrued wear and tear be slowed? *Canadian Psychology/Psychologie Canadienne*, 46(3), 115–125. <https://doi.org/10.1037/h0087015>
- Jordan, J.V. (2017). Relational-cultural therapy. In M. Kopala & M. Keitel (Eds.), *Handbook of Counseling Women* (2nd ed., pp. 63–73). <https://doi.org/10.4135/9781452229546.n2>
- Karatsoreos, I.N., & McEwen, B.S. (2013). Resilience and vulnerability: A neurobiological perspective. *F1000 Prime Reports*, 5(13), 1–5. <https://doi.org/10.12703/p5-13>
- Khukhlaev, O.E., Gritsenko, V.V., Pavlova, O.S., Tkachenko, N.V., Usubian, S.A., & Shorokhova, V.A. (2020). Comprehensive model of intercultural competence: Theoretical substantiation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 13–28. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-13-28>
- Kim, U., Yang, K.-S., & Hwang, K.-K. (Eds.). (2006). *Indigenous and Cultural Psychology: Understanding People in Context*. New York, NY: Springer. <https://doi.org/10.1007/0-387-28662-4>
- Kira, I.A., Arıcı Özcan, N., Shuwiekh, H., Kucharska, J., Al-Huwailah, A.H., & Kanaan, A. (2020). The compelling dynamics of “will to exist, live, and survive” on effecting post-traumatic growth upon exposure to adversities: Is it mediated, in part, by emotional regulation, resilience, and spirituality? *Traumatology*. Advance online publication <https://doi.org/10.1037/trm0000263>
- Koenig, H.G. (2008). Spirituality and pain: Finding purpose, meaning and hope in the midst of suffering. *International Journal of Existential Positive Psychology*, 2(1). Retrieved from <http://journal.existentialpsychology.org/index.php/ExPsy/article/view/114>
- Kristjánsson, K. (2013). *Virtues and Vices in Positive Psychology: A Philosophical Critique*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139177818>
- Kulig, J.C., Edge, D.S., Townshend, I., Lightfoot, N., & Reimer, W. (2013). Community resiliency: Emerging theoretical insights. *Journal of Community Psychology*, 41(6), 758–775. <https://doi.org/10.1002/jcop.21569>
- Lerch, D. (Ed.). (2017). *The Community Resilience Reader: Essential Resources for an Era of Upheaval*. Washington, DC: Island Press.
- Marsella, A.J., & Pedersen, P. (2004). Internationalizing the counseling psychology curriculum: Toward new values, competencies, and directions. *Counselling Psychology Quarterly*, 17, 413–423. <https://doi.org/10.1080/09515070412331331246>
- Masten, A.S. (2015). *Ordinary Magic: Resilience in Development*. New York, NY: Guilford.
- Mayo Clinic. (2019). *Chronic Stress Puts Your Health at Risk*. Retrieved from <https://www.mayoclinic.org/healthy-lifestyle/stress-management/in-depth/stress/art-20046037>
- Meichenbaum, D. (1994). *A Clinical Handbook/Practical Therapist Manual for Assessing and Treating Adults with PTSD*. Waterloo, Ontario: Institute Press.
- Niesel, R., & Griebel, W. (2005). Transition competence and resiliency in educational institutions. *International Journal of Transitions in Childhood*, 1(1), 4–11.
- Norcross, J.C., & VandenBos, G.R. (2018). *Leaving it at the Office: A Guide to Psychotherapist Self-Care*. New York, NY: Guilford.
- Norris, F.H., Stevens, S.P., Pfefferbaum, B., Wyche, K.F., & Pfefferbaum, R.L. (2008). Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities, and strategy for disaster readiness. *American Journal of Community Psychology*, 41(1–2), 127–150. <https://doi.org/10.1007/s10464-007-9156-6>
- Paine, D.R., Sandage, S.J., Rupert, D., Devor, N.G., & Bronstein, M. (2015). Humility as a psychotherapeutic virtue: Spiritual, philosophical, and psychological foundations. *Journal of Spirituality in Mental Health*, 17(1), 3–25. <https://doi.org/10.1080/19349637.2015.957611>

- Pargament, K.I., & Cummings, J. (2010). Anchored by faith: Religion as a resilience factor. In J.W. Reich, A.J. Zautra, & J.S. Hall (Eds.), *Handbook of Adult Resilience* (pp. 193–210). New York, NY: Guilford.
- Pooley, J.A., & Cohen, L. (2010). Resilience: A definition in context. *The Australian Community Psychologist*, 22(1), 30–37. Retrieved from <https://www.psychology.org.au/APS/media/ACP/Pooley.pdf>
- Sam, D.L., & Berry, J.W. (Eds.). (2006). *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511489891>
- Sandberg, S., & Grant, A. (2017). *Option-B: Facing Adversity, Building Resilience, and Finding Joy*. New York, NY: Knopf Doubleday. <https://optionb.org/book>
- Seligman, M.E., Ernst, R.M., Gillham, J., Reivich, K., & Linkins, M. (2009). Positive education: Positive psychology and classroom interventions. *Oxford Review of Education*, 35(3), 293–311. <https://doi.org/10.1080/03054980902934563>
- Simon, J.B., Murphy, J.J., & Smith, S.M. (2005). Understanding and fostering family resilience. *The Family Journal*, 13(4), 427–436. <https://doi.org/10.1177%2F1066480705278724>
- Skovholt, T.M., & Trotter-Mathison, M. (2014). *The Resilient Practitioner: Burnout Prevention and Self-Care Strategies for Counselors, Therapists, Teachers, and Health Professionals*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203893326>
- Southwick, S.M., Bonanno, G.A., Masten, A.S., Panter-Brick, C., & Yehuda, R. (2014). Resilience definitions, theory, and challenges: Interdisciplinary perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*, 5(1). Retrieved from <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/ejpt.v5.25338>
- Sternberg, R.J. (2001). Why schools should teach for wisdom: The balance theory of wisdom in educational settings. *Educational Psychologist*, 36(4), 227–245. https://doi.org/10.1207/s15326985ep3604_2
- Tabibnia, G., & Radecki, D. (2018). Resilience training that can change the brain. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 70(1), 59–88. <https://doi.org/10.1037/cpb0000110>
- Tillich, P. (1959). *Theology of Culture*. New York, NY: Oxford University Press.
- Ungar, M. (2008). Resilience across cultures. *British Journal of Social Work*, 38, 218–235. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcl343>
- Ungar, M. (2013). Resilience, trauma, context, and culture. *Trauma, Violence, & Abuse*, 14(3), 255–266. <https://doi.org/10.1177/1524838013487805c>
- Ungar, M. (Ed.). (2012). *The Social Ecology of Resilience: A Handbook of Theory and Practice*. New York, NY: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-0586-3>
- Vanistendael, S. (2007). Resilience and spirituality. In B. Monroe & D. Oliviere (Eds.), *Resilience in Palliative Care: Achievement in Adversity* (pp. 115–135). Oxford, UK: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199206414.003.0008>
- Wang, P., Liu, D.Z., & Zhao, X. (2014). The social ecology of resilience: A comparison of Chinese and Western researches. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 116, 3259–3265. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.01.744>
- Yates, T.M., & Masten, A.S. (2004). Fostering the future: Resilience theory and the practice of positive psychology. In P.A. Linley & S. Joseph (Eds.), *Positive Psychology in Practice* (pp. 521–539). New York, NY: Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9780470939338.ch32>

Article history:

Received: 22 September 2020

Revised: 10 November 2020

Accepted: 12 November 2020

For citation:

Аби-Хашем, Н. (2020). Resiliency and Culture: An Interdisciplinary Approach. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 586–603. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603>

Bio note:

Naji Abi-Hashem, MDiv, MA, PhD, currently is a non-resident scholar at Baylor University Institute for Studies in Religion (ISR) and an Associate with Member CARE International. He is a clinical and cultural psychologist, independent scholar, author, public speaker, consultant, and a visiting professor. N. Abi-Hashem is Lebanese-American involved in international service, providing training, presenting at conferences, writing, editing, global networking, cross-cultural work, and caring for the caregivers, who divides his time between the United States and Beirut, Lebanon. He has taught and lectured at several universities, colleges, institutions, and seminaries, supports local-national leaders and helping-professionals in many countries (teachers, healthcare providers, social workers, pastors, caregivers, humanitarian aids, etc.), especially those who are serving on the front lines or under severe pressures. N. Abi-Hashem is the featured therapist in a professional training DVD, produced by the American Psychological Association (APA), on multicultural counseling, entitled “Working with Arab Americans” and a four-hour continuing education workshop (same topic) as part of the APA online training on-demand library. He writes and speaks on matters related to psychology, counseling, cross-cultural work, social issues, religious faiths and values, worldview and humanity, Middle Eastern mentalities, psychotherapy approaches, immigrants and refugees, globalization and trans-nationalism, peace-making, cultural heritage and dynamics, pastoral care and counseling, loss and trauma, grief and bereavement, mental health and spirituality, psycho-social aspects of politics, fundamentalism, extremism, and radicalism. So far, he has made about 95 professional presentations at various scholarly conferences and conventions, and has produced about 95 publications in form of journal articles, book-chapters, encyclopedia entries, training videos, and general essays. Webpages: Independent.Academia.edu/NajiAbiHashem, Researchgate.net/profile/Naji_Abi-Hashem. E-mail: NajiAbiHashem@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603

Обзорная статья

Резильентность и культура: междисциплинарный подход

Наджи Аби-Хашем

Бейлорский университет

Соединенные Штаты Америки, WA 98133, Сиэтл, Wallingford Ave North, 14054

Аннотация. В последние годы в число приоритетных направлений исследования целого ряда академических дисциплин и гуманитарных практик вошли проблемы психосоциальной резильентности и культурной компетентности. В данной статье с позиции социокультурного и междисциплинарного подходов рассматриваются сущность, природа и функции резильентности, обосновывается ее фундаментальная и интегративная роль в области психологии, педагогики, физиологии, психотерапии, а также в сфере духовности и общественной жизни. Показан большой потенциал культурной резильентности в развитии многих направлений обучения и областей знания, подчеркивается важность интеграции данного концепта в образовательные подходы и педагогические практики. Утверждается, что сущность и проявления резильентности связаны не только с чертами и способностями отдельного человека, но также с общими социальными ресурсами: культурным богатством общества, опытом и знаниями многих поколений. В рамках настоящего исследования резильентность рассматривается и как внут-

ренная предрасположенность, характерная для отдельной личности или социальной группы, и как навык, который постепенно усваивается, специально формируется, развивается в течение жизни человека и затем проявляется как образ жизни, как необходимый потенциал и естественное стремление личности к полноценному функционированию, в особенности в трудных, проблемных ситуациях. Подчеркивается значимость формирования и развития межкультурной компетентности, междисциплинарного обучения и сотрудничества, что будет способствовать формированию резильентности и усвоению личностью эффективных стратегий совладания (копинга) в критических ситуациях. Достижению этой цели также будет способствовать рост социальной сознательности, расширение эмоциональных возможностей, воспитание уважения к сложившимся социальным отношениям и культурным традициям.

Ключевые слова: резильентность, культура, психология, общество, копинг, междисциплинарный подход, межкультурная адаптация, жизненные трудности, надежда, духовность, сопротивляемость, мудрость

История статьи:

Поступила в редакцию: 22 сентября 2020 г.

Принята к печати: 12 ноября 2020 г.

Для цитирования:

Abi-Hashem N. Resiliency and Culture: An Interdisciplinary Approach // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 586–603. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-586-603>

Сведения об авторе:

Аби-Хашем Наджи, MDiv, MA, Ph.D., в настоящее время является внештатным научным сотрудником института религиоведения (ISR) Бейлорского университета (Уэйко, США), членом организации CARE International. Н. Аби-Хашем – независимый ученый, клинический психолог, этнопсихолог, писатель, оратор, консультант, ведущий преподавательскую деятельность в качестве приглашенного профессора в ряде университетов, колледжей, институтов и семинарий США и Ливана. Консультирует руководителей и специалистов социальной сферы во многих странах мира, особенно в тех, где идут войны, происходят кризисы или катастрофы. В сфере его научных и практических интересов проблемы психологии, психотерапии, консультирования, межкультурной работы, общественные проблемы, духовность, религиозные верования и ментальность, мировоззрение и гуманность, менталитет жителей стран Ближнего Востока, проблемы глобализации и транснационализма, иммигрантов и беженцев, миротворчества и культурного наследия, вопросы психического здоровья, горя, утраты и травмы, психосоциальные аспекты политики, фундаментализма, экстремизма, радикализма и др. Н. Аби-Хашем выступил с презентациями на 95 международных конференциях и съездах, опубликовал более 95 научных статей в журналах и энциклопедиях, глав в монографиях и учебниках, выпустил ряд обучающих видео и онлайн-программ (в том числе под эгидой Американской психологической ассоциации). Страницы в интернете: Independent.Academia.edu/NajiAbiHashem, Researchgate.net/profile/Naji_Abi-Hashem. E-mail: NajiAbiHashem@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-604-623

UDC 159.923.2

Research article

Posttraumatic Growth in Cambodia: A Mixed Methods Study

Julie Badaracco¹, Skultip Sirikantraporn², Grant J. Rich³,
Julii Green¹, Matthew C. Porter¹

¹Alliant International University

1000 S Fremont Ave, bldg A7, Alhambra, CA 91803, United States of America

²Fulbright University Vietnam

Floor 2, Crescent Plaza, 105 Ton Dat Tien, Tan Phu Ward, District 7,
Ho Chi Minh City, Socialist Republic of Vietnam

³Walden University

100 Washington Ave South, suite 900, Minneapolis, MN 55401, United States of America

Abstract. The majority of psychological research has focused heavily on the negative outcomes of trauma and tends to ignore the positive outcomes of experiencing traumatic events. Posttraumatic growth (PTG) is a concept that stems from positive psychology and was originally developed by R.G. Tedeschi and L.G. Calhoun (2004). PTG is the process of growth after trauma and has been divided into five domains: greater appreciation for life, more intimate relationships, personal strength, recognition of new possibilities, and spiritual development. This mixed methods study utilizes archival data collected in 2015–2016 at the American University of Phnom Penh to examine the experience of growth after trauma that 70 Cambodian participants faced from a quantitative and qualitative perspective. Quantitative analysis determined that the *Adult Resilience Measure* (ARM) and the *Posttraumatic Growth Inventory* (PTGI) were considered internally reliable and valid measures when used with Cambodians. It was determined that the number of traumatic events one experiences does not influence one's ability to experience PTG or resiliency and the concepts of PTG and resiliency are correlated. The qualitative analysis utilized grounded theory to develop a theory of PTG within Cambodia. These results indicated that Cambodians experience PTG in four core categories including: personal strength, relational strength, avenues of growth and religion/spirituality. The quantitative and qualitative results illustrate that Cambodians experience PTG in a similar manner when compared to the original PTG theory. However, there are cultural nuances that must be taken into account when exploring PTG within the Cambodian population.

Key words: Cambodia, culture, cross-cultural, grounded theory, positive psychology, posttraumatic growth, resilience, Southeast Asia, trauma, mixed methods

Introduction

Psychology has adopted a disease-based model, meaning that researchers and clinicians tend to focus on the ailments of mankind rather than looking at the strengths and virtues of human beings. There is not enough attention given to

© Badaracco J., Sirikantraporn S., Rich G.J., Green J., Porter M.C., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the importance of understanding that human beings are more than their shortcomings and illnesses, making it essential for clinicians and researchers to understand and learn how to foster feelings of contentment and happiness in their clients and participants as these are feelings that all human beings will experience (Zoellner, Maercker, 2006). There are certainly benefits in studying and understanding psychopathology and the impact of negative experiences of individuals, such as trauma, and is essential in assisting individuals to become their best selves. This is where the field of positive psychology interacts with the disease model of psychology, and it is one way to facilitate this growth for individuals seeking help (Seligman, 2011; Seligman, Csikszentmihalyi, 2000).

There has been a plethora of research examining the negative impact of trauma such as posttraumatic stress disorder (PTSD). PTSD is a debilitating psychological disorder that is characterized by intrusive symptoms, avoidance, and hypervigilance (American Psychiatric Association, 2013; Breslau et al., 1997; Hinton et al., 2005; Kessler, 2000; Nemeroff et al., 2006). Many individuals who have experienced, witnessed, seen or heard about one or more traumatic events may develop PTSD or related symptoms (Anda et al., 2006; American Psychiatric Association, 2013; Green, 1990; Green et al., 2000). Much of the early trauma research focused specifically on trauma stemming from armed combat and there continues to be a common belief that PTSD is a psychological disorder exclusively for individuals who have experienced armed combat (Nemeroff et al., 2006). This is a false belief as there are many other situations in which an individual can experience trauma including: physical, emotional, sexual and verbal abuse, sexual assault, natural disasters, unsafe environmental conditions, disease, and the death of a loved one (Bracken, 2002; Green, 1990).

It is important to note that trauma is experienced and understood in a variety of different ways depending on one's cultural background (Bracken, 2002; Cohen, 2009; Southwick et al., 2014; Ungar, 2008, 2013). The Diagnostic and Statistical Manual (5th edition) is used to diagnose PTSD in western societies and captures the three main markers associated with psychological distress following a trauma including: intrusive symptoms, avoidance, and hyperarousal. These markers are seen as universal markers of psychological distress, although there are cultural differences that need to be accounted for. One of the first cultural differences is memory. It is fairly common for individuals to forget certain details of the trauma and there tends to be a difference in memory retention amongst individuals living in individualistic and collectivistic cultures (Bremner, 1998; Oyserman et al., 2002). Jobson and O'Kearney (2006) found that traumatic memories tend to be more autonomous experiences regardless of one's cultural orientation. Therefore, it may be difficult for individuals in a collectivistic culture to remember all of the details of the trauma they have experienced. Another cultural implication with psychological distress after a trauma is somatization, which occurs when an individual's psychological distress is manifested through physical symptoms such as headaches, chronic pain, and sleep disturbances. It is fairly common for individuals, especially from collectivistic cultures, to manifest their posttraumatic reactions through physical symptoms because of the social acceptability of exhibiting physical symptoms within their culture (Perry et al., 2007).

Culture plays a role in how one experiences psychological distress after a traumatic event, and also impacts an individual's journey through healing, which varies widely based on the individual, cultural, socioeconomic, and environmental settings (Bonanno, 2004; Southwick et al., 2014; Ungar, 2008, 2013). Although, it is natural and normal to experience psychological distress, according to Victor Frankl (1970) human beings tend to be motivated by what he called "will to meaning". This concept outlines the idea that human beings are motivated and attempt to create meaning out of their lived experiences, even when those experiences are negative. Since Frankl (1970) there have been other developments in the field of psychology that focus on resilience and making meaning out of life. This study focuses on the process of growth after trauma, which is called post-traumatic growth (PTG) and was coined by Tedeschi and Calhoun (2004). PTG is the positive psychological change experienced as a result of adversity to rise to a higher level of functioning. During this process individuals undergo significant life-changing psychological shifts in thinking and ways of relating to the world that contribute to a personal process of change and making meaning of life (Tedeschi, Calhoun, 2004). Five domains exist within the PTG framework including: a greater appreciation for life and changed sense of priorities, more intimate relationships, a greater sense of personal strength, recognition of new possibilities in one's life, and spiritual development (Tedeschi, Calhoun, 2004). PTG may seem like an ideal solution to trauma, but this does not mean that everyone is able to achieve it. Simply because an individual achieves PTG does not mean that they will be symptom-free or that they will be able to return to their pre-trauma state (Tedeschi, Calhoun, 2004).

Understanding the Cambodian Population

The concept of PTG was developed in the West and has been found to be a fairly flexible concept, however it is important to understand how this concept relates to individuals in different cultural contexts and in individuals who have experienced different forms of trauma (Cohen, 2009; Flores, Ezemenari, 2003; Tedeschi, Calhoun, 2004). The Cambodian genocide is one of the least studied genocides to date and there has been comparatively little research by psychologists on this horrendous event on the Cambodian people (Chandler, 2007; Hinton, 2004; Kierman, 2008). Cambodia has a history marked by war and corrupt governments, with the Cambodian genocide being the most horrific period of human rights violations in the country's history. Prior to the start of the genocide in 1975, the country endured a civil war where the Pol Pot Regime came into power after a coup d'état (Chandler, 2007; Hinton, 2004; Van de Put, Eisenbruch, 2002). The Pol Pot Regime desired to return to the socialist agrarian society in which the regime believed Cambodia had been founded (Coe, 2005). 1975–1979 marked a period where intellectuals, monks, diplomats and any individuals in powerful positions were murdered. Cambodians living in urban areas were relocated to the countryside in an attempt to return to a traditional lifestyle, relying solely on agriculture. People were forced to work in the rice fields and were often starved to death. Children were trained to spy on their parents and notify officials if they caught their parents saying anything against the regime. People were interrogated and tortured to obtain background information regarding themselves and their community in an attempt to eradicate the intellectuals of the community (Van de Put,

Eisenbruch, 2002). The Cambodian culture that existed was destroyed when the majority of the Buddhist temples were destroyed and monks were executed. Approximately two million people or 25% of the population were killed during these four years of genocide (Van de Put, Eisenbruch, 2002). The only chance of survival was escaping into Thailand or Vietnam, where it was likely that they would face persecution due to tense political relations as well as trauma during on their way to the refugee camps.

Forty-one years later, the Cambodian population continues to suffer from the adverse effects of the horrific tragedies they survived. The country continues to rebuild the society and communities that were destroyed, but the current political and human rights status is dire. These human rights concerns include large garment and textile companies evicting individuals from their property without warning or permission and the creation of facilities labeled “Drug Treatment Centers”, which are being used as detention centers for “undesirable people” including individuals who are homeless, using drugs, sex workers, street children and the mentally ill (Amnesty International, 2016; Amon et al., 2013; Human Rights Watch, 2017). Cambodia has experienced significant economic growth over the past decades, which is difficult to maintain due to the corruption within the Cambodian government (Human Rights Watch, 2017; World Bank, 2017). There has been comparatively little research examining the overall wellbeing of the Cambodian people and whether they have experienced growth despite the adversities they faced in the form of genocide, government corruption and the continued violation of human rights.

The purpose of this study is to generate a theoretical model that explains the way PTG is experienced within the Cambodian population. Specifically, this study aims to examine the experience of PTG and resiliency within the Cambodian population and create a preliminary theory regarding the domains of PTG that are relevant to Cambodian individuals.

Methods

This study utilized archival data that was collected between 2015–2016 by Skulptip Sirikantraporn and Grant Rich and was a collaboration between Alliant International University (AIU), and Grant Rich and colleagues at the American University of Phnom Penh (AUPP). The data were collected in Cambodia and IRB approval was obtained from both AIU and AUPP on April 2, 2015. A mixed methods research design was utilized as this allows for the opportunity to capture the true experience of the participants who have endured some form of trauma, and is one of the first studies of its kind. This study illuminates some of the processes that these participants experience after trauma and how they were able to process trauma and create a meaningful life.

Procedures

This study involved 70 male and female volunteers, over the age of 18 participating in the quantitative part of the study. All participants read and spoke Khmer and/or English fluently and those participating in the qualitative interview portion had reported experiencing at least one traumatic event. The study was conducted in Khmer or English depending on the participants’ preferred language

and all research assistants were bilingual in Khmer and English. Individuals were excluded from the study if they were younger than 18 years of age, did not read or fluently speak Khmer or English, and reported having active suicidal ideation in the last three months. Of the 70 participants, there were 9 who participated in the interview portion, which included a semi-structured interview guide focused on the domains of PTG. The quantitative portion of the study asked the participants to complete the following questionnaires: a demographic form, *Posttraumatic Growth Inventory*, *Adult Resilience Measure*, and the *Life Event Checklist*.

Participants

Participants were recruited by the posting of ads at universities, hospitals, libraries and community centers in Phnom Penh, the capital of Cambodia. The researchers had permission from AUPP to visit classrooms, explain the study and leave flyers with students. Interested students were asked to contact the researcher and screened for eligibility. Attempts were made to recruit Cambodian adult participants of all ages (over 18) and genders. This study was conducted with a population that has endured much human suffering, therefore it was important to ensure that the participants were protected. There were minimal risks associated with this study, however it is possible that participants may have experienced distress when answering questions related to trauma. The researchers minimized risk by verifying that the participants understood the purpose of the study, and that they had the option to skip any questions and/or stop their participation at any time without repercussion. Every participant was offered mental health resources, including free services in Phnom Penh and was encouraged to seek these services if needed.

Measures

The measures below have all been front and back translated into Khmer to ensure exact translation and that the meaning was not lost during the translation process (Magnusson, Marecek, 2015).

Adult Resilience Measure (ARM). *The Adult Resilience Measure* has a total of 28 items and utilizes a 5-point Likert scale. The ARM measures three components of resilience including the individual's characteristics of resilience, relational resources with others and the contextual resources that facilitate a sense of belonging (Liebenberg et al., 2012). The ARM has been found to have adequate psychometric properties, is reliable and a valid self-report measure (Liebenberg et al., 2012).

Demographics form. The demographic form was developed by Skultip Sirikantraporn and Grant Rich, and consists of eight questions regarding the following demographic data: age, gender, income, religious preferences, and occupation.

Life Event Checklist (LEC). *The Life Event Checklist* consists of 17 items and utilizes a 5-point Likert scale. The measure requires participants to disclose what types of traumatic events they have experienced and in what capacity they were exposed to the trauma. The LEC is one of the only measures that examine the types of potentially traumatic events that one may experience, and is used widely in PTSD research (Gray et al., 2004). It was found to have generally adequate psychometric properties and that individuals who experienced more potentially traumatic events were more likely to meet diagnostic criteria for PTSD (Gray et al., 2004).

Posttraumatic Growth Inventory (PTGI). The *Posttraumatic Growth Inventory* consists of 21 items and utilizes a 6-point Likert scale. The PTGI assesses the positive outcomes that may occur after one experiences a traumatic event, and is the most commonly used assessment tool for PTG (Zoellner, Maercker, 2006). This measure is based on the five domains of PTG including: new possibilities, relating to others, personal strength, spiritual change, and appreciation of life (Tedeschi, Calhoun, 1996, 2004). The PTGI is shown to have a very high internal consistency (Cranach's $\alpha = 0.94$) and acceptable test-retest reliability ($r = 0.71$) (Tedeschi, Calhoun, 1996). The PTGI has been shown to possess adequate psychometric properties and is a valid and standardized self-report measure for PTG (Tedeschi, Calhoun, 1996; Zoellner, Maercker, 2006).

Semi-structured interview. Skulup Sirikantraporn, Grant Rich and their research assistants developed the interview guide. The semi-structured interview included 20 open-ended questions regarding the participants' experience with trauma, how they processed the trauma and made meaning of their life after a traumatic event by accounting the concepts of growth, resilience, optimism, hardiness, and sense of coherence. The interviews took approximately one hour to one and a half hours to complete. The questions incorporated the participants' thoughts on how they had changed in the five domains of PTG including the relationship with oneself, relationship with others, spirituality, personal growth, and meaning in life. All interviews were conducted in Khmer and English depending on participant preference.

Provision of Trustworthiness

Several strategies were utilized to increase the trustworthiness of the study findings. The first strategy was peer scrutiny of the research project, where three coders independently coded the data. The coders compared categories and themes that emerged in the data and resolved any discrepancies there may be until there was a final agreement upon the categories and themes that emerged. The second strategy was an audit trail and journaling among the researchers, regarding their thoughts of the content of the data including any personal biases that may impact the researchers' ability to be neutral coders. This was an attempt to minimize the influence of the researchers' biases on the research procedures and findings by increasing their reflexivity and progressive subjectivity (Lincoln, Guba, 1985).

Data Analysis

A mixed methods research design was utilized as this provides a more comprehensive understanding of the participants' true experience of growth after trauma. The quantitative portion of this study utilized SPSS Statistics 25, a statistical analysis program, to complete the quantitative data analysis. Descriptive statistics including means and frequencies were used to describe the characteristics of the participants. Cronbach's α was used to determine the internal reliability of the ARM and PTGI within the Cambodian population. Pearson's correlations were conducted to examine the relationship between the number of traumatic life events and one's perception of posttraumatic growth and resiliency, as well as the correlation between the concepts of posttraumatic growth and resilience. Finally, a linear regression was used to determine whether resilience is a possible predicting factor of posttraumatic growth.

The qualitative portion of this study utilized grounded theory due to its flexible nature and ability to be used accurately with a wide variety of research topics (Strauss, Corbin, 1994). Grounded theory is a general methodology used for developing theory grounded in the data, which is systematically gathered and analyzed (Corbin, Strauss, 1990; Strauss, Corbin, 1994). To create a grounded theory there are three basic methods of coding including open, axial and selective coding (Corbin, Strauss, 1990; Strauss, Corbin, 1994). Open coding is the first process in which the data is broken down analytically. Any events, actions and interactions that occur during the data collection phase are compared for similarities and differences, and are then grouped to form categories (Corbin, Strauss, 1990; Strauss, Corbin, 1994). Open coding was conducted using inVivo12, qualitative research analysis software, designed for more ease when completing open coding. Axial coding is conducted and requires that the categories created in the open coding phase be further refined. Researchers attempt to relate categories and subcategories to one another and test their relationship against the data that has been collected. This is where hypothetical relationships can be proposed, however they should be considered provisional until they are verified repeatedly against the data (Corbin, Strauss, 1990; Strauss, Corbin, 1994). Selective coding is the phase in which all of the formed categories are unified to create a core category, also known as the central phenomenon of the study. The selective coding phase is when the categories that require further explanation are completed with descriptive details (Corbin, Strauss, 1990; Strauss, Corbin, 1994).

Results

Quantitative Data Analysis

A total of 70 individuals completed the quantitative measures, however three individuals did not meet the inclusion criteria due to being under the age of 18, making a new total of 67 participants. See Table for the demographics of participants.

Table

Demographics

Characteristics	Total (n)	Characteristics	Total (n)
<i>Age</i>		<i>Education</i>	
18–20	38	Elementary school	2
21–25	22	Completed high school	46
26–30	4	Obtained higher education	19
31–35	1	<i>Employment</i>	
36–40	1	Employed for wages	12
<i>Sex</i>		Out of work for more than 1 year	1
Female	29	Out of work for less than 1 year	1
Male	37	Homemaker	1
Other	1	Student	51
<i>Marital status</i>		Decline to answer	1
Single	61	<i>Religion</i>	
Married	3	Buddhism	63
Decline to answer	3	Christianity	1
<i>Income</i>		Other	2
High	6	Decline to answer	1
Moderate	48		
Low	11		
Decline to answer	2		

The average age for participants was 21.06 (SD = 3.87), with 55% of participants being male ($n = 37$) and 43% were female ($n = 29$). 91% of participants identified as single ($n = 61$), with 4% identifying as married ($n = 3$). 71% of participants identified with being in the moderate range for income ($n = 48$). 69% of participants identified as having completed high school ($n = 46$) and 76% reported being students ($n = 51$), 94% identified as Buddhist ($n = 63$).

Preliminary analyses. A series of preliminary analyses were conducted to verify that the analyses for the data would be plausible. A Pearson's correlation determined that there was a strong positive correlation between age and PTGI ($r = 0.84$, $n = 67$, $p = 0.025$) and a significant negative correlation between age and ARM scores ($r = 0.174$, $n = 67$, $p = -0.168$). An independent t-test was conducted to compare sex and scores on the PTGI and ARM, and determined that there was not a significant difference in the scores for PTGI ($M = 87.85$, $SD = 20.93$) and ARM ($M = 101.96$, $SD = 19.17$); $t(64) = -0.03$, $p = 0.97$. A chi-square determined that there were no associations between income and scores on the PTGI and ARM, $\chi^2(114) = 123.14$, $p = 0.26$. These results illustrate that preexisting characteristics will not hinder one's ability to experience PTG or resiliency.

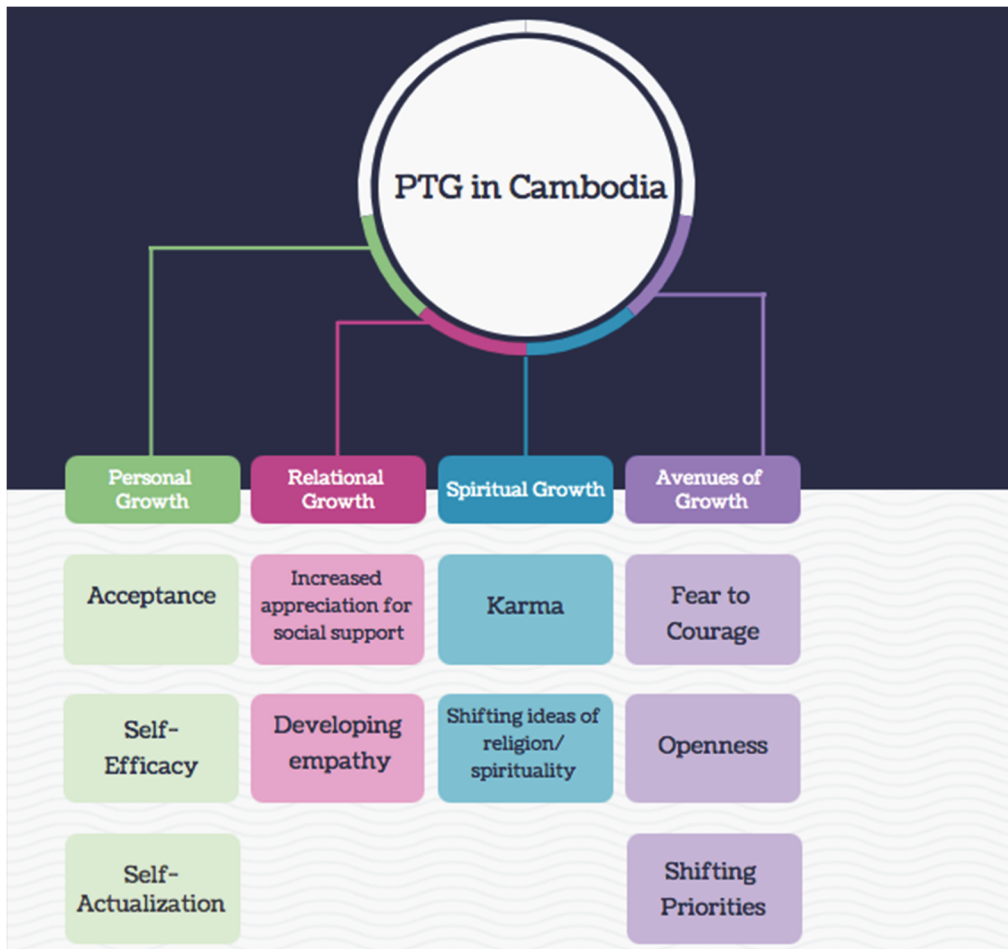
Hypothesis analysis. After a Cronbach's α internal reliability test was conducted it was found that the ARM and PTGI have a high level of internal reliability ($\alpha = 0.89$) when used with this population. Additionally, a Pearson's correlation was conducted and determined that there was no correlation between the number of traumatic life events and perception of PTGI ($r = 0.04$, $n = 67$, $p = 0.76$). It was also indicated that the relationship between the number of traumatic life events and resilience was not statistically significant ($r = 0.03$, $n = 67$, $p = 0.79$). Another Pearson's correlation analysis determined that there was a statistically significant correlation between posttraumatic growth and resiliency ($r = 0.58$, $n = 67$, $p = 0.00$). Finally, a simple linear regression was calculated to predict posttraumatic growth based on an individual's experience of resiliency, and found a significant regression equation ($F(1,65) = 32.75$, $p < 0.00$), with an R^2 of 0.33. Resiliency is a predictor of a participant's perception of posttraumatic growth.

Qualitative Data Analysis

The qualitative data determined that there were four core categories including: personal growth, relational growth, spiritual growth and avenues of growth. These categories appear to align with the original posttraumatic growth theory developed by Tedeschi & Calhoun (2004). Each category will be further explored and outlined below. See Figure for a visual graphic of the core categories and themes.

Core categories. Personal growth. During the qualitative analysis it was apparent that personal growth after a traumatic event was essential for the interviewees. The sub-themes that contributed to this core category include: (a) acceptance, (b) self-efficacy, and (c) self-actualization. Many interviewees expressed the necessity of acceptance of the traumatic event and how this led them to view themselves in a different light. This is evident by this quote (P10, Male): "You know, it's been a long time, so I kind of made peace with it." Self-efficacy emerged as a sub-theme as the interviewees experienced an increase in self-confidence and felt they could succeed in various tasks regardless of how difficult they might

perceive them. This was evident by Participant 1 (Female) who stated, “It give me strength, it makes me feel that... I can do everything as long as I want to do it.” For many of the participants, the traumatic event allowed them to learn more about themselves including their perception of their strengths and weaknesses. The final sub-theme is self-actualization, the belief that an individual has the capacity to thrive and learn from their trauma to become a better person. Participant 8 (Female) stated: “I want, in the future, I want to become rich and have a good family. I hope that my family will be healthy and wealthy. So it’s not only about having the family or enough money, but it’s about the self-actualization, fulfillment.” This quote captures the idea that participants come to an understanding that they not only have the capacity to thrive, but to become a better person independent of their family. Personal growth was a major area of growth for the interviewees and illustrates the ways they grew independently after their experience of trauma.

Figure. Mind map of the categories and sub-themes illustrated through the qualitative analysis of data

Relational growth. Another category that emerged from the interviews was relational growth. The sub-themes included in this category are the following: (a) increased appreciation for social support, and (b) developing empathy. One of

the most prominent sub-themes was an increased appreciation for social support, as every interviewee discussed the importance of social support. Participant 6 (Female) highlights the importance of having social support after a traumatic event through this quote: “Sometimes I got tired in life, or because I experienced something bad, what I usually do is sit down, relax, have some sleep and then think back and try to find some factor that encourages me, especially my family; I just recover back from everything, and also people around me also make me feel better.”

One of the primary forms of social support discussed in the interviews as being the most appreciated was family. Participant 1 (Female) stated, “I always think about my parents, like if I’m not gonna get out of it or something like that. Or if I’m going to hurt myself then I’m just going to put every people that love me in pain.” Another interesting and unexpected sub-theme that emerged was the development of empathy. Many interviewees discussed how prior to the traumatic event they struggled to see other’s perspectives. However, after experiencing a trauma many interviewees developed a deeper sense of empathy and understanding for other people’s struggles. Participant 3 (Female) stated, “I’ve become a lot more empathetic about everything,” and this is an important theme as many interviewees reported that because of their newfound empathy they were better able to connect with others and form meaningful relationships. This category illustrates the importance of social support as well as a shift in relating to others after a traumatic life event.

Spiritual growth. Spiritual growth was another core category that appeared to be an essential part of each of interviewees journey to PTG. The sub-themes that encompass this core category are (a) karma, and (b) shifting ideas of religion/spirituality. Karma can be defined as “the balance of good and negative deeds from this or a previous life or ‘fate’ ” (Schnuert et al., 2012). Although there were mixed views on the role of religion and spirituality after trauma, many interviewees discussed the role that karma plays in their daily life, as noted by Participant 8 (Female) who stated, “I think after the fire caught the other shops and we recovered from it, my mother and me, we prayed to [xx] and I mean, we tried to do something good. We believe in it.” It is of interest that not all participants labeled the experience of karma with this terminology, but explained the belief. Additionally, there seemed to be somewhat of a shift in the ideas of religion and spirituality. There were mixed perceptions on this topic and it was mentioned that the majority of the interviewees felt that they had either maintained or became more religious/spiritual. Spiritual growth appeared to be impacted by the interviewee’s traumatic event and had meaning as to how each individual understood themselves and their life.

Avenues of Growth. The final core category that emerged from the qualitative analysis was that of avenues of growth. Although each interviewee experienced growth differently there were three sub-themes including: (a) fear to courage, (b) openness, and (c) shifting priorities. One means of achieving growth and success was the experience of what it was like to move from experiencing fear to an increased sense of courage. Several interviewees stated that they had felt fear during the traumatic event, but learned how to be courageous in the face of adversity, and were able to move forward in life and become stronger individuals. Partici-

part 1 (Female) stated “I actually got more confident after the event, the fearful event”, which was also echoed by Participant 4 (Male) statement of “ I am able to pick myself up and start over, like not dwelling on some uh bad experience in the past that hinder me from achieving other thing that I want in life.” The notion of being fearful was found to be a pivotal and necessary experience for interviewees to achieve growth. Additionally, the change in one’s mindset after experiencing a trauma included feeling more open to new and different experiences compared to before. Participant 1 (Female) stated, “I see things differently, before... I used to be really closed minded about things but after that I actually see things more wide and clear.” Another area of growth includes the shifting of priorities; many interviewees discussed how prior to the traumatic events they had been hyper focused on achieving personal success. However, after the traumatic event many noticed a shift in life priorities. “I change my future, my ambitions, my goals, after I encountered that situation” (P2, Male) truly encompasses the notion that everything changed in one’s life after experiencing a trauma. Overall, the grounded theory analysis determined that Cambodian individuals developed a sense of personal strength and maturity that is evident in their own personal growth, enriched connections with others and their sense of spirituality as well as the ability to continue growing and finding meaning in life after hardships.

Discussion

To fully examine the results of the study it is important to understand the participants, as this will provide context for both the quantitative and qualitative results. The majority of the participants in the study, specifically in the quantitative portion of the study, were young, single males who were students, had moderate incomes and identified as Buddhist. This is a fairly specific population and may have differing views of the world compared to their older counterparts (Schnuert et al., 2012), which limits the generalizability of the study findings. Although the Khmer Rouge did not directly impact this specific population of Cambodians, they have experienced the effects of intergenerational trauma and continuous political difficulty throughout their lifetime (Amnesty International, 2016; Amon et al., 2013; Bar-On et al., 1998; Field et al., 2013; Human Rights Watch, 2015, 2017). Additionally, this population is privileged in some ways including their gender, financial and educational status, and may not be the most representative of the Cambodian population. However, studying their experiences of trauma, and PTG is essential, especially because the Cambodian population is typically not studied.

During the quantitative analysis the ARM and PTGI had to be translated accurately from English into Khmer and were found to be internally reliable measures in Khmer and English ($\alpha = 0.89$). The analysis determined that an individual is capable of experiencing resiliency and PTG after one or many traumatic events. Therefore, resilience and PTG should not be seen as a phenomenon that can only occur after a specific number of traumatic events. As the literature demonstrated there are differences in the experience of resiliency and PTG. Although, there is a strong positive relationship between resilience and PTG, which indicates that both are related and should not be thought of as exclusive experiences. Additionally, the notion that

resiliency is a predictive factor of PTG has been confirmed within other populations including women with infertility problems (Yu et al., 2014), Chinese trauma survivors (Duan et al., 2015), survivors of motor vehicle accidents (Nishi et al., 2010) and survivors of the Yangzhou earthquake (Wu et al., 2015). This is an important finding as many Cambodians have experienced trauma and this could be incorporated into the clinical work being done with the Cambodian population (Schunert et al., 2012). This relationship has the ability to assist clinicians in determining what types of therapy would allow for the best facilitation of healing and growth.

The quantitative results indicate that the Cambodian population experiences PTG, which is an important finding as the cross-cultural literature on PTG is limited. By adding to the cross-cultural literature on PTG, it creates a deeper understanding of the phenomenon and ways this it is experienced by Cambodian individuals. These findings illustrate that Cambodians do experience PTG and resiliency, and that these concepts are relevant and related for Cambodians.

The qualitative analysis reveals that these Cambodian individuals developed a sense of personal strength and maturity that is evident in their own personal growth, enriched connections with others and their sense of spirituality as well as the ability to continue growing and finding meaning in life after hardships. Although these concepts differ somewhat from the original theory and domains of post-traumatic growth, there are striking similarities including the notion of new possibilities, relating to others, changed sense of priorities and spiritual change (Tedeschi, Calhoun, 2004). These categories illustrate that the notion of posttraumatic growth within this particular Cambodian population is similar to the experience of post-traumatic growth in westernized and individualistic cultures. It is possible that this theory may be accurate for the Cambodian population as a whole, however further studies are needed with a more diverse participants to confirm this theories generalizability.

Conclusion

Clinical and Theoretical Implications

Prior to this study, there had been no studies examining PTG in Cambodia and few studies on the cross-cultural relevance of PTG. This study has demonstrated that Cambodian individuals experience PTG in a fairly similar manner as Caucasian Americans and other Westernized individuals. This is important as this implies that many of the clinical interventions used with Americans and other Westernized individuals have the potential of being beneficial for this population. That being said, it is also apparent that for Cambodians interpersonal relationships are essential to foster growth after trauma.

As was previously mentioned Cambodians have experienced much human suffering and trauma at the hands of the Pol Pot Regime as well as the current political climate (Chan, 2015; Strangio, 2014; Van de Put, Eisenbruch, 2002). Marshall, Schell, Elliott, Berthold and Chun (2005) found that 99% of Cambodian refugees experienced at least one traumatic event while living in Cambodia and 70% had been exposed to violence after resettling in the United States. These results have the potential to create a foundation for potentially effective mental health treatments for traumatized Cambodians. One potential clinical intervention that could assist Cambodians in the healing process would be allowing for individuals

to disclose trauma stories and reconstruct them (Uy, Okubo, 2018). The trauma narrative enables individuals to promote self-healing and growth, but also facilitates the healing and growth of the Cambodian community (Uy, Okubo, 2018). These findings indicate that psychotherapy interventions such as Narrative Exposure Therapy (NET) may be beneficial for Cambodians as it is based on the creation and modification of narratives (Schaal et al., 2009). Additionally, it is essential that clinicians incorporate the spiritual and religious beliefs that are deeply engrained in Cambodian culture and society (Schaal et al., 2009; Uy, Okubo, 2018). The creation of effective mental health treatments for Cambodians and Cambodian Americans is essential, as this is a population that has suffered for many generations and could truly benefit from the creation of more effective mental health treatments.

Finally, this research adds to the cross-cultural literature on PTG. The majority of the studies in positive psychology and PTG focus on Caucasians. Therefore, it is essential that we continue to examine the experience of PTG among a variety of different countries and cultures, as it is possible that individuals experience growth after trauma differently. When there is more cross-cultural research in the field of PTG this will allow researchers and clinicians alike to better understand and serve these populations mental health needs. Having access to cross-cultural research is necessary for the field of psychology to continue growing and staying relevant with an ever-growing population.

Limitations

One of the major limitations of this study is that it utilized archival data. Due to the limitations that are part of international research the diversity of the recruited participants was also limited. Many of the participants were young, male students, which is not considered a representative sample within Cambodia. Therefore, the results from this study should be utilized with caution. Additionally, the ARM and PTGI translated into Khmer have not had formal psychometric analyses completed and therefore cannot be fully determined as reliable and valid measures. However, as the quantitative results indicate these measures are internally reliable and valid measures in the preliminary psychometric analysis that were completed. Although it was not ideal that these measures were utilized, there are no existing measures in Khmer that have psychometric properties. Another limitation is the nature of qualitative research and grounded theory methodology, which attempts to develop new theory based on the in-depth experiences of a limited number of individuals who have a shared experience. However, due to the small number of individuals who are needed to complete the grounded theory analysis it is possible that saturation was not achieved and therefore the generalizability of these findings are limited.

Future Research Directions

Future research could include a variety of different elements including conducting studies to determine the psychometric properties of the ARM and PTGI in Khmer. It would also be appropriate to develop a version of the PTGI that can be used specifically with the Cambodian population. The development of a culturally specific PTGI would allow for the incorporation of a more culturally sensitive measure, as it would utilize the framework of PTG that is specific to Cambodians.

Another future research idea would be to conduct the same study, but with a diverse group of participants (e.g., gender, age, religion, income) and in the form of a longitudinal study. Future research may also include conducting similar studies in different regions of the world such as the Middle East, Latin America, and Africa. Exploring the differences of posttraumatic growth and resiliency for individuals living in other parts of the world is vital to the growth of positive psychology as a whole.

References

- American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.). Washington, DC, US: American Psychiatric Association.
- Amnesty International. (2016). *Cambodia 2016/2017*. Retrieved July 11, 2017, from <https://www.amnesty.org/en/countries/asia-and-the-pacific/cambodia/report-cambodia/>
- Amon, J., Barriga, S.R., Sheppard, B., Robertson, P., Ross, J., & Haas, D. (2013). “They treat us like animals”: Mistreatment of drug users and “undesirables” in Cambodia’s Drug Detention Centers. *Human Rights Watch*. Retrieved on July 12, 2017, from <https://www.hrw.org/report/2013/12/08/they-treat-us-animals/mistreatment-drug-users-and-undesirables-cambodias-drug#page>
- Anda, R.F., Felitti, V.J., Bremner, J.D., Walker, J.D., Whitfield, C., Perry, B.D., ...Giles, W.H. (2006). The enduring effects of abuse and related adverse experiences in childhood: A convergence of evidence from neurobiology and epidemiology. *European Archives of Psychiatry Clinical Neuroscience*, 256, 174–186. <https://doi.org/10.1007/s00406-005-0624-4>
- Bar-On, D., Eland, J., Kleber, R.J., Krell, R., Moore, Y., Sagir, A. ... van Ijzendoorn, M.H. (1998). Multigenerational perspectives on coping with the Holocaust experience: An attachment perspective for understanding the developmental sequelae of trauma across generations. *International Journal of Behavioral Development*, 22, 315–338. <https://doi.org/10.1080/016502598384397>
- Berntsen, D., & Rubin, D.C. (2006). When trauma becomes a key to identity: Enhanced integration of trauma memories predicts posttraumatic stress disorder symptoms. *Applied Cognitive Psychology*, 21, 417–431. <https://doi.org/10.1002/acp.1290>
- Bonanno, G.A. (2004). Loss, trauma, and human resilience: Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? *American Psychologist*, 59(1), 20–28.
- Bracken, P. (2002). *Trauma: Culture, meaning and philosophy*. Whurr Publishers.
- Bremner, J.D. (1998). Neuroimaging of posttraumatic stress. *Psychiatric Annals*, 28, 445–450.
- Breslau, N., Davis, G.C., Andreski, P., Peterson, E.L., & Schultz, L.R. (1997). Sex differences in posttraumatic stress disorder. *Archives of General Psychiatry*, 54, 1044–1048.
- Chan, S. (2015). Cambodians in the United States: Refugees, immigrants, American ethnic minority. *Oxford Research Encyclopedias*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199329175.013.317>
- Chandler, D. (2007). *A history of Cambodia* (4th ed.). Philadelphia, PA: Westview.
- Coe, M.D. (2005). *Angkor and the Khmer Civilization*. New York, NY: Thames Hudson.
- Cohen, A. B. (2009). Many forms of culture. *American Psychologist*, 64, 194–204.
- Corbin, J., & Strauss, A. (1990). Grounded theory research: Procedures, canons, and evaluative criteria. *Qualitative Sociology*, 13(1), 3–21.
- Duan, W., Guo, P., & Gan, P. (2015). Relationships among trait resilience, virtues, posttraumatic stress disorder and posttraumatic growth. *PLoS ONE*, 10(5). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0125707>
- Field, N.P., Muong, S., & Sochanvimean, V. (2013). Parental styles in the intergenerational transmission of trauma stemming from the Khmer Rouge regime in Cambodia. *American Journal of Orthopsychiatry*, 83, 483–494. <https://doi.org/10.1111/ajop.12057>
- Flores, L.Y., & Ezemenari, M.O. (2003). Positive psychological assessment in an increasingly diverse world. In S.J. Lopez, & C.R. Snyder, *Positive Psychological Assessment:*

- A handbook of models and measures* (pp. 41–54). Washington D.C., US: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/10612-003>
- Frankl, V.E. (1970). *The will to meaning: Foundations and applications of logotherapy*. New York, New York: Plume.
- Gray, M.J., Litz, B.T., Hsu, J.L., & Lombardo, T.W. (2004). Psychometric properties of the life events checklist. *Assessment*, 11(4), 330–341. doi: 10.1177/1073191104269954.
- Green, B.L. (1990). Defining trauma: Terminology and generic stressor dimensions. *Journal of Applied Social Psychology*, 20, 1632–1642. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1990.tb01498.x>
- Green, B.L., Goodman, L.A., Krupnick, J.L., Corcoran, C.B., Petty, R.M., Stockton, P., & Stern, N.M. (2000). Outcomes of single versus multiple trauma exposure in a screening sample. *Journal of Traumatic Stress*, 13, 271–286. <https://doi.org/10.1023/A:1007758711939>
- Hinton, A. (2004). *Why did they kill?: Cambodia in the shadow of genocide*. Berkeley, California: University of California Press.
- Hinton, D.E., Chhean, D., Pich, V., Safren, S.A., Hofmann, S.G., & Pollack, M.H. (2005). A randomized controlled trial of cognitive-behavioral therapy for Cambodian refugees with treatment-resistant PTSD and panic attacks: A cross-over design. *Journal of Traumatic Stress*, 18, 617–629. <https://doi.org/10.1002/jts.20070>
- Human Rights Watch (2017). Cambodia Events of 2016. Retrieved from <https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/cambodia>
- Human Rights Watch. (2015). World Report: Cambodia Events of 2014. Retrieved from <https://www.hrw.org/world-report/2015/country-chapters/cambodia>
- Jobson, L., & O’Kearney, R. (2006). Cultural differences in autobiographical memory of trauma. *Clinical Psychologist*, 10, 89–98. <https://doi.org/10.1080/13284200600939892>
- Kessler, R.C. (2000). Posttraumatic stress disorder: The burden to the individual and to society. *Journal of Clinical Psychiatry*, 61, 4–12.
- Kierman, B. (2008). *The Pol Pot Regime: Race, power, and genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975–1979* (3rd ed.). New Haven, Connecticut: Yale University Press.
- Liebenberg, L., Ungar, M., & Van de Vijver, F. (2012). Validation of the child and youth resilience measure – 28 (CYRM-28) among Canadian youth. *Research on Social Work Practice*, 22, 219–226. <https://doi.org/10.1177/1049731511428619>
- Lincoln, Y.S., & Guba, E.G. (1985). *Naturalistic inquiry* (vol. 75). London, United Kingdom: Sage.
- Magnusson, E., & Marecek, J. (2015). *Doing interview-based qualitative research: A learner’s guide*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press.
- Marshall, G.N., Schell, T.L., Elliott, M.N., Berthold, S.M., & Chun, C. (2005). Mental health of Cambodian refugees 2 decades after resettlement in the United States. *JAMA*, 294(5), 571–579. <https://doi.org/10.1001/jama.294.5.571>
- Nemeroff, C.B., Bremner, J.D., Foa, E.B., Mayber, H.S., North, C.S., & Stein, M.B. (2006). Posttraumatic stress disorder: A state-of-the-science review. *Journal of Psychiatric Research*, 40, 1–21. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2005.07.005>
- Nishi, D., Matsuoka, Y., & Kim, Y. (2010). Posttraumatic growth, posttraumatic stress disorder and resilience of motor vehicle accident survivors. *Biopsychosocial Medicine*, 4(7).
- Oyserman, D., Coon, H.M., & Kemmelmeier, M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 128, 3–72. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.128.1.3>
- Perry, C.T., Oum, P., & Gray, S.H. (2007). The body remembers: Somatic symptoms in traumatized Khmer. *Journal of the American Academy of Psychoanalysis & Dynamic Psychiatry*, 35, 77–84. <https://doi.org/10.1521/jaap.2007.35.1.77>
- Schaal, S., Elbert, T., & Neuner, F. (2009). Narrative exposure therapy versus interpersonal psychotherapy: A pilot randomized controlled trial with Rwandan genocide orphans. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 78, 298–306. <https://doi.org/10.1159/000229768>
- Schunert, T., Khann, S., Koa, S., Pot, C., Saupe, L.B., Lahar, C.J., ... Nhung, H. (2012). *Cambodian Mental Health Survey*. Department of Psychology, Royal University of Phnom Penh.

- Seligman, M. (2011). *Flourish*. New York City, New York: Free Press.
- Seligman, M., & Csikszentmihalyi, M. (2000). Positive psychology. *American Psychologist*, 55, 5–14. <https://doi.org/10.1037//0003-066X.55.1.5>
- Southwick, S.M., Bonanno, G.A., Masten, A.S., Panter-Brick, C., & Yehuda, R. (2014). Resilience definitions, theory, and challenges: Interdisciplinary perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*, 5(1), 25338.
- Strangio, S. (2014). *Hun Sen's Cambodia*. New Haven, Connecticut: Yale University Press.
- Strauss, A., & Corbin, J. (1994). Grounded theory methodology. *Handbook of qualitative research*, 17, 273–285.
- Tedeschi, R.G., & Calhoun, L.G. (1996). The posttraumatic growth inventory: Measuring the positive legacy of trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 9, 455–471.
- Tedeschi, R.G., & Calhoun, L.G. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 15, 1–18.
- Ungar, M. (2008). Resilience across cultures. *British Journal of Social Work*, 38, 218–235.
- Ungar, M. (2013). Resilience, trauma, context, and culture. *Trauma, violence, & abuse*, 14(3), 255–266.
- Uy, K.K., & Okubo, Y. (2018). Reassembling a shattered life: A study of posttraumatic growth in displaced Cambodian community leaders. *Asian American Journal of Psychology*, 9(1), 47–61. <https://doi.org/10.1037/aap0000111>
- Van de Put, W.A.C.M., & Eisenbruch, I.M. (2002). The Cambodian Experience. In J.D. Jong, *Trauma, war, and violence: Public mental health in socio-cultural context* (pp. 93–155). New York City, New York: Springer.
- World Bank. (2017). *Cambodia: Overview*. Retrieved June 28, 2017, from <http://www.worldbank.org/en/country/cambodia/overview>
- Wu, K., Zhang, Y., Liu, Z., Zhou, P., & Wei, C. (2015). Coexistence and different determinants of posttraumatic stress disorder and posttraumatic growth among Chinese survivors after earthquake: Role of resilience and rumination. *Frontiers in Psychology*, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01043>
- Yu, Y., Peng, L., Chen, L., Long, L., He, W., Li, M., & Wang, T. (2014). Resilience and social support promote posttraumatic growth of women with infertility: The mediating role of positive coping. *Psychiatry Research*, 215, 401–405. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.10.032>
- Zoellner, T., & Maercker, A. (2006). Posttraumatic growth in clinical psychology – A critical review and introduction of a two component model. *Clinical Psychology Review*, 26, 626–653. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2006.01.0>

Article history:

Received: 30 July 2020

Revised: 28 August 2020

Accepted: 15 September 2020

For citation:

Badaracco, J., Sirikantraporn, S., Rich, G.J., Green, J., & Porter, M.C. (2020). Posttraumatic Growth in Cambodia: A Mixed Methods Study. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 604–623. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-604-623>

Bio notes:

Julie Badaracco, Psy.D., graduated with her doctorate in clinical psychology from the California School of Professional Psychology (San Diego), completed her postdoctoral residency – Counseling & Psychology Services – at the University of California (San Diego). She is currently working towards licensure in California and teaches at the Alliant International University (USA). E-mail: julie.badaracco@gmail.com

Skutip (Jill) Sirikantraporn, Psy.D., is a founding faculty member at Fulbright University Vietnam (Ho Chi Minh City, Vietnam). In addition to developing the curriculum and teaching, she also serves as a clinical supervisor for the Fulbright Wellness Center. Served as a co-chair of the webinar committee of the American Psychological Association (APA) Division 52 (International Psychology). Her clinical and research interests are in trauma, resilience, and posttraumatic growth from cross-cultural and international perspectives. S. Sirikantraporn is a lead co-editor of an international book *Human Strengths and Resilience: Developmental, Cross-Cultural, and International Perspectives* (2017). Her recent research focuses on teaching psychology and mental health in Vietnam with her recent published book chapter *Teaching Psychology in Vietnam* appearing in a book *Teaching Psychology around the World*, published by Cambridge Scholars Publishing (2020). E-mail: jill.siri@fulbright.edu.vn

Grant J. Rich, Ph.D., LMT BCTMB, Fellow of the American Psychological Association, is Senior Contributing Faculty at Walden University. He received his Ph.D. in Psychology (Human Development) from the University of Chicago. His work focuses on optimal cross-cultural human development and international positive psychology. Dr. Rich is senior editor of six books, including *Pathfinders in International Psychology* (2015), *Internationalizing the Teaching of Psychology* (2017), *Human Strengths and Resilience: Developmental, Cross-Cultural, and International Perspectives* (2018), *Teaching Psychology Around the World – Volume 4* (2018) and *Volume 5* (2020), *Psychology in Southeast Asia: Sociocultural, Clinical and Health Perspectives* (2020). His peer reviewed research has appeared in journals including *American Psychologist* and *Journal of Positive Psychology*. Dr. Rich has taught at institutions around the globe, recently in Alaska, Cambodia, and India, and lives in Juneau (Alaska, USA). Since 2016, he is member of the Editorial Board of *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Dr. Rich's website may be found at <http://rich.socialpsychology.org/>. Scopus Author ID: 36841136900. E-mail: optimalex@aol.com

Julii Green, Ph.D. (African American and Eastern Band Cherokee), is Associate Professor in the Clinical Psychology PsyD Department at Alliant International University (USA), has worked in community mental health for over 10 years. She obtained her Ph.D. in clinical psychology from the University of North Dakota and completed postdoctoral studies at University of California, Berkeley (School of Public Health) and University of California, San Francisco (Child Trauma Research Program). She has published in the areas of intimate partner violence (IPV) and friendship variables, the impact of IPV on Native Americans, health disparities among ethnically diverse populations, gender based stereotypes, and the development of tribe focused research. Her training is grounded in behavioral theories and she utilizes cognitive behavioral therapy, feminist and multicultural approaches in practice. Additionally, she established a research lab focused on wellness-based approaches to addressing health disparities among ethnically diverse and marginalized populations. E-mail: jgreen@alliant.edu

Matthew C. Porter, Ph.D., is Associate Professor of Clinical Psychology at the California School of Professional Psychology at Alliant International University (USA). He obtained his doctorate in clinical psychology at the New School for Social Research in 2005, with postdoctoral fellowships at the National Institutes of Health and the Templeton Foundation. He is a past recipient of a Core Fulbright Award for research for work in Brazil. E-mail: mporter@alliant.edu

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-604-623

Исследовательская статья

Феномен посттравматического роста в Камбодже: интегративное качественно-количественное исследование

Дж. Бадаракко¹, С. Сирикантрапорн², Г.Дж. Рич³,
Д. Грин¹, М.К. Портер¹

¹Международный университет Аллиант

Соединенные Штаты Америки, СА 91803, Алхамбра, S Fremont Ave, 1000, bldg A7

²Университет Фулбрайта во Вьетнаме

*Социалистическая Республика Вьетнам, Хошимин, р-н 7,
Tan Phu Ward, Ton Dat Tien, 105, floor 2, Crescent Plaza*

³Уолденский университет

Соединенные Штаты Америки, MN 55401, Миннеаполис, Washington Ave South, 100, suite 900

Аннотация. Изучая травмирующие события, большинство исследователей концентрируется на их негативных последствиях, нередко оставляя без внимания то положительное влияние, которое эти события могут оказывать на личность. Ричард Тедески и Лоуренс Калхаун предложили концепцию посттравматического роста (ПТР), основанную на принципах позитивной психологии. ПТР трактуется как процесс личностного роста, наблюдаемый у человека после перенесенной травмы. ПТР может фиксироваться по пяти основным показателям: более полное понимание и принятие жизни, большая интимизация межличностных отношений, укрепление личности, открытие человеком новых возможностей, его духовное развитие. В статье представлены результаты количественного и качественного анализа данных, собранных коллективом авторов в 2015–2016 гг. в Американском университете Пномпеня (Камбоджа). В исследовании, целью которого стало изучение личностного роста в посттравматический период, приняли участие 70 респондентов. Количественный анализ показал внутреннюю согласованность и валидность методики «Диагностика резильентности взрослых» (Adult Resilience Measure) и опросника посттравматического роста (Posttraumatic Growth Inventory) при использовании в камбоджийской выборке. С помощью корреляционного и регрессионного анализа было установлено, что количество пережитых человеком травмирующих событий не влияет на его способность к резильентности и ПТР, при этом выраженность резильентности и ПТР положительно коррелируют между собой. При проведении качественного анализа был использован прием «восхождения к теории», что позволило создать модель ПТР для камбоджийской выборки. Полученная модель включает четыре основных категории переживания ПТР камбоджийцами: личностный рост, развитие межличностных отношений, духовное развитие, связанное с религиозностью, открытие новых возможностей развития. Количественные и качественные результаты исследования свидетельствуют о том, что камбоджийцы в целом переживают посттравматический рост в соответствии с исходной теорией ПТР. В то же время выявляются и некоторые нюансы, имеющие культурную обусловленность, которые необходимо учитывать при изучении ПТР жителей Камбоджи.

Ключевые слова: Камбоджа, культура, кросс-культурный, восхождение к теории, посттравматический рост, резильентность, Юго-Восточная Азия, травма, количественные и качественные методы исследования

История статьи:

Поступила в редакцию: 30 июля 2020 г.

Принята к печати: 15 сентября 2020 г.

Для цитирования:

Badaracco J., Sirikantraporn S., Rich G.J., Green J., Porter M.C. Posttraumatic Growth in Cambodia: A Mixed Methods Study // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 604–623. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-604-623>

Сведения об авторах:

Бадаракко Джули, Psy.D., закончила Калифорнийскую школу профессиональной психологии в Сан-Диего со степенью доктора клинической психологии, а также постдокторскую ординатуру по специальности «Консультационные и психологические услуги» в Калифорнийском университете в Сан-Диего. В настоящее время преподает в Международном университете Аллиант (США). E-mail: julie.badaracco@gmail.com

СирикантрапORN Скультип (Джилл), Psy.D. является членом-основателем Университета Фулбрайта во Вьетнаме (Хошимин, Вьетнам). Помимо преподавания работает клиническим супервизором в оздоровительном центре Фулбрайта. Была сопредседателем Комитета вебинаров Отделения международной психологии Американской психологической ассоциации. Ее клинические и научные интересы связаны с изучением травм, резильентности и посттравматического роста в межкультурном и кросс-культурном контексте. Является ведущим соредактором международной монографии *Human Strengths and Resilience: Developmental, Cross-Cultural, and International Perspectives* (2017). Результаты ее последних исследований, связанных с преподаванием психологии и курсов по психическому здоровью во Вьетнаме, изложены в главе «Преподавание психологии во Вьетнаме» в монографии *Teaching Psychology around the World*, опубликованной в 2020 г. издательством Cambridge Scholars Publishing. E-mail: jill.siri@fulbright.edu.vn

Рич Грант Дж., Ph.D., постоянный член Американской психологической ассоциации, заслуженный профессор Уолденского университета. Получил докторскую степень по психологии развития в Чикагском университете. Его научные интересы связаны с изучением оптимального развития человека в кросс-культурном контексте и развитием международной позитивной психологии. Является главным редактором издания *Pathfinders in International Psychology* (2015) и ведущим соредактором пяти книг, изданных в 2017–2020 гг.: *Internationalizing the Teaching of Psychology* (2017), *Human Strengths and Resilience: Developmental, Cross-Cultural, and International Perspectives* (2018), *Teaching Psychology Around the World – Volume 4* (2018) и *Volume 5* (2020), *Psychology in Southeast Asia* (2020). Его научные статьи публиковались в ведущих рецензируемых журналах США, включая *American Psychologist* и *Journal of Positive Psychology*. Доктор Рич является сертифицированным специалистом по терапевтическому массажу (National Certification Board for Therapeutic Massage and Bodywork, NCBTMB) и редактором научного издания, посвященного количественным исследованиям в сфере массажной терапии – *Massage Therapy: The Evidence for Practice* (2002). Преподавал в учебных заведениях разных стран мира, в том числе (в последнее время) на Аляске, в Камбодже и Индии. В настоящее время живет в Джуно (Аляска, США). С 2016 года является членом редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика». Персональный сайт: <http://rich.socialpsychology.org/>. Scopus Author ID: 36841136900. E-mail: optimalex@aol.com

Грин Джули, Ph.D., доцент департамента клинической психологии Международного университета Аллиант (США). Получила степень доктора клинической психологии в Университете Северной Дакоты, проводила исследования в Школе общественного

здравоохранения Калифорнийского университета в Беркли и в рамках Программы исследования детских травм (UCSF). Публикует научные статьи по проблемам насилия в близких отношениях и факторов дружбы, влияния семейного насилия на коренных американцев, различий в состоянии здоровья среди этнически разнородных популяций, гендерных стереотипов, а также проводит исследования коренных племен. Она придерживается поведенческих теорий, использует на практике когнитивно-поведенческую терапию, феминистские и мультикультурные подходы. Д. Грин создала исследовательскую лабораторию, специализирующуюся на подходах, направленных на оздоровление и устранение различий в состоянии здоровья этнически разнообразных и маргинализированных групп населения. E-mail: jgreen@alliant.edu

Портер Мэтью К., Ph.D., доцент департамента клинической психологии Калифорнийского института профессиональной психологии Международного университета Аллиант (США). Получил докторскую степень по клинической психологии в Новой школе социальных исследований в 2005 г., проводил исследования в Национальном институте здоровья и Фонде Темплтона. Получил грант Фонда Фулбрайта для проведения исследований в Бразилии. E-mail: mporter@alliant.edu

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-624-636

UDC 159.922

Review article

Meaning-Making, Forgiveness, and Gratitude: Nurturing a Healthy, Peaceful, and Prosperous Haiti

Ani Kalayjian

Columbia University
116th St & Broadway, New York, NY 10027, United States of America
ATOP MeaningfulWorld
139 Cedar St, Cliffside Park, NJ 07010, United States of America

Abstract. We have witnessed the growth and resilience of the Haitian people since 2010 and the devastating earthquake, in over fourteen humanitarian missions. In addition, MeaningfulWorld's global presence, which aims to raise consciousness and nurture resilience and sustainability among local and global communities in Haiti, has highlighted perspectives from vulnerable and marginalized groups including children, women, and traumatized refugees. The results of this work has addressed the ultimate question in resolving emotional and psychological scars and promoting meaning, healing, hope, reconciliation, and trust: what lessons have we learned from our traumatic past? For MeaningfulWorld ambassadors, the only healthy and permanent means of resolution for past traumas is through integration of emotional intelligence (EQ), spiritual connections, love, meaning-making, forgiveness, and empathy, and nurturing gratitude as a basic foundation. This paper will describe the value of cultivating gratitude as a foundation and utilizing forgiveness and meaning-making through post trauma growth, building resilience, and emotional intelligence. Although historically Haiti has shown resilience, while the lessons learned are not only unclear, it is fragmented, misguided, and focused on fear derived from mass spread of horizontal violence, where the majority of the Haitian population pull one another down, and call it the 'Haitian disease.'

Key words: gratitude, forgiveness, meaning-making, integrative healing, Haiti, horizontal violence, resilience, trauma healing, post-traumatic growth

Introduction to Haiti

Unfortunately, as of May 2019, Haiti has been plunged into an economic and political crisis that has erupted into the streets with uncontrollable and many times violent protests by the frustrated and traumatized Haitian communities. Citizens are protesting what they believe is President Jovenel Moïse's corruption, economic mismanagement, and impunity for human rights abuses. Problems began to arise with what citizens believe to be non-democratic election practices, include repeated electoral violence, vote-rigging, disenfranchisement, and foreign

---

© Kalayjian A., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

interventions. Citizens believe that President Moïse has unfairly won his candidacies through these malpractices.

A central issue of these protests involves the PetroCaribe Corruption Scandal. People are demanding accountability for the disappearance of an estimated 3.8 billion from the PetroCaribe fund. Unfortunately, this issue has caused a ripple effect on the struggling country's economy and the well-being of its people. Regrettably, Haitians pushed to the breaking point by murderous attacks by government gangs and police, grinding currency depreciation (37% over last year) and the disappearance of basic public services are fighting back, on the streets, in the press and on social media. "Basic products such as rice, beans, wheat, sugar have seen an increase of 34% this year alone. According to a new report by United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA) things will only get worse. 40% of Haitians will face food insecurity by March 2020, the agency predicts. For at least 1 in 10, food insecurity will reach emergency levels" (Hu, CNN, 30 December 2019).

Haiti consistently ranks among the poorest countries in the world, and the poorest country in the Americas. Below are some of the top challenges facing Haitian communities: (1) two out of three Haitians live on less than \$2 per day; (2) 50% of urban Haitians are unemployed; (3) negative impact of climate change; (4) less than 50% of households have access to safe water, therefore suffer from dehydration; (5) Haiti's literacy rate is 61–64% for males and 57% for females while the average literacy rate for Latin American and Caribbean developing countries is 92%; (6) 50% of Haitian children do not attend school; (7) majority suffer from horizontal violence.

To support the efforts of the government as well as grass roots organizations in Haiti, MeaningfulWorld teams have aimed to continue the success of its past 14 humanitarian missions to Haiti by continuing to nurture healthy relationships with ongoing collaborators, promoting forgiveness, decreasing trauma symptoms, transforming horizontal violence, and facilitating meaning-making. This is largely achieved through the teaching of the 7-Step Integrative Healing Model to students, disaster survivors, educational faculty, advocates, seminarians, police and coast guards, and administrators (Kalayjian, 2012, 2020). In addition to the 7-Step Integrative Healing Model, we have shared healthy communication styles through workshops, group discussions, meditation, and energetic chakra balancing Soul-Surfing exercises.

Haiti experiences continued challenges, such as political corruption and distrust, fear of more political persecution, helplessness and hopelessness, horizontal violence, domestic violence, extreme poverty, sewage, and waste removal issues, as well as illiteracy. Price hikes are angering many people in Haiti, where about 60% of its nearly 10.5 million people struggle to get by on about \$2 a day (Global Security, 2018). A recent report by the U.S. Agency for International Development said about half the country is undernourished, and our research indicates that Haitians are 95% dehydrated (Kalayjian, Simmons, 2016).

These unresolved issues and conflicts leave the people of Haiti in constant unrest, unable to live their daily lives safely and in poor physical and emotional health. As of July 2019, illiteracy rates reported were 60.7% for 15 years and older. The Association for Trauma Outreach & Prevention (ATOP) MeaningfulWorld has been volunteering in Haiti since the devastating earthquake in 2010. Our 14th mis-

sion was in August of 2019. Gratitude to all our volunteers, especially the 2019 team: Dr. Ani Kalayjian, Justina Medina, Psy.D., Lorraine Simmons, B.F.A., B.S., and Art Jaffe. We also extend special gratitude to Father Wismick and the Symposium International du Centre de Spiritualité et de Santé Mentale (CESSA) organizing committee for their volunteer spirit.

What is Gratitude?

The word gratitude is derived from the Latin word *gratus*, which means grace, graciousness, or gratefulness (depending on the context) (Merriam-Webster, 2019). In some ways, gratitude encompasses all these meanings. Gratitude is a deep appreciation for what an individual receives, in-kind, an attitude, or material. With gratitude, people have a chance to express their appreciation to what they have, what they feel, and what they intend and to acknowledge the goodness in their lives. In the process, people usually recognize that the source that goodness lies at least partially outside themselves. As a result, gratitude also helps people connect to something larger than themselves as individuals – whether to other people, nature, or a higher power. Instead of feeling grateful to someone, we feel grateful for them and for God or the Spirit working through them. We begin to feel grateful for everyone and everything in our lives and this feeling uplifts us and energizes us. We then help uplift others and embrace others, knowing that we are, in fact, not alone but in this journey together.

Gratitude is Beyond Thank You

The great open secret of gratitude is that it is not dependent on external circumstances. It is like a channel that we can switch to at any moment, no matter what is going on around us, despite stressors, trauma, and disasters. Gratitude helps us connect to our basic right to be here like the breath does. It is a stance of the soul, reinforcing the positive aspects of life.

“Gratitude is the kernel that can flower into everything we need to know.”

Joanna Macy & Molly Brown

Importance of Gratitude in our Lives

By being more grateful for what we do have, we can increase our happiness by 25% according to the University of California Psychology Professor Dr. Emmons (Emmons, 2007).

With gratitude, we can cope more effectively with everyday stress. We will have increased resilience in the face of trauma-induced stress. With gratitude, we recover more quickly from illness and benefit from greater health and well-being.

MeaningfulWorld Humanitarian Relief Missions utilize the three-prong approach to reinforce the practice of gratitude:

- 1) healing & education;
- 2) research, publications & dissemination through media & print;
- 3) policy revisions, changing old regulations and integrating our environment.

Maintaining a harmonious balance between these three is essential to address multiple challenges of individuals and collective challenges facing Haiti.

Seven Strategies for Practicing Gratitude

1. SMART Goals. Although setting goals are emphasized in our educational system, setting goals in our lives outside of formal schools is not often practiced. Goal setting is essential for evaluation, follow-through, and motivation for change. We at MeaningfulWorld recommend setting SMART Goals: Specific, Measurable, Attainable, Realistic, and Timely. Setting goals helps us step into a journey towards deeper satisfaction and happiness, but the satisfaction does not just come at the end when we attain our goal. Our brains produce dopamine (the feel-good hormone released in the pre-frontal cortex of the brain) when a goal is achieved; therefore, we feel good accomplishing our dreams, set forth by our goals. Basic survival mode, meaning obtaining food and sex, are basics of this process, but as humans, we are more complex and aspire for more. We also feel the euphoria of achieving goals such as; high social status, cultivating friendships, bonding with a mate, and witnessing the achievements of our children. This euphoria at achieving a goal is short-lived because the dopamine release comes in a burst rather than a slow release. The process of celebrating only when goals are complete can be frustrating because it is short-lived. When we take time to recognize and be grateful as we are making small steps of progress and while we are moving toward our goals, then the dopamine will be released more often, and the euphoria and satisfaction of the journey will be recognized as fulfilling. Holding an attitude of gratitude for our progress and achievements is essential for a satisfying life.

2. Disarm Yourself Within:

- Let go of Anger.
- Let go of Negativity.
- Let go of Greed.
- Let go of Envy.
- Let go of Rage.

3. Morning pages. Each morning upon waking, discharge by writing anything and everything that comes to your mind. This writing does not have to make sense and does not have to be read by anyone else but you. Think of it like going to the bathroom in the morning – a discharge of waste and toxins from your physical body is essential for your health. Morning pages are a discharge of dreams and unconscious thoughts that need to be discharged to clear your mind.

4. Gratitude List for Each Morning. We start each moment with gratitude and therefore making a list. As we awaken in the morning, we open our eyes and we affirm: How wonderful, I can see, thank you for my eyesight. Then we begin hearing our neighbors, Mother Nature and its winds and birds chirping out the window, or the sound of traffic, and we affirm: How wonderful, I can hear, thank you for my hearing. Then we start moving our legs and arms, stretching and shaking off sleep while trying to get out of bed, and we affirm: How wonderful, I can move my body, my limbs are working fine. Then we smell the aroma of coffee and eggs and the toast from the neighbors or the fragrance of flowers, the fresh-cut grass, and we affirm: How wonderful, I can smell. We then take a deep breath and affirm: How wonderful, I can breathe, breath is central to my health and well-being. Then I hold my child, or my pet, or touch my plants and feel the richness of Mother Earth between my fingers and I affirm: How wonderful, I can touch and

feel, hold and embrace. Thus, we have generated a list of six areas that we are grateful for in a short 15 minutes of awakening.

5. 7-Step Integrative Healing Model. The earthquake in Haiti served as a grave reminder that a disaster can come without warning and therefore, our mitigation and preparation must always be ready in order to strengthen our response. Our organization's 7-Step Healing Model is a tool through which traumatic experiences are assessed, identified, explored, described, processed and reintegrated (Kalayjian, Diakonova-Curtis, 2019). The model builds from the integration of multiple theories including psychodynamic (Freud, 1910), interpersonal (Sullivan, 1953), existential and humanistic (Frankl, 1962; Kalayjian, Diakonova-Curtis, 2019), Electromagnetic Field Balancing (Dubro, Lapierre, 2002), adult learning theories, Flower Remedies (FesFlowers.com), mindfulness, and meditation.

The seven steps of the Integrative Healing Model include: (1) assessing levels of distress, disagreement or conflict; (2) encouraging expression of feelings; (3) providing empathy and validation; (4) encouraging discovery and expression of meaning; (5) providing information; (6) nurturing Mother Earth; and (7) learning deep breathing, movement-centered healing, mindfulness, and meditation, integrative practice called 'Soul-Surfing.' The model aims to aid the individual in meaning-making and forgiveness following trauma. One of the central components in healing from a disaster is the ability to find meaning in a traumatic event and to cultivate a sense of purpose in one's life (Frankl, 1962; Kalayjian, Eugene, 2010). Meaning-making has been linked to better adjustment following stressful life events and lower severity of post-traumatic symptoms (Collie, Long, 2005; Skaggs, Baron, 2006; Kalayjian et al., 2010).

6. Circle of Gratitude and Love. At the close of all MeaningfulWorld gatherings, we practice a "Circle of Gratitude and Love." We come together with hands embraced, the left one placed on the heart of the person to our left, we close our eyes, breathe deeply and connect to one another in the circle. After connecting with the others in our group, we continue to breathe deeply as we imagine our love and gratitude being sent out to others in the world. We express our gratitude for something or someone in the moment. We also imagine that we are all connected and that we can send love and receive love any time we need to be embraced by the healing and love which we feel while standing in the circle.

7. Gratitude meditation at bedtime. Each night we invite you to have a ritual for quieting the mind, turning electronic devices off, and turning on our inner gratitude compass. Reviewing our day and our actions mindfully, looking at areas of lessons learned.

Impact of Gratitude on Transforming Trauma

Trauma, whether human-made or natural disaster can impact us both physically and emotionally. When healing from trauma, there are many factors to consider. The initial needs to be addressed are the physical needs of the individual and then people can come together to address the community needs. The individual needs to be addressed are stabilization from injury, food, water, and shelter. After these needs are met, then the emotional healing can begin. The state of mind of an individual will impact the quality of the healing and how quickly the healing

will take place. We start with the gratitude of the moment because we are not ready to see the full meaning or lessons learned from the trauma but we must start with the little flicker of gratitude that comes at the moment for it to blossom and grow. The gratitude is necessary because without it, we risk holding onto the trauma as we do not have a replacement for the trauma. When we do not acknowledge gratitude, we risk allowing the negative effects of the trauma to continue to grow and fester. Without gratitude, we risk not allowing our trauma to heal completely.

We, at MeaningfulWorld, focus on transforming five kinds of trauma:

- 1) individual trauma experienced by an individual;
- 2) collective trauma, people within a group experience the same trauma, such as COVID-19;
- 3) vicarious/secondary, trauma experienced when listening to other's trauma story or from watching a visual representation of a trauma (watching the television);
- 4) generational, trauma which is experienced by people from another generation and the effects of it are passed on through the family through our DNA;
- 5) horizontal violence: internalizing the aggression of the perpetrator, and therefore, putting one another down. Preferring the oppressor's kind will cause us making negative statements about ourselves and one's kind. We, therefore, are being and acting envious or jealous of our own kind, our family, neighbors, and friends (Kalayjian, 2017).

"Don't be a crab in the bucket; be a true Haitian and lift one another up."

Dr. Kalayjian (2010)

Forgiveness Transforms Trauma

Those who are still under the influence of trauma are unable to forgive, nor could they see the benefits of gratitude. We recommend that first, one exercises catharsis, and discharge their negative traumatic past, in order to achieve peace in the present moment. Forgiveness can enable people to move beyond trauma. Due to the deep pain, anger, hatred, grudges, and revenge that are often the result of trauma, whether it is human-induced or the result of natural disasters.

Research on forgiveness in fifteen countries showed a positive relationship between forgiveness, meaning-making, and a decrease of trauma-related symptoms (Toussaint et al., 2017). Additional research revealed that meaning-making combined with forgiveness alleviates and decreases symptoms of trauma (Toussaint, Kalayjian, Diakonova-Curtis, 2017).

Forgiveness is a choice, and it is a practice. Forgiveness is a shift in perception to see beyond the reactive judgments of the ego. Our perceptions and attitudes are a choice, nurtured with our free will.

*"If we could see the secret history of our enemies,
we would find there enough suffering to disarm all hostility".*

Henry W. Longfellow

*Forgiveness is shifting from the automatic ego reaction of hurting back,
to a mindful response; considering that the other is a human, perhaps not mindful.*

Dr. Kalayjian (2010)

Anger and Violence Dramatically Alter Our Health

When we hold on to negative emotions, they begin to become lodged in our bodies and cause us illness and pain. For example, anger, violence, revenge, and social distress has a negative impact on our neurological, skeletal, immune, lung, brain, skin, gastro-intestinal tracks, heart and respiratory, adrenal system, as well as other challenges. Think about when you are stressed and start to hold your shoulders in a tense way and they become sore or perhaps you are thinking about a situation or problem and you develop a headache, these are examples of how stress affects the body. These begin as minor aches and pains, but the longer negative emotions are not expressed, the more destruction they will do to our body. In the Meaningful World practice of the 7-Step Integrative Healing Model, we practice Soul-Surfing exercises which utilizes movement, positive affirmations, color consciousness, and breath work to release tensions and release negative energy that can lead to illness (Kalayjian, 2017).

Symptoms of Unforgiving Spirit

After nurturing gratitude, we need to start learning about the benefits of forgiveness and the disadvantages of an unforgiving spirit. Anxiety, anger, hatred, compulsion, hurt, fear, resentment, inflexible, violence – horizontal violence, and depression are signs of an unforgiving spirit (Kalayjian, 2017). The absence of forgiveness leads us to feel out of control with our emotions and feel like we are being used or taken advantage of. While the benefits of forgiveness are listed below, one needs to be mindful that forgiveness is a process, and it is an ongoing practice, not a one-time act.

Benefits of Forgiving:

- frees us from the chains of hatred and anger;
- opens us to love;
- yields one’s grip on misery;
- improves our character;
- broadens our point of view and gives you a see-through vision;
- cleanses our soul from resentment and fear;
- helps us rely on compassion and caring;
- helps us develop gratefulness;
- clears our consciousness;
- helps us develop wholeness, passion and commitment;
- helps our self-transcendence;
- helps us accept our fate, not argue with it.

Myths about Forgiveness:

- if I forgive, I will forget;
- if I forgive, you will do it again;
- if I forgive, the enemy will be set free;
- if I forgive, I will hurt those who died;
- if I forgive, there will be no justice;
- if I forgive, I will no longer be a victim;
- I need the anger to survive;
- I must wait for the enemy to acknowledge and ask for forgiveness first;

- only survivors themselves can forgive, offspring should not forgive;
  - only God/Allah can forgive, not humans (Kalayjian, Paloutzian, 2010).
- Our motto is: *When one helps another, both become stronger.*

Seven Steps of Forgiving:

1. Select a grievance against someone, or yourself, and review it in complete detail.
2. Hold in your mind the image of whatever is to be forgiven and say: “I release you from the grip of my sadness, anger, disapproval, or condemnation.”
3. Imagine for a while what your life will be like without this grievance that has haunted you.
4. Make amends with someone who has hurt you, tell a friend about your self-forgiveness.
5. Ask for spiritual (God, humanity, nature) guidance to overcome fear or resistance at any step.
6. Have patience; forgiveness is a healing process not a destination.
7. Repeat steps 1 through 6 as often as needed, for life.

The 7-Step Integrative Healing Model

At the basis for all programming is the 7-Step Integrative Healing Model, through which various aspects of traumatic exposure are assessed, identified, explored, processed, integrated, and released with a positive meaning discovered. The model was developed based on the idea that any trauma can cause physical, emotional, and spiritual symptoms leading to a variety of illnesses, including post-traumatic stress disorder, major depression, generalized anxiety disorder, phobic disorders, somatic disorders, addictions, and aggression turned inward and outward, as well as physical illnesses, such as back pain, gastrointestinal diseases, cardiovascular diseases, etc. On a spiritual level, traumas cause spiritual vacuums and loss or disillusionment of faith. The list of psychological symptoms includes nightmares, night terrors, flashbacks, regression, loss of or increase in appetite, loss of hope, loss of status, and helplessness. A trauma may not only affect the survivors themselves, but also the families over several generations (Kupelian et al., 1998), as well as immediate family members living and interacting with the traumatized person.

The model builds from the integration of multiple theories including: psychodynamic (Freud, 1910), interpersonal (Sullivan, 1953), existential and humanistic (Frankl, 1962), electromagnetic field balancing (Dubro, Lapierre, 2002), forgiveness and reconciliation (Kalayjian, Paloutzian, 2010), learning theory, flower essences, essential oils, physical release (Van der Kolk, 1987) and Soul-Surfing (Kalayjian, 2015), prayers, and meditation. Next, we explain each step of the model.

7-Step Integrative Healing Model for transforming trauma into resilience and meaning:

1. *Assess Levels of Distress.* Participants are brought together at a meeting place and given the questionnaires described above to assess their levels of trauma, forgiveness, and meaning at the outset.
2. *Encourage Expression of Feelings.* One at a time, each member of the group is encouraged to express his or her feelings in the “here and now,” in relation to

the trauma, paying close attention to the following feelings commonly associated with post-traumatic stress: fear, uncertainty of the future, flashbacks, avoidance behaviors, anger at the perpetrator(s), sleep disturbances and nightmares, somatic symptoms, substance abuse, and domestic abuse.

3. *Provide Empathy and Validation.* The members of the group validate each survivor's feelings by using statements such as "It makes sense to me...." and share information about how other survivors from around the world have coped. Intentional therapeutic touch, such as holding a survivor's hand, is also used. In this step it is emphasized that the survivor's feelings of grief, fear, and anger, as well as the joy of surviving, are all-natural responses to the disaster and need to be expressed. When trauma ruptures an individual's connection with a group, an intolerable sense of isolation and helplessness may ensue. Providing validation and empathy in a group setting addresses these effects by reestablishing the mutual exchange between the individual and the group, and the individual and the universe. Forgiveness is introduced as a mechanism for creating inner peace in spite of unjust acts committed against the individual and in spite of ongoing denial of injustices. It is reinforced that when someone angers us, they control us. When we feel controlled, we feel helpless. Therefore, participants are encouraged to find ways to release and transform their anger and sublimate it or use it in a therapeutic way.

4. *Promote Discovery and Expression of Meaning.* Survivors are asked, "What lessons, meaning, or positive associations did you discover as a result of this traumatic experience?" This question is based on Frankl's (1962) logotherapeutic principles, which stipulate that a positive meaning can be discovered in the worst catastrophe, as well as on the Buddhist assertion that it takes darkness to appreciate and reconnect with light. Again, each member of the group is invited to focus on the strengths and meanings that naturally arise from any disaster situation. Some of the positive lessons learned and expressed by survivors from around the world are: that interpersonal relationships are more important than material goods, it is important to release the resentments, working through anger and practicing forgiveness is healthy, it is possible to take charge of one's own life, and that it is important for nations to come together for the purpose of peace. Once forgiveness is practiced regularly, one feels freer to move into this phase of searching for a meaning and is more likely to recognize the positive growth that can occur after a hardship.

5. *Supply, Seek and Gather Information.* Practical tools and information are given on how to gradually return to one's daily routine by using the systematic desensitization process. The importance of preparation in advance of disasters is taught and elaboration is provided on specific ways to prepare. Handouts are given to teachers and prospective group leaders on how to conduct disaster evacuation drills and create safe and accessible exits from buildings, homes, factories, and other potential disaster sites. Booklets are distributed to parents and teachers on how to understand and respond to their children's nightmares, fears, and disruptive behaviors after wars. In addition, assessment tools are given to mental-health professionals. Handouts are provided on grief as well as on how to take care of oneself as a caregiver and prevent secondary traumatization.

6. *Eco-Centered Processing.* Practical tools are shared to connect with Mother Earth. Discussion and exercises are conducted around environmental connections.

Ways to care for one's environment are shared, starting with one's environment and expanding to the larger globe.

7. *Soul-Surfing Exercises with Deep Breaths*. Breath is used as a natural medicine and a healing tool. Since no one can have full control over nature, others, or what happens outside of one's self, survivors are assisted in learning how to control the way that they respond to traumas. A demonstration is provided of exercises that bring a sense of harmony to the mind, body, and spirit by focused and guided attention, imagery, and suggestion. It is important to note that breathing exercises may be uniquely adapted to the beliefs or customs of the people being helped. This is the experiential section of the model. Survivors are given instructions on how to dissipate fear, uncertainty, and resentments from mind-body-and spirit. In addition, survivors are instructed on how to move toward self-empowerment as well as to engender gratitude, compassion, faith, strength, and forgiveness in response to disasters, mass trauma, and denial of the trauma. Forgiveness meditation exercises are conducted. Forgiving oneself as a first step is introduced. We end with meditation, and then our signature Heart-to-Heart-Circle of Love and Gratitude.

Meaning-Making and Meaning-Centered Therapy

Meaning-centered therapy, also called logotherapy, was pioneered by Viktor Frankl (1962), who is perhaps best known for his book *Man's Search for Meaning*. According to Frankl, we can find a positive meaning in the most difficult and traumatic situations. Frankl differentiates the global meaning vs. individual meaning of the day or the specific moment. ***Meaning-making is creating a silver lining***, our ability to make sense of the nonsense. By meaning-making, we create a way to accept the situation we are in and keep going in the face of adversity. Meaning-making helps us learn to become more creative, to cope with our life predicaments, to improve our life, maximize our potential, find happiness and success.

Conclusion and recommendations

In this paper, we presented three important concepts that are integral and assist in our healing process, and transform trauma into meaning through gratitude, meaning-making, and forgiveness. We also presented seven (7) strategies for practicing and nurturing gratitude. International research reinforces the value of each of the following variables: gratitude, forgiveness and meaning-making for healing, transformation, and happiness.

Although most organized religions emphasize the importance of forgiveness and living a life of gratitude, the practice of being spiritual is lagging. While the importance of these variables is reinforced through scripture, a clear direction as to how to practice them is missing. To reinforce, emotional catharsis and gratitude are essential for living a harmonious life full of gratitude and meaning.

*"You give but little when you
Give of your possessions.
It is when you give of your heart
That you truly give."*

Kahlil Gibran (Lebanese poet)

References

- Collie, K., & Long, B.C. (2005). Considering “meaning” in the context of breast cancer. *Journal of Health Psychology, 10*, 843–853.
- Dubro, P.P., & Lapierre, D.P. (2002). *Elegant empowerment: Evolution of consciousness*. New York, NY: Platinum Publishing House.
- Elosúa, M.R. (2015). The influence of gratitude in physical, psychological, and spiritual well-being. *Journal of Spirituality in Mental Health, 17*(2), 110–118. <https://doi.org/10.1080/19349637.2015.957610>
- Emmons, R.A. (2007). *Thanks: How Practicing Gratitude can make you Happier*. New York, New York Houghton Mifflin Hard Court Publishing.
- Emmons, R.A., & McCullough, M.E. (Eds.). (2004). *The psychology of gratitude*. Oxford: Oxford University Press.
- Fincham, F.D., & Beach, S.R.H. (2013). Gratitude and forgiveness in relationships. In J.A. Simpson & L. Campbell (Eds.), *Oxford Library of Psychology. The Oxford Handbook of Close Relationships* (p. 638–663). Oxford: Oxford University Press.
- Frankl, V. (1962). *Man’s Search for Meaning*. New York, NY: Vintage Books.
- Freud, S. (1910). The origin and development of psychoanalysis. *American Journal of Psychology, 21*(2), 181–218. <https://doi.org/10.2307/1413001>
- Global Security. (2018). *Haiti military guide: Poverty*. Retrieved from <https://www.globalsecurity.org/military/world/haiti/poverty.htm>
- Guse, T., Vescovelli, F., & Croxford, S.A. (2019). Subjective well-being and gratitude among South African adolescents: Exploring gender and cultural differences. *Youth & Society, 51*(5), 591–615. <https://doi.org/10.1177/0044118x17697237>
- Kalayjian, A. (2012). Preparedness, impact, and coping: Lessons from Hurricane Sandy. *ICP IP, 52*(4), 14.
- Kalayjian, A. (2015). *Soul-Surfing: A Guide to Mind-Body-Eco-Spirit Health*. Handbook self-published.
- Kalayjian, A. (2017). *Forget Me Not. 7 Steps for Healing Our Body, Mind, Spirit and Mother Earth*. Sojourn Publishing, USA.
- Kalayjian, A. (2017, January). Meditation for health, happiness, and meaning-making. *The International Psychologist Part B – International Understanding, 5*–8.
- Kalayjian, A. (2020). The seven-step integrative healing model. In I. Serlin, S. Krippner, & K. Rockefeller (Eds.), *Integrated Care for the Traumatized: A Whole-Person Approach*. London: Rowman & Littlefield.
- Kalayjian, A., & Diakonova-Curtis, D. (2019). Chapter 3: 7-Step Integrative Healing Model. In I.A. Serlin, S. Krippner, & K. Rockefeller (Eds.), *Integrated Care for the Traumatized: A Whole-Person Approach*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Kalayjian, A., & Eugene, D. (2010). *Mass trauma & emotional healing around the world: Rituals and practices for resilience and meaning-making. Volume II: Natural disasters and human made disasters*. New York: NY: Greenwood Publishing Group, ABC-CLIO Inc.
- Kalayjian, A., & Paloutzian, R. (2010). *Forgiveness and reconciliation: Psychological pathways to conflict transformation and peace building*. New York, NY USA: Springer Publishing.
- Kalayjian, A., & Simmons, L. (2016). Meaningfulworld’s 11th Humanitarian Mission to Haiti: Sustainable community healing, peace-building, and meaning-making for a healthy Haiti. *International Journal of School and Cognitive Psychology, 3*(3). <https://doi.org/10.4172/2469-9837.1000179>
- Kalayjian, A., Shigemoto, Y., & Patel, B. (2010). Earthquake in Soviet Armenia: Coping, integration, and meaning-making. In A. Kalayjian & D. Eugene (Eds.), *Mass trauma and emotional healing around the world: Rituals and practices for resilience and meaning-making, 1*, 1–21. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, LLC.
- Kumar, A., & Dixit, V. (2014). Forgiveness, gratitude, and resilience among Indian youth. *Indian Journal of Health & Wellbeing, 5*(12), 1414–1419.
- Kupelian, D., Kalayjian, A.S., & Kassabian, A. (1998). The Turkish genocide of the Armenians: Continuing effects on survivors and their families eight decades after massive Trauma.

- In Y. Danieli (Ed.), *Multigenerational transmission of trauma: An international handbook* (pp. 192–210). New York, NY: Plenum Publishing.
- Merriam-Webster. (2019). *Gratitude*. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/gratitude>
- Sansone, R.A., & Sansone, L.A. (2010). Gratitude and wellbeing: The benefits of appreciation. *Psychiatry-Edmont*, 7(11), 18–22. Retrieved from https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3010965/pdf/PE_7_11_18.pdf
- Skaggs, B.G., & Barron, C.R. (2006). Searching for meaning in negative events: Concept analysis. *Journal of Advanced Nursing*, 53, 559–570.
- Sullivan, H.S. (1953). *The interpersonal theory of psychiatry*. New York, NY: W.W. Norton.
- Toussaint, L., Kalayjian, A., & Diakonova-Curtis, D. (2017). Forgiveness makes sense: Forgiving others enhances the salutary associations of meaning-making with traumatic stress symptoms. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 23(1), 85–88. <https://doi.org/10.1037/pac0000187>
- Toussaint, L., Kalayjian, A., Herman, K., Hein, A., Njabulo, M., & Diakonova-Curtis, D. (2017). Traumatic stress symptoms, forgiveness, and meaning in life in four traumatized regions of the world. *Trauma Psychology. International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. Advance online publication. <http://dx.doi.org/10.1037/ipp0000064>
- Van der Kolk, B.A. (1987). The drug treatment of posttraumatic stress disorder. *Journal of Affective Disorders*, 13(2), 203–213.
- Watkins, P.C., & Bell, J. (2017). Current theories and research in the psychology of gratitude. *Scientific Advances in Positive Psychology*, 103–129.
- Watkins, P.C., & Scheibe, D. (2018). Gratitude. In J.E. Maddux (Ed.), *Frontiers of Social Psychology. Subjective Well-Being and Life Satisfaction* (pp. 210–229). New York: Routledge, Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9781351231879-10>
- Wice, M., Howe, D., & Goyal, N. (2018). The influence of gestures of appreciation on gratitude and helping: Exploring the role of culturally variable reciprocity norms. *TPM: Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, 25(2), 263–271
- Wood, A.M., Emmons, R.A., Algoe, S.B., Froh, J.J., Lambert, N.M., & Watkins, P. (2016). A dark side of gratitude? Distinguishing between beneficial gratitude and its harmful impostors for the positive clinical psychology of gratitude and well-being. *The Wiley Handbook of Positive Clinical Psychology*, 137–151.

Article history:

Received: 1 August 2020

Revised: 10 September 2020

Accepted: 15 September 2020

For citation:

Kalayjian, A. (2020). Meaning-Making, Forgiveness, and Gratitude: Nurturing a Healthy, Peaceful, and Prosperous Haiti. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 624–636. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-624-636>

Bio note:

Ani Kalayjian, EdD, DDL, BC-RN, DSc (Hon), BCETS, is a multi-cultural and multi-lingual integrative healer, Adjunct Professor at Teachers College of the Columbia University, Professor at the Association for Trauma Outreach & Prevention (ATOP) MeaningfulWorld, in private practice, and delivering humanitarian relief missions to 48 countries and 26 states in USA. She is the President and founder of ATOP MeaningfulWorld, author of 5 academic books on transforming trauma, including generational trauma, and horizontal violence. E-mail: drkalayjian@meaningfulworld.com

Осмысление, прощение, благодарность – путь к здоровому, мирному и процветающему Гаити

А. Калайджян

Колумбийский университет

Соединенные Штаты Америки, NY 10027, Нью-Йорк, 116th St and Broadway

Ассоциация по преодолению и профилактике травм MeaningfulWorld

Соединенные Штаты Америки, NJ 07010, Клиффсайд Парк, Cedar St, 139

Аннотация. В 2010 году весь мир потрясло разрушительное землетрясение, произошедшее на Гаити. В ходе четырнадцати гуманитарных миссий представители ассоциации MeaningfulWorld стали свидетелями восстановления гаитянского общества после этого драматического события, роста его резильентности. Деятельность MeaningfulWorld, направленная на повышение осознанности, формирование резильентности, устойчивости в местных сообществах и гаитянском обществе в целом, выявила проблемы наиболее уязвимых и маргинализированных социальных групп, в том числе детей, женщин, а также беженцев, получивших психологические травмы. Результаты этой работы позволили поставить главный вопрос, решение которого необходимо для преодоления эмоциональных и психологических травм, продвижения к осмыслению, исцелению, надежде, примирению и доверию: какие уроки мы можем извлечь из травмирующего прошлого? Представители MeaningfulWorld считают интеграцию эмоционального интеллекта, духовных связей, любви, осмысления, прощения, эмпатии, а также воспитание благодарности единственно возможным средством преодоления перенесенных эмоциональных и психологических травм. В статье анализируется ценность формирования благодарности и на ее основе – прощения и осмысления в целях посттравматического восстановления и роста, развития резильентности и эмоционального интеллекта. Народ Гаити исторически демонстрирует резильентность, однако, до тех пор пока опыт трагического прошлого не осмыслен окончательно, гаитянское население будет разобщено, дезориентировано, подвержено страху массового распространения горизонтального насилия, взаимной агрессии – явлению, получившему название гаитянской болезни.

Ключевые слова: благодарность, прощение, осмысление, интегративное исцеление, Гаити, горизонтальное насилие, резильентность, преодоление посттравматического шока, посттравматический рост

История статьи:

Поступила в редакцию: 1 августа 2020 г.

Принята к печати: 15 сентября 2020 г.

Для цитирования:

Kalayjian A. Meaning-Making, Forgiveness, and Gratitude: Nurturing a Healthy, Peaceful, and Prosperous Haiti // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 624–636. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-624-636>

Сведения об авторе:

Калайджян Ани, EdD, DDL, BC-RN, DSc (Hon), BCETS, мультикультурный и мультиязычный интегративный целитель (терапевт), адъюнкт-профессор педагогического колледжа Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), профессор Ассоциации по преодолению и профилактике травм (АТОП) MeaningfulWorld. Занимается частной практикой и гуманитарными миссиями в 48 странах и 26 штатах США. Автор 5 научных монографий по проблемам трансформации психологической травмы, включая поколенческие травмы и горизонтальное насилие. E-mail: drkalayjian@meaningfulworld.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-637-655

УДК 159.9.07

Исследовательская статья

Духовно-нравственные качества личности и эмпатия как компоненты высших моральных способностей: верификация взаимосвязи на российской выборке

Г.В. Ожиганова

Институт психологии Российской академии наук
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Аннотация. В современных условиях актуализируется проблематика психологического исследования морального поведения, нравственных проявлений и свойств личности, при этом важную роль в изучении духовно-нравственных качеств (добродетелей) играет позитивная психология, которая ассоциирует счастливую жизнь человека с высокими духовно-нравственными ориентирами. Изучение духовно-нравственных аспектов личности и эмпатии активно проводится зарубежными учеными, в то же время в отечественной психологии подобные исследования не являются распространенными. На российской выборке такое исследование, включающее контекст высших моральных способностей, проводится впервые. В теоретической части статьи рассматриваются вопросы, связанные с высшими моральными способностями, дается их определение и отмечается их отличие от моральных способностей: высшие моральные способности относятся к категории духовных способностей. В составе высших моральных способностей выделяются следующие компоненты: духовно-нравственные качества как проявление духовной альтруистической направленности и эмпатия как проявление нравственных чувств, связанных с децентрацией, сопереживанием, эмпатической заботой. Связь этих компонентов анализируется в эмпирической части статьи. Цель исследования – установить связь показателей духовно-нравственных качеств личности и эмпатии. Для исследования духовно-нравственных качеств личности использован опросник «Духовная личность» А. Хусейна, М. Анаса в адаптации Г.В. Ожигановой. Для исследования эмпатии применялся многофакторный опросник эмпатии М. Дэвиса в адаптации Н.А. Будаговской, С.В. Дубровской, Т.Д. Карягиной. В эмпирическом исследовании приняло участие 90 старшеклассников (56 % – девушки). Полученные результаты показали, что выдвинутая гипотеза нашла подтверждение: корреляционный анализ выявил наличие связи показателей духовно-нравственных качеств личности с эмпатией в трех ее аспектах: когнитивном (шкала «Децентрация»), аффективном (шкала «Сопереживание») и поведенческом (шкала «Эмпатическая забота»). Связи со шкалой «Личный дистресс», отражающей недуховные эгоцентрические тенденции, установлено не было. Это создает возможность рассмотрения духовно-нравственных качеств (имеющих отношение к духовной альтруистической направленности) и эмпатии (раскрывающейся как «Децентрация», «Сопереживание» и «Эмпатическая забота») в качестве компонентов высших моральных способностей.

Ключевые слова: высшие моральные способности, духовная личность, духовно-нравственные качества, духовная альтруистическая направленность, эмпатия

© Ожиганова Г.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Исследование духовно-нравственных аспектов личности приобретает особую актуальность в современном обществе. В связи с кардинальными социально-экономическими изменениями, катаклизмами, обусловленными такими масштабными негативными воздействиями на человека, как экологические катастрофы, пандемия, возникает острая необходимость мобилизации внутренних ресурсов, чтобы противостоять стрессу, адекватно реагировать на вызовы современности и в трудной ситуации сохранять человеческое достоинство.

Важно не только проявлять собственную жизнестойкость, но и, используя духовный ресурс, реализовывать с помощью духовных способностей высокие нравственные качества, связанные с заботой о других, стремиться помогать тем, кто нуждается в поддержке. В этой связи с научной точки зрения важным представляется рассмотрение вопросов, касающихся морального поведения, моральных способностей человека. Актуальность приобретает изучение представлений о духовно-нравственных качествах личности и эмпатии, играющих важную роль в моральных действиях и поступках.

Большой вклад в изучение духовно-нравственных качеств личности внесла позитивная психология. В ее рамках на основании анализа философских трудов Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Августина Блаженного, а также Библии, Корана, Упанишад, текстов философских учений Лао-цзы, Будды, Конфуция, кодекса самураев бусидо и т. п. были выявлены шесть добродетелей, общих для разных эпох, цивилизаций, культур и народов: 1) мудрость и знание; 2) мужество; 3) любовь и гуманизм; 4) справедливость; 5) умеренность; 6) духовность, или трансцендентность. Эти духовно-нравственные добродетели раскрываются в соответствии с определенными положительными качествами личности, что нашло отражение в разработанных психодиагностических инструментах (Peterson, Seligman, 2004). Позитивная психология ассоциирует счастливую жизнь человека с высокими духовно-нравственными ориентирами. Согласно М. Селигману, жизнь, исполненная смысла, связана с использованием положительных качеств личности и добродетелей для служения высшим целям (Seligman, 2017).

В теории нравственных основ, или моральных оснований (Graham et al., 2013), являющейся одной из ведущих в современной психологии морали, среди общечеловеческих принципов морали в первую очередь называется «забота о других людях – отсутствие причинения вреда»: вредить другим неправильно, тогда как проявлять по отношению к другим доброту и сострадание правильно (McKay, Whitehouse, 2015).

В психологии морали большое внимание уделяется альтруизму и эмпатии.

Альтруистически ориентированное просоциальное поведение, индуцируемое эмпатическим отношением к окружающим, изучалось многими психологами (Eisenberg, Miller, 1987; Hoffman, 1991, 2000; Batson et al., 2015 и др.), но как связанное с составом высших моральных способностей еще не рассматривалось. Высшие моральные способности ассоциируются с духовно-нравственной сферой личности и анализируются в этой статье в соответствии с предложенной нами психологической моделью духовных способно-

стей, охватывающей три компонента/уровня: 1) моральный; 2) ментальный; 3) трансцендентный (Ожиганова, 2016). Каждый из этих уровней включает специфичные способности, относимые к категории духовных. Способности, входящие в структуру духовных способностей, мы назвали высшими, чтобы подчеркнуть их особый статус. Благодаря этим способностям субъект может продвигаться в сторону своего духовного Я, проявляя высшие человеческие качества. Моральный компонент духовных способностей является базовым уровнем модели. Он отражает возможность актуализации высших моральных способностей, которые открывают путь к высшим смыслам бытия и реализации в процессе жизнедеятельности высших ценностей: истины, добра, красоты, справедливости, исходя из универсальных принципов морали.

Таким образом, в отличие от моральных способностей, которые связаны с соблюдением локальных правил морального поведения, установленных определенной группой, сообществом, обществом, высшие моральные способности связаны с ориентацией на соблюдение общечеловеческих принципов морали. Они относятся к категории духовных способностей, среди которых основополагающей способностью является «бескорыстная любовь к людям», проявляющаяся на личностном уровне как духовная альтруистическая направленность.

Понятие «высшие моральные способности» отражает склонность к ориентации на идеалы абсолютной морали, а понятие «моральные способности» – на моральный релятивизм. Относительная мораль, обслуживая эгоистические потребности личности, удобна для оправдания многих неблагоприятных поступков и в крайних вариантах приводит к реализации принципа «все дозволено». Моральный релятивизм может скатиться к теории «Добродетель эгоизма», предложенной А. Рэнд (Рэнд, 2012). Рассуждая в связи с моральными способностями об абсолютной морали, отметим необходимость понимания относительности абсолютного и относительного в морали, о чем пишет Р.Г. Апресян (Апресян, 2006), и будем руководствоваться принципом «здорового смысла», развиваемым в философской теории Т. Рида (Рид, 2000). Тогда идея абсолютной морали может представлять собой «идеальную точку отсчета, которая задается индивидом самому себе для моральной квалификации своего поведения» (Гусейнов, 2003. С. 12). Абсолютные моральные принципы в этом случае предстают в виде высокого идеала, к которому человек стремится, проявляя высшие моральные способности.

Высшие моральные способности, выступая как духовные способности, имеют непосредственное отношение к духовной личности, ее духовно-нравственным качествам. Духовные способности, по определению В.Д. Шадрикова, это способности человека как субъекта деятельности и отношений в единстве с нравственными качествами человека как личности. Он считает, что духовные способности неотделимы от нравственности и добродетельного поведения (Шадриков, 1998; 2020). Следовательно, *духовно-нравственные качества*, присущие духовной личности, *представляют собой сущностный компонент высших моральных способностей*. Благодаря высшим моральным способностям духовная личность реализует свои духовно-нравственные качества в жизнедеятельности. «Духовная личность» определяется нами как

личность, обладающая высокой нравственностью, которая проявляется в мудром добродетельном поведении, наличии духовной силы и духовности отношений (Ожиганова, 2019. С. 162).

Базовой аффективной характеристикой духовной личности является любовь к другим людям, чувство единства с ними, стремление к поддержке и заботе о них, что имеет непосредственное отношение к эмпатии.

В настоящее время в психологической науке выделяются разные аспекты и уровни эмпатии. Подчеркнем, что именно *эмпатия, свидетельствующая о нравственных чувствах и действенной помощи (назовем ее продуктивной эмпатией)*, является неотъемлемым компонентом высших моральных способностей. Проявление же эмпатии, например, связанной с эгоистическими тенденциями и пр. (назовем ее непродуктивной эмпатией), отношения к высшим моральным способностям не имеет.

В исследованиях показано, какую важную роль играет продуктивная эмпатия в межличностном взаимодействии и обеспечении благополучия других: установлено, что респонденты, обучающиеся помогающим профессиям, в большей степени склонны проявлять эмпатию по отношению к другим людям; также выявлено, что эмпатическое отношение к пациентам способствует их скорейшему выздоровлению (Ahmad, 2015). Основываясь на этих результатах и наших теоретических представлениях, можно сказать, что продуктивная эмпатия и помогающее поведение, свидетельствуя о духовной альтруистической направленности, имеют отношение к духовной личности и ее моральным способностям.

В структуре эмпатических способностей исследователями выделяется альтруистическая направленность и другие компоненты: эмоциональная активность, широта эмоционального репертуара, адаптивная гибкость эмоций, коммуникативная толерантность, способность к синтонии и идентификации и другие компоненты (Ичаловская, 1999).

В отношении высших моральных способностей речь идет о духовной альтруистической направленности, которая, по нашему мнению, представляет собой их ключевой элемент, отражая суть духовных способностей – высшее проявление человеческого в человеке: бескорыстной заботы о благе других, достигающей в некоторых случаях уровня героического поведения и самопожертвования. Другим ключевым элементом высших моральных способностей является совесть как механизм регуляции морального поведения. В данном исследовании рассматриваются следующие *компоненты высших моральных способностей: духовно-нравственные качества как проявление духовной альтруистической направленности и эмпатия как проявление нравственных чувств, связанных с децентрацией, сопереживанием, эмпатической заботой.*

Об альтруизме и эмпатии пишет М. Хоффман, отмечая, что эмпатия вызывает и поддерживает действия в интересах других людей, ради их блага, и поэтому должна быть фундаментальным критерием для моральной оценки (Hoffman, 1975). В исследованиях установлено, что эмпатия приводит к альтруистической мотивации и вызывает альтруистическое поведение (Watson et al., 2015).

М. Слоут, развивая концепцию этики заботы, указывает, что без эмпатии забота является неадекватным понятием для моральной рефлексии, поэтому он определяет свой проект как эмпатическую заботу. Автор отмечает, что развитие способности к эмпатии создает возможность увеличения усилий и действий ради других (Slote, 2007). Очевидно, что эмпатические способности, связанные с альтруистической направленностью, тесно переплетены с моральными способностями, отражая их эмоциональную грань.

Среди философов существует мнение, что субъективные эмоциональные реакции оправданы и что эмоции помогают людям различать моральные качества в конкретных контекстах, мотивировать моральное и пресекать аморальное поведение. Кроме того, эмоции могут играть коммуникативную роль, раскрывая моральные ценности человека, показывая его заботу о других и самих себе (Ben-Ze'ev, 1997; Blum, 1980).

В концепции нравственных чувств А. Смита (Смит, 1997) отражена идея связи когнитивного и аффективного аспектов, присущих морали, что позволяет выделять особый вид способностей – моральных, включающих в себя аффективный компонент – моральные чувства. «Смит основывал мораль на внутренней способности; она рассматривалась им как способность чувственного познания. Благодаря этой способности человек имел возможность постигать моральное. И благодаря ей изначально устанавливался тот порядок во взаимоотношениях между людьми в их ожиданиях, чувствах и мнениях, который и составлял мораль» (Апресян, 2005. С. 106).

Вышеперечисленные мнения психологов и философов свидетельствуют о тесной связи эмпатии, альтруизма и морали. Это дает основание для предположения о том, что проявления эмпатии и духовно-нравственных качеств личности, отражающих духовную альтруистическую направленность, имеют отношение к высшим моральными способностям.

Несмотря на многочисленные теоретические и эмпирические работы, подтверждающие связь морального поведения и эмпатии, существует мнение, что эта связь не является столь прямолинейной, однозначной и неоспоримой (Decety, Cowell, 2014). Исследования в области социальной психологии ясно показывают, что мораль и эмпатия сопряжены с двумя независимыми мотивами, каждый из которых имеет свою уникальную цель. В ситуациях распределения ресурсов, в которых эти два мотива противоречат друг другу, эмпатия может стать источником аморального поведения (Batson et al., 1995).

Безусловно, существуют ситуации, когда эмпатия может привести к аморальному поведению, например: сочувствие матери в отношении своего ребенка в критической ситуации вынужденного выбора может привести к жестокому ущемлению прав чужих детей. Исследования показывают, что активность в нейронной сети, связанной с болью, значительно усиливается, когда люди видят или воображают страдания своих близких по сравнению с восприятием страданий незнакомцев (Cheng et al., 2010). Таким образом, можно сказать, что в действительности эмпатия не всегда является прямым путем к моральному поведению.

Исходя из этого повышаются требования к точности в определении содержания конструкта «эмпатия», используемого в каждом конкретном исследовании.

довании. Выделение различных аспектов эмпатии, как, например, в применяемой нами модели эмпатии М. Дэвиса (отраженной в его тесте), позволяет избежать обобщающих негативных характеристик эмпатии, которые можно приписать этому термину в связи с определенными ситуациями. В модели М. Дэвиса заведомо негативные аспекты эмпатии отражает шкала «Личный дистресс».

Рассмотрим, как соотносятся друг с другом выделенные нами компоненты высших моральных способностей: духовно-нравственные качества, свидетельствующие о духовной альтруистической направленности, и нравственные чувства, ассоциируемые с тремя аспектами эмпатии: когнитивным – шкала «Децентрация», аффективным – шкала «Сопереживание» и поведенческим – шкала «Эмпатическая забота», используя модель эмпатии, предложенную М. Дэвисом (Davis, 1983, 1996). Хочется подчеркнуть, что изучение духовно-нравственных аспектов личности и эмпатии активно проводится зарубежными учеными, в отечественной психологии подобные исследования не являются распространенными. На российской выборке такое исследование, включающее контекст высших моральных способностей, проводится впервые.

Цель исследования – установить связь показателей духовно-нравственных качеств личности и эмпатии.

Задачи – выявить уровень выраженности эмпатии у лиц с более и менее высокими показателями духовно-нравственных качеств, а также исследовать половые различия по уровню выраженности духовно-нравственных качеств и эмпатии.

Гипотеза – существует связь между уровнем выраженности показателей духовно-нравственных качеств личности и эмпатии.

Процедура и методы исследования

Выборка: 90 человек (39 чел. – мужского пола; 51 чел. – женского пола) – учащиеся старших классов средней общеобразовательной школы Москвы; возраст – 15–18 лет. Средний возраст – $16,11 \pm 0,74$ лет.

Методики. Для исследования духовно-нравственных качеств личности использовался опросник «Духовная личность» А. Хусейна, М. Анаса в адаптации Г.В. Ожигановой (Ожиганова, 2019). Эта методика отражает секулярную духовность, создавая возможность получить представление о выраженности духовно-нравственных качеств личности. Нравственные качества, представленные в опроснике, имеют отношение к высоким моральным принципам и ценностям, свидетельствующим о духовности личности, ее духовной альтруистической направленности, которую мы считаем ключевым элементом моральных способностей. Опросник охватывает такие качества, как доброта, великодушие, милосердие, сострадание, прощение, смирение, честность, чистота мыслей и поступков и др.

Методика содержит 28 пунктов и 5 шкал: 1) «Высокая нравственность и мудрость», 2) «Самоконтроль», 3) «Надежность и ответственность», 4) «Духовность отношений», 5) «Правдивость и удовлетворенность» (Ожиганова, 2019).

Для исследования эмпатии применялся *многофакторный опросник эмпатии М. Дэвиса* в адаптации Н.А. Будаговской, С.В. Дубровской, Т.Д. Ка-

рягиной, 2013). М. Дэвис рассматривает эмпатию как многомерную систему реакций человека на наблюдаемые события/состояния других людей. Эмпатия представлена как совокупность нескольких конструктов, описывающих разные аспекты одного и того же феномена – отклика на переживания других.

Этот личностный опросник включает 28 пунктов, 4 шкалы, каждая из которых содержит 7 пунктов. Шкалы отражают разные стороны проявления эмпатии, вместе с тем представляя ее как целостный феномен на основе общей концепции эмпатии. Краткое описание каждой шкалы представлено ниже.

1. *Шкала децентрации – ассоциируется с когнитивным аспектом эмпатии*; измеряет тенденцию принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека, стремление понять и учесть многообразие возможных позиций. В связи с этой шкалой исследователи отмечают, что возможность поставить себя на место другого человека обусловлена когнитивными процессами, что приводит к улучшению социального взаимодействия, позволяя избавиться от корыстных побуждений, облегчая, например, акт прощения (Кухтова, 2011; Mahoney, 2006). По их мнению, способность поставить себя на место другого человека, исходя из понимания его чувств, в большей мере способствует альтруистической помощи, чем рациональный подход к пониманию его мыслей. «Быть способным понять эмоции других больше влияет на альтруизм личности, чем способность понять мысли других» (Карягина, Кухтова, 2016. С. 37). Эта шкала, ориентированная на оценку склонности принимать в расчет точку зрения других, затрагивает и когнитивную, и личностную сферы, приводя к понятию децентрации. «Описание шкалы... отсылает нас к теоретическим работам Ж. Пиаже и Д. Мида, которые подчеркивают важность способности к децентрации для неэгоцентрического, неэгоистического поведения» (Карягина, Кухтова, 2016. С. 37).

2. *Шкала сопереживания (фантазии) – отражает аффективный аспект эмпатии*; она сконструирована исходя из исследований эмоциональности Е. Стотланда и оценивает тенденцию воображаемого перенесения себя на место вымышленных персонажей книг, спектаклей, героев фильмов, включение в их эмоциональные состояния и действия и т. д.; постановка на место другого происходит благодаря вчувствованию или вживанию в эмоции, что может объясняться проекцией, принятием роли.

3. *Шкала эмпатической заботы – ориентирует на поведенческий аспект эмпатии*; позволяет выявить такие чувства, направленные на другого, как сострадание, жалость, сочувствие в отношении людей, с которыми случилось несчастье, а также желание помочь, показывает тенденцию испытывать симпатию, теплоту, беспокойство о других людях, стремление заботиться о них, «выявляет “помогающее” отношение и симпатию к чьим-либо чувствам» (Карягина, Кухтова, 2016. С. 40). Дэвис определяет такие чувства как нравственные. «Сочувствие побуждает человека к помощи другому: чем более устойчивы альтруистические мотивы человека, тем шире круг людей, которым он, сочувствуя, помогает» (Карягина, Кухтова, 2016. С. 41).

4. *Шкала личного дистресса* показывает чувства собственной тревоги и дискомфорта, которые возникают при наблюдении переживаний других людей в процессе напряженного межличностного взаимодействия и других

ситуациях. Эти отрицательные эмоциональные реакции (беспокойство, раздражение) появляются в связи с чужими страданиями и порождают стремление к скорейшему избавлению от собственных негативных чувств, что может осуществляться, например, путем оказания помощи страдающему, но не ради его блага, а для собственного психологического благополучия, чтобы самому обрести покой, элиминировав психотравмирующую ситуацию, источник своих отрицательных эмоций. Шкала личного дистресса показывает эмпатию эгоцентрического типа, направленную на себя, озабоченность своим собственным состоянием, а не состоянием другого, в отличие от шкалы эмпатической заботы, отражающей альтруистически ориентированную заботу о других людях. Шкала личного дистресса может сигнализировать о чрезмерной «зараженности» чужими эмоциями и неспособности помочь другому человеку, оказавшемуся в бедственном состоянии и испытывающему страдания.

Дополнительно использовалась *методика диагностики самооценки мотивации одобрения* Марлоу – Крауна (Marlowe – Crowne Social Desirability Scale, MC – SDS) в адаптации Ю.Л. Ханина (Ханин, 1974). Опросник предназначен для оценки правдивости ответов респондентов, применяется как шкала лжи, содержит 20 пунктов.

Результаты и их обсуждение

Методики, используемые в исследовании, связаны с самооценкой респондентом своих личностных особенностей, которые имеют отношение к эмпатии и духовно-нравственным качествам. Эти характеристики являются социально желательными, поэтому для проверки правдивости ответов применялась методика Марлоу – Крауна в качестве шкалы лжи.

Было установлено, что 6 человек из 90 показали по шкале лжи балл > 14 , свидетельствующий о неискренности ответов; они были исключены из последующего статистического анализа результатов. В дальнейшем речь идет о выборке из 84 человек, среди которых респондентов мужского пола – 37 человек, женского пола – 47 человек.

Был проведен анализ описательной статистики выделенных нами переменных: духовно-нравственных качеств (духовная личность) – здесь и в дальнейшем используется один показатель – суммарный, и четырех шкал эмпатии: 1) шкала децентрации; 2) шкала сопереживания; 3) шкала эмпатической заботы; 4) шкала личного дистресса (табл. 1). Это позволяет применить полученные результаты в дальнейшем статистическом анализе данных (например, учитывать значение медианы для деления респондентов на группы).

Была проведена проверка на нормальность распределения данных, полученных по всем четырем шкалам эмпатии и по методике «Духовная личность». Использовался критерий Колмогорова – Смирнова (табл. 2). Установлено, что распределение данных трех шкал эмпатии (кроме шкалы личного дистресса) и параметра «Духовная личность» не отличается от нормального распределения, поэтому в дальнейшем использовались непараметрические методы.

Для выяснения, существует ли связь между показателями уровня выраженности духовно-нравственных качеств личности и эмпатии, был проведен *корреляционный анализ*. Использовался коэффициент корреляции Спирмена (табл. 3).

Таблица 1

Описательная статистика параметра «духовно-нравственные качества» (духовная личность) и шкал эмпатии

[Table 1. Descriptive statistics of the 'spiritual and moral qualities' (spiritual personality) parameter and empathy scales]

Показатель	Шкала децентрации	Шкала сопереживания	Шкала эмпатической заботы	Шкала личного дистресса	Духовная личность (суммарный балл)
Среднее значение	15.655	19.095	16.512	14.357	99.11
Стандартная ошибка среднего значения	.498	.542	.579	.528	1.626
Медиана	16.00	19.00	17.00	14.00	99.00
Мода	15.0	18.0	18.0	14.0	96
Стандартное отклонение	4.564	4.973	5.308	4.846	14.905
Дисперсия	20.831	24.738	28.181	23.485	222.169
Асимметрия	-.692	-.853	-.898	-.320	-.306
Эксцесс	1.432	1.635	.985	.299	1.853

Таблица 2

Показатели нормальности распределения (критерий Колмогорова – Смирнова)

[Table 2. Indicators of normality of distribution (Kolmogorov – Smirnov test)]

Показатель	Шкала децентрации	Шкала сопереживания	Шкала эмпатической заботы	Шкала личного дистресса	Духовная личность (суммарный балл)	
Параметры нормального распределения	Среднее значение	15.655	19.095	16.512	14.57	99.11
	Средне-квадратичная отклонения	4.564	4.973	5.308	4.846	14.905
Наибольшие экстремальные расхождения	Абсолютная	.092	.081	.116	.078	.096
	Положительные	.063	.047	.063	.077	.096
	Отрицательные	-.092	-.081	-.116	-.078	-.092
Статистика критерия	.092	.081	.116	.078	.096	
Уровень значимости <i>p</i>	.075	.200	.007	.200	.055	

Таблица 3

Корреляции показателей духовно-нравственных качеств (духовность личности) и эмпатии

[Table 3. Spearman's correlations between the indicators of spiritual-moral qualities (personal spirituality) and empathy]

Показатель	Эмпатия			
	Децентрация	Сопереживание	Эмпатическая забота	Личный дистресс
Духовность личности (духовно-нравственные качества) суммарный балл	.334	.223	.481	.105
Уровень значимости <i>p</i>	.002	.041	.000	.344

Из табл. 3 следует, что были установлены значимые положительные связи между показателями уровня выраженности духовно-нравственных качеств личности и тремя шкалам эмпатии: «Децентрация», «Сопереживание» и «Эмпатическая забота».

Таким образом, в нашем исследовании установлена связь показателей духовно-нравственных качеств личности с эмпатией, что согласуется с результатами других исследований. Так, изучение взаимосвязи духовности и эмпатии на выборке студентов, аспирантов, социальных работников и медсестер показало связь шкалы «Духовная перспектива» с эмпатией. Это шкала отражает представления о смысле бытия, связанности с природой, благодарности и морали. Авторы отмечают, что выявленная связь шкалы «Духовная перспектива» со шкалой «Доброжелательность» опросника «Большая пятерка» важна для прогнозирования эмпатии (Stewart et al., 2019). В исследовании, проведенном на выборке студентов (186 человек), была обнаружена значимая взаимосвязь альтруизма, эмпатии и духовности (Huber, MacDonald, 2012). В двух исследованиях, направленных на изучение взаимосвязи между различными аспектами эмпатии, общения и просоциального поведения, было установлено, что просоциальное поведение мотивировано прежде всего заботой о других, что имеет отношение к альтруизму, а последний также индуцирует эмпатию (Stiff et al., 1988).

В то же время важный результат нашего исследования – отсутствие связи суммарного показателя духовно-нравственных качеств личности со шкалой «Личный дистресс» ($r = .105$; $p = .344$), является, наш взгляд, абсолютно правомерным, так как эта шкала показывает чрезмерную озабоченность собой и своим состоянием, а не состоянием другого человека, испытывающего страдания, нуждающегося в сочувствии и помощи, что отражает эгоцентрическую ориентацию и не соотносится с духовно-нравственными качествами, не соответствует представлению о духовной личности, ее альтруистической направленности. Аналогично в исследовании Ч. Бэтсона и соавторов, направленном на изучение альтруистической мотивации, была установлена отрицательная связь личного дистресса с альтруизмом (Watson et al., 1987).

Для определения существования *половых различий* по четырем шкалам эмпатии и по уровню выраженности духовно-нравственных качеств личности использовался *U*-критерий Манна – Уитни. По первой шкале «Децентрация» и по показателю «Духовность личности» половые различия не выявлены (табл. 4).

Установлено, что по трем шкалам («Сопереживание», «Эмпатическая забота» и «Личный дистресс») эмпатия выше у респондентов женского пола, чем у респондентов мужского пола. Этот результат согласуется с представлением многих исследователей о большем проявлении эмоциональности со стороны женщин по сравнению с мужчинами (Bradley et al., 2001; Lucas, Gohm, 2000), которое ярко обосновывается в работах К. Гиллиган в связи с концепцией морали заботы. Аффективность, стремление к заботе, помогающему поведению присущи женскому полу в большей мере, чем мужскому. В силу повышенной эмоциональности женщины также в большей степени склонны к личному дистрессу, чем мужчины. Результаты исследования характери-

стик эмоционального интеллекта у мужчин и женщин также показывают, что у мужчин выше показатели процесса управления эмоциями и их контроля, а у женщин более выражены характеристики эмоционального интеллекта, которые касаются процесса понимания эмоций (Минуллина, Муртазина, 2014).

Таблица 4

Различия между респондентами мужского и женского пола по уровню выраженности духовно-нравственных качеств и эмпатии
 [Table 4. Mann – Whitney U-test between the indicators of spiritual-moral qualities (personal spirituality) and empathy in male and female respondents]

Показатель <i>b</i>	Средние значения		U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости <i>p</i>
	Мужской пол (37 человек)	Женский пол (47 человек)		
Духовность личности (духовно-нравственные качества) суммарный балл	97.51	100.36	760.5	.326
1. Шкала децентрации	15.13	16.06	788.5	.464
2. Шкала сопереживания	17.64	20.23	607	.018*
3. Шкала эмпатической заботы	14.78	17.87	547	.004**
4. Шкала личного дистресса	12.45	15.85	630.5	.031*

Примечание. * – $p < .05$, ** – $p < .01$.

Таблица 5

Различия по показателям эмпатии между группами респондентов с более высоким и низким уровнем выраженности духовно-нравственных качеств
 [Table 5. Mann – Whitney U-test between the indicators of empathy in respondents with higher and lower levels of manifestation of spiritual-moral qualities]

Шкалы эмпатии	Средние значения показателей выраженности духовности		U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости <i>p</i>
	Более высокий уровень духовности (41 человек)	Более низкий уровень духовности (40 человек)		
1. Шкала децентрации	16.68	14.67	603.5	.04*
2. Шкала сопереживания	20	18.27	666.5	.146
3. Шкала эмпатической заботы	17.90	14.77	520	.004**
4. Шкала личного дистресса	14.26	14.07	769.5	.632

Примечание. * – $p < .05$, ** – $p < .01$.

На следующем этапе был проведен *сравнительный анализ* показателей выраженности четырех шкал эмпатии у двух групп: 1) с более высокими и 2) более низкими показателями духовности (табл. 5). Для деления на группы

использовалась медиана на основе показателей по методике «Духовная личность» ($M = 99$, табл. 1). Всего остался 81 респондент.

Из табл. 5 следует, что между группами с более высоким и более низким уровнем выраженности духовно-нравственных качеств установлены значимые различия по двум шкалам эмпатии: «Децентрация» и «Эмпатическая забота» (у респондентов с более высоким уровнем выраженности духовно-нравственных качеств выявлены и более высокие показатели децентрации и эмпатической заботы). По шкалам «Сопереживание» и «Личный дистресс» различия между группами не установлены.

Децентрация и эмпатическая забота, по нашему мнению, в наибольшей мере ассоциируются с духовной альтруистической направленностью, отраженной в опроснике «Духовная личность», а шкалы «Сопереживание» и «Личный дистресс» в большей степени имеют отношение к эмоциональному аспекту эмпатии. По сравнению со шкалами «Эмпатическая забота» и «Децентрация» шкала «Сопереживание», с нашей точки зрения, показывает эмоциональные реакции, обладающие меньшей интенциональностью, меньшей мотивирующей силой для возможного альтруистического поведения, видимо поэтому различия по ней не установлены.

По результатам корреляционного анализа (табл. 3) также были выявлены хотя и значимые, но слабые связи шкалы «Сопереживание» с духовно-нравственными качествами личности (ассоциируемыми в нашем исследовании с духовной альтруистической направленностью). Шкала «Сопереживание», на наш взгляд, может сигнализировать о сочувствии, имеющем разные причины и следствия, отражая аффективность, которая не является однозначным предиктором склонности к духовно-нравственному поведению. Этим может объясняться установленная в нашем исследовании значимая, но очень слабая корреляция показателей духовности личности со шкалой «Сопереживание».

Анализируя полученные результаты в целом, можно сказать, что выявленные в нашем исследовании, хотя и не сильные, но значимые, связи показателей духовно-нравственных качеств личности и эмпатии согласуются с результатами других исследований, свидетельствующих о наличии связи между показателями духовности, альтруизма и эмпатии (Batson et al., 2004; Koenig et al., 2007; Huber, MacDonald, 2012), духовности и нравственности (Young et al., 1998), а также соответствуют современным психологическим представлениям о морали и моральном сознании, новым моделям психологии морали (например, модели социальной интуиции Дж. Хайдта – Haidt, 2007; Haidt, Kesebir, 2010)), в которых аффективные реакции и социальные эмоции (стыд, вина и сочувствие) играют важную роль. Согласно Хайдту, моральные действия в большей степени сопряжены с моральными эмоциями, чем с моральными рассуждениями (Haidt, 2007). Хайдт и Кесебир (2010) утверждают, что мораль включает в себя весь спектр психологических механизмов, которые активно действуют в нравственной жизни людей разных культур. В модели Дж. Хайдта мораль рассматривается не в связи с содержанием моральных вопросов (например, справедливости и благоденствия), а затрагивает функции моральных систем, имеющих отношение к взаимосвязанным наборам ценностей, добродетелей, норм, практик, идентичностей, которые «работают» вместе, чтобы подавлять или регулировать эгоизм и создавать возмож-

ность совместной жизни людей в обществе. Таким образом, можно говорить о взаимодействии и пересечении духовно-нравственной и эмоциональной сфер, которые отразились в нашем исследовании в виде установленной связи духовно-нравственных качеств и эмпатии. Это создает возможность для рассмотрения данных конструкторов в качестве компонентов высших моральных способностей человека, основу которых составляет духовная альтруистическая направленность.

Заключение

Выдвинутая нами гипотеза исследования нашла подтверждение. В результате корреляционного анализа установлено наличие связей показателей духовно-нравственных качеств личности с эмпатией: чем выше уровень выраженности показателей духовно-нравственных качеств личности, тем выше показатели эмпатии в трех ее аспектах – когнитивном (шкала «Децентрация»), аффективном (шкала «Сопереживание») и поведенческом (шкала «Эмпатическая забота»). Связи со шкалой «Личный дистресс», отражающей недуховные эгоцентрические тенденции, не установлено. Это создает возможность рассмотрения духовно-нравственных качеств (имеющих отношение к духовной альтруистической направленности) и эмпатии (раскрывающейся как «Децентрация», «Сопереживание» и «Эмпатическая забота») в качестве компонентов высших моральных способностей.

Установленные различия между группами с более высоким и более низким уровнями выраженности духовно-нравственных качеств по шкалам эмпатии «Децентрация» и «Эмпатическая забота» как наиболее ярко отражающим альтруистическую духовную направленность подтверждают значимость этих конструкторов для описания состава высших моральных способностей и морального уровня духовных способностей в целом.

Ограничения исследования. К ограничениям данного исследования можно отнести возраст респондентов и их социальный статус – «учащиеся», что могло повлиять на результаты. Недостаточная зрелость личности – неполная сформированность мировоззрения, убеждений, отсутствие жизненного опыта, несамостоятельность (зависимость от родителей) – все это могло влиять на представления молодых людей о своих духовно-нравственных качествах и самооценку этих качеств. Поэтому необходимы *дальнейшие исследования* с расширением возрастного диапазона респондентов. Можно предположить, что у респондентов старшего возраста связи духовности, нравственности и продуктивной эмпатии будут более выраженными.

Список литературы

- Апресян Р.Г. Об относительности абсолютного и относительного в морали // The HESP Regional Seminar for Excellence in Teaching: развитие этического образования в высшей школе: III Летняя школа (23 июня – 7 июля 2006 г.). URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/apressyan1.html> (дата обращения: 10.06.2020).
- Апресян Р.Г. Понятие «надлежащее» в «Теории нравственных чувств» Адама Смита // Историко-философский ежегодник – 2005. М.: Наука, 2005. С. 88–107.

- Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // *Консультативная психология и психотерапия*. 2013. № 1. С. 202–227.
- Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // *Этическая мысль: Научно-публицистические чтения – 1991 / под общ. ред. А.А. Гусейнова*. М.: Республика, 1992.
- Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // *Вопросы философии*. 2003. № 3. С. 3–12.
- Ичаловская Е.А. Развитие эмпатических способностей педагогов, работающих с творчески одаренными учащимися: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Р. н/Д.: РГПУ, 1999. 24 с.
- Карягина Т.Д., Кухтова Н.В. Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном пространстве // *Консультативная психология и психотерапия*. 2016. Т. 24. № 4. С. 33–61. <https://doi.org/10.17759/cpp20162404003>
- Кухтова Н.В. Адаптация методики «Межличностный индекс реактивности» (М. Дэвис) // *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2011. Вып. 11. Ч. 2. С. 211–218.
- Методика диагностики самооценки мотивации одобрения (Шкала лжи) Д. Марлоу и Д. Крауна // *Практическая психодиагностика: методики и тесты: учебное пособие / ред. и сост. Д.Я. Райгородский* Самара, 2001. С. 635–636.
- Минуллина А.Ф., Муртазина Э.И. Исследование характеристик эмоционального интеллекта и показателей толерантности к неопределенности у мужчин и женщин // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014. № 4. С. 125–130.
- Ожиганова Г.В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // *Экспериментальная психология*. 2019. Т. 12. № 4. С. 160–176. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120413>
- Ожиганова Г.В. Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Институт психологии РАН, 2016.
- Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. СПб.: Алетейя, 2000. 352 с.
- Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина Паблишер, 2012. 186 с.
- Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 352 с.
- Шадриков В.Д. Духовные способности. М.: Институт психологии РАН, 2020. 182 с.
- Шадриков В.Д. Духовные способности. М.: Магистр, 1998.
- Ahmad A. Exploring the relationship between spiritual personality and emotional empathy among medical and Unani students // *The International Journal of Indian Psychology*. 2015. Vol. 2. No. 3. Pp. 152–169. <https://doi.org/10.25215/0203.090>
- Barrett L.F., Bliss-Moreau E. She's emotional. He's having a bad day: Attributional explanations for emotion stereotypes // *Emotion*. 2009. No. 9. Pp. 649–658. <https://doi.org/10.1037/a0016821>
- Batson C.D., Ahmad N., Stocks E.L. Benefits and liabilities of empathy induced altruism // *The social psychology of good and evil / ed. by A.G. Miller*. New York, NY: Guilford Press. 2004. Pp. 359–385.
- Batson C.D., Fultz J., Schoenrade P.A. Distress and empathy: two qualitatively distinct vicarious emotions with different motivational consequences // *Journal of personality*. 1987. Vol. 55. No 1. P. 19–40. <https://doi:10.1111/j.1467-6494.1987.tb00426.x>
- Batson C.D., Lishner D.A., Stocks E.L. The Empathy – Altruism hypothesis // *Oxford library of psychology. The Oxford handbook of prosocial behavior / ed. by D.A. Schroeder, W.G. Graziano*. UK: Oxford University Press, 2015. Pp. 259–281. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195399813.013.023>
- Batson Ch.D., Batson J.G., Griffitt C.A., Barrientos S., Brandt J.R., Sprengelmeyer P., Bayly M.J. Negative-state relief and the empathy – altruism hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56. No. 6. Pp. 922–933.
- Ben-Ze'ev A. Emotions and morality // *Journal of Value Inquiry*. 1997. No. 31. Pp. 195–212.
- Blum L.A. Friendship, altruism, and morality. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.

- Bradley M.M., Codispoti M., Sabatinelli D., Lang P.J. Emotion and motivation II: sex differences in picture processing // *Emotion*. 2001. Vol. 1. No. 3. Pp. 300–319.
- Cheng Y., Chen C.Y., Lin C.P., Chou K.H., Decety J. Love hurts: an fMRI study // *Neuroimage*. 2010. No. 51. Pp. 923–929.
- Davis M.H. *Empathy: A social psychological approach*. Boulder, CO: Westview Press, 1996.
- Davis M.H. Measuring individual differences in empathy: evidence for a multidimensional approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol. 44. No. 1. Pp. 113–126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>
- Decety J., Cowell J.M. Friends or foes: Is empathy necessary for moral behavior? // *Perspectives on Psychological Science*. 2014. Vol. 9. No. 4. Pp. 525–537. <https://doi.org/10.1177/1745691614545130>
- Eisenberg N., Miller P.A. The Relation of Empathy to Prosocial and Related Behaviors // *Psychological Bulletin*. 1987. Vol. 101. No. 1. Pp. 91–119. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.101.1.91>
- Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S., Ditto P.H. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2013. No. 47. Pp. 55–130. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4>
- Haidt J. The New Synthesis in Moral Psychology // *Science*. 2007. Vol. 316 (5827). Pp. 998–1002. <https://doi.org/10.1126/science.1137651>
- Haidt J., Kesebir S. Morality // *Handbook of Social Psychology* / ed. by S. Fiske, D. Gilbert, G. Lindzey. Hoboken, NJ: Wiley, 2010. Pp. 797–832.
- Hoffman M.L. Developmental synthesis of affect and cognition and its implications for altruistic motivation // *Developmental Psychology*. 1975. No. 11. Pp. 607–622.
- Hoffman M.L. *Empathy and moral development: Implications for caring and justice*. New York: Cambridge University Press, 2000.
- Hoffman M.L. Is empathy altruistic? // *Psychological Inquiry*. 1991. No. 2. Pp. 131–133.
- Huber J.T., MacDonald D.A. An Investigation of the Relations Between Altruism, Empathy, and Spirituality // *Journal of Humanistic Psychology*. 2012. Vol. 52. No. 2. Pp. 206–221. <https://doi.org/10.1177/0022167811399442>
- Koenig L.B., McGue M., Krueger R.F., Bouchard T.J. Religiousness, antisocial behavior, and altruism: Genetic and environmental mediation // *Journal of Personality*. 2007. No. 75. Pp. 265–290.
- Lucas R.E., Gohm C.L. Age and sex differences in subjective well-being across cultures // *Culture and subjective well-being* / ed. by E. Diener, E.M. Suh. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. Pp. 291–318.
- Mahoney M.L. The prediction of moral reasoning: the role of empathy and emotional regulation: Ph.D. in Psychology Thesis. Loma Linda: Loma Linda University, 2006.
- McKay R., Whitehouse H. Religion and Morality // *Psychological Bulletin*. 2015. Vol. 141. No. 2. Pp. 447–473. <https://doi.org/10.1037/a0038455>
- Peterson C., Seligman M.E.P. *Character strengths and virtues: A handbook and classification*. Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
- Seligman M. *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realise Your Potential for Lasting Fulfilment*. Boston, MA, Nicholas Brealey Publishing, 2017. 336 p.
- Slote M. *The Ethics of Care and Empathy*. New York: Routledge, 2007.
- Stewart C., Lawrence S., Burg M.A. Exploring the Relationship of personality characteristics and spirituality to empathy: Does spirituality add to our understanding? // *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*. 2019. Vol. 38. No. 1. Pp. 3–20.
- Stiff J., Dillard J.P., Somera L., Kim H. Empathy, Communication, and Prosocial Behavior // *Communication Monographs*. 1988. Vol. 55. No. 2. Pp. 198–213. <https://doi.org/10.1080/03637758809376166>
- Young J.S., Cashwell C.S., Woolington V.J. The relationship of spirituality to cognitive development and purpose in life: An exploratory investigation // *Counseling and Values*. 1998. No. 43. Pp. 63–69.

История статьи:

Поступила в редакцию: 12 июля 2020 г.

Принята к печати: 15 октября 2020 г.

Для цитирования:

Ожиганова Г.В. Духовно-нравственные качества личности и эмпатия как компоненты высших моральных способностей: верификация взаимосвязи на российской выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 637–655. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-637-655>

Сведения об авторе:

Ожиганова Галина Валентиновна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов имени В.Н. Дружинина Института психологии РАН (Москва, Россия). E-mail: symposium2016@rambler.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-637-655

Research article

**Personal Spiritual-Moral Qualities and Empathy
as Components of Higher Moral Capacities:
Verification of the Relationship based on a Russian Sample**

Galina V. Ozhiganova

*Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences
13 Yaroslavskaya St, Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract. For contemporary societies, psychological research on moral behaviour, moral manifestations and personality traits has acquired special relevance. In addition, the recent rise of positive psychology offers an important perspective on the study of spiritual-moral qualities (virtues), demonstrating the degree to which a person's happiness in life relates to high spiritual-moral guidelines. Various aspects of personal spirituality, morality and empathy are actively being studied by international scientists; however, in Russian psychology, studies on this topic are scarce. Utilizing a Russian sample, such a study, including the context of higher moral capacities, was conducted for the first time. The theoretical part of this article addresses the issues related to the higher moral capacities, providing definitions and indicating difference between moral capacities and moral abilities: higher moral capacities appropriately belong to the category of spiritual capacities. As part of higher moral capacities, the following components are distinguished: spiritual-moral qualities as a manifestation of a spiritual altruistic orientation and empathy as a manifestation of moral feelings associated with decentration, empathic feeling and empathic care. The relationship between these components is analysed in the empirical part of the article. The purpose of the study was to examine the relationship between indicators of personal spiritual-moral qualities and empathy. The data for the study were collected and processed using *The Spiritual Personality Inventory* by A. Husain, M. Anas (adapted by G.V. Ozhiganova) and *The Interpersonal Reactivity Index* by M. Davis (adapted by N.A. Budagovskaya, S.V. Dubrovskaya and T.D. Karyagina). The empirical study involved 90 high school students (girls represented 56% of the sample). The results confirmed

our hypothesis: a correlation analysis revealed a relationship between indicators of personal spiritual-moral qualities and empathy in three aspects: (1) cognitive (the ‘Decentration’ scale), (2) affective (the ‘Empathic Feeling’ scale) and (3) behavioural (the ‘Empathic Care’ scale). No relationship was found with the ‘Personal Distress’ scale reflecting non-spiritual, egocentric tendencies. These findings allow us to consider spiritual-moral qualities (related to a spiritual altruistic orientation) and empathy (disclosed as ‘decentration’, ‘empathic feeling’ and ‘empathic care’) as components of higher moral capacities.

Key words: higher moral capacities, spiritual personality, spiritual-moral qualities, spiritual altruistic orientation, empathy

References

- Ahmad, A. (2015). Exploring the relationship between spiritual personality and emotional empathy among medical and Unani students. *The International Journal of Indian Psychology*, 2(3), 152–169. <https://doi.org/10.25215/0203.090>
- Apresyan, R.G. (2005). Ponyatie “nadlezhashchee” v “Teorii nraavstvennykh chuvstv” Adama Smita. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik – 2005* (pp. 88–107). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Apresyan, R.G. (2006). Ob otnositel'nosti absolyutnogo i otnositel'nogo v morali. *The HESP Regional Seminar for Excellence in Teaching*. (In Russ.) Retrieved June 10, 2020, from <https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school3/materials/apressyan1.html>
- Barrett, L.F., & Bliss-Moreau, E. (2009). She’s emotional. He’s having a bad day: Attributional explanations for emotion stereotypes. *Emotion*, 9(9), 649–658. <https://doi.org/10.1037/a0016821>
- Batson, C.D., Ahmad, N., & Stocks, E.L. (2004). Benefits and liabilities of empathy induced altruism. In A.G. Miller (Ed.), *The Social Psychology of Good and Evil* (pp. 359–385). New York, NY: Guilford Press.
- Batson, C.D., Fultz, J., & Schoenrade, P.A. (1987). Distress and empathy: Two qualitatively distinct vicarious emotions with different motivational consequences. *Journal of Personality*, 55(1), 19–40. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1987.tb00426.x>
- Batson, C.D., Lishner, D.A., & Stocks, E.L. (2015). The Empathy – Altruism hypothesis. In D.A. Schroeder, & W.G. Graziano (Eds.), *Oxford library of psychology. The Oxford handbook of prosocial behavior* (pp. 259–281). UK: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195399813.013.023>
- Batson, Ch.D., Batson, J.G., Griffitt, C.A., Barrientos, S., Brandt, J.R., Sprengelmeyer, P., & Bayly, M.J. (1989). Negative-state relief and the empathy – altruism hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56(6), 922–933.
- Ben-Ze’ev, A. (1997). Emotions and morality. *Journal of Value Inquiry*, 31(1), 195–212.
- Blum, L.A. (1980). *Friendship, altruism, and morality*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Bradley, M.M., Codispoti, M., Sabatinelli, D., & Lang, P.J. (2001). Emotion and motivation II: Sex differences in picture processing. *Emotion*, 1(3), 300–319.
- Budagovskaja, N.A., Dubrovskaja, S.V., & Karjagina, T.D. (2013). Adaptation of multi-factor questionnaire *Empathy* by M. Davis. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 1(1), 202–227.
- Cheng, Y., Chen, C.Y., Lin, C.P., Chou, K.H., & Decety, J. (2010). Love hurts: An fMRI study. *Neuroimage*, 51(1), 923–929.
- Davis, M.H. (1983). Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(1), 113–126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>
- Davis, M.H. (1996). *Empathy: A social psychological approach*. Boulder, CO: Westview Press.
- Decety, J., & Cowell, J.M. (2014). Friends or foes: Is empathy necessary for moral behavior? *Perspectives on Psychological Science*, 9(4), 525–537. <https://doi.org/10.1177/1745691614545130>
- Eisenberg, N., & Miller, P.A. (1987). The Relation of Empathy to Prosocial and Related Behaviors. *Psychological Bulletin*, 101(1), 91–119. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.101.1.91>

- Gilligan, K. (1992). Inym golosom: Psikhologicheskaya teoriya i razvitie zhenshchin. In A.A. Guseinov (Ed.), *Eticheskaya mys'l': Nauchno-publitsisticheskie chteniya – 1991*. Moscow: Respublik Publ. (In Russ.).
- Graham, J., Haidt, J., Koleva, S., Motyl, M., Iyer, R., Wojcik, S., & Ditto, P.H. (2013). Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. *Advances in Experimental Social Psychology*, (47), 55–130. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4>
- Guseinov, A.A. (2003). Ob idee absolyutnoi morali. *Voprosy Filosofii*, (3), 3–12.
- Haidt, J. (2007). The New Synthesis in Moral Psychology. *Science*, 316(5827), 998–1002. <https://doi.org/10.1126/science.1137651>
- Haidt, J., & Kesebir, S. (2010). Morality. In S. Fiske, D. Gilbert, & G. Lindzey (Eds), *Handbook of Social Psychology* (pp. 797–832). NJ: Wiley.
- Hoffman M.L. (2000). *Empathy and moral development: Implications for caring and justice*. New York: Cambridge University Press.
- Hoffman, M.L. (1975). Developmental synthesis of affect and cognition and its implications for altruistic motivation. *Developmental Psychology*, (11), 607–622.
- Hoffman, M.L. (1991). Is empathy altruistic? *Psychological Inquiry*, (2), 131–133.
- Huber, J.T., & MacDonald, D.A. (2012). An Investigation of the Relations Between Altruism, Empathy, and Spirituality. *Journal of Humanistic Psychology*, 52(2), 206–221. <https://doi.org/10.1177/0022167811399442>
- Ichalovskaya, E.A. (1999). *Razvitie empaticheskikh sposobnostei pedagogov, rabotayushchikh s tvorcheskimi odarennymi uchashchimisya*. Ph.D. in Psychology Thesis Abstract. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University.
- Karyagina, T.D., & Kukhtova, N.V. (2016). M. Davis Empathy Test: Content validity and adaptation in cross-cultural context. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24(4), 33–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp20162404003>
- Koenig, L.B., McGue, M., Krueger, R.F., & Bouchard, T.J. (2007). Religiousness, antisocial behavior, and altruism: Genetic and environmental mediation. *Journal of Personality*, (75), 265–290.
- Kukhtova, N.V. (2011). Adaptatsiya metodiki “Mezhlichnostnyi indeks reaktivnosti” (M. Devis). *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly*, 11(2), 211–218. (In Russ.)
- Lucas, R.E., & Gohm, C.L. (2000). Age and sex differences in subjective well-being across cultures. In E. Diener, & E.M. Suh (Ed.), *Culture and subjective well-being* (pp. 291–318). Cambridge, MA: MIT Press.
- Mahoney, M.L. (2006). *The prediction of moral reasoning: The role of empathy and emotional regulation*: Ph.D. in Psychology Thesis. Loma Linda University.
- McKay, R., & Whitehouse, H. (2015). Religion and Morality. *Psychological Bulletin*, 141(2), 447–473. <https://doi.org/10.1037/a0038455>
- Metodika diagnostiki samoootsenki motivatsii odobreniya (Shkala lzhi) D. Marlou i D. Krauna. (2001). In D.Ya. Raigorodskii (Ed.), *Prakticheskaya Psikhodiagnostika* (pp. 635–636). Samara: Bakhrakh Publ. (In Russ.)
- Minullina, A.F., & Murtazina, E.I. (2014). Investigation of characteristics of emotional intelligence and tolerance to uncertainty indicators of men and women. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, (4), 125–130. (In Russ.)
- Ozhiganova, G.V. (2016). *Dukhovnye sposobnosti kak resurs zhiznedeyatel'nosti*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Ozhiganova, G.V. (2019). Adaptation of spiritual personality inventory on the Russian sample. *Experimental Psychology (Russia)*, 12(4), 160–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120413>
- Peterson, C., & Seligman, M.E.P. (2004). *Character strengths and virtues: A handbook and classification*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Rend, A. (2012). *Dobrodetel' egoizma*. Moscow: Al'pina Publ. (In Russ.)
- Rid, T. (2000). *Issledovanie chelovecheskogo uma na printsipakh zdravogo smysla*. Saint Petersburg: Aleteiya Publ. (In Russ.)

- Seligman, M. (2017). *Authentic happiness: Using the new positive psychology to realise your potential for lasting fulfilment*. Boston, MA, Nicholas Brealey Publishing.
- Shadrikov, V.D. (1998). *Dukhovnye sposobnosti*. Moscow: Magistr Publ. (In Russ.)
- Shadrikov, V.D. (2020). *Dukhovnye sposobnosti*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Slote, M. (2007). *The ethics of care and empathy*. New York: Routledge.
- Smit, A. (1997). *Teoriya npravstvennykh chuvstv*. Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)
- Stewart, C., Lawrence, S., & Burg, M.A. (2019). Exploring the Relationship of personality characteristics and spirituality to empathy: Does spirituality add to our understanding? *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*, 38(1), 3–20.
- Stiff J., Dillard J.P., Somera L., Kim H. (1988). Empathy, Communication, and Prosocial Behavior. *Communication Monographs*, 55(2), 198–213. <https://doi.org/10.1080/03637758809376166>
- Young, J.S., Cashwell, C.S., & Woolington, V.J. (1998). The relationship of spirituality to cognitive development and purpose in life: An exploratory investigation. *Counseling and Values*, (43), 63–69.

Article history:

Received: 12 July 2020

Revised: 27 September 2020

Accepted: 15 October 2020

For citation:

Ozhiganova, G.V. (2020). Personal Spiritual-Moral Qualities and Empathy as Components of Higher Moral Capacities: Verification of the Relationship based on a Russian Sample. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 637–655. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-637-655>

Bio note:

Galina V. Ozhiganova, PhD in Psychology, is senior researcher at the Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources named after V.N. Druzhinin of Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: symposium2016@rambler.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-656-670

UDC 159.9

Review article

Selection of Educational Routes by High School and College Graduates: A Positive Psychology Approach

Dmitry V. Lubovsky

Psychological Institute of the Russian Academy of Education
9 Mokhovaya St, bldg 4, Moscow, 119019, Russian Federation

Abstract. Utilizing both perspectives from modern positive psychology and common, conventional theories, this article examines how graduates of high schools and colleges choose individual educational routes (IER). The significance of the issue of choosing IERs is discussed; additionally, the current state of research in this area is described. Methodological difficulties were revealed in the study of the choice of IERs by graduates of high schools and colleges and in the practice of psychological and pedagogical support for choice. Major contradictions and unresolved problems were identified in the theory and practice of psychological and pedagogical support for graduates of high schools and colleges in choosing their IERs. The most important data and findings on the choice of IERs made by modern high school and college students are presented, contradictions in the available data are revealed, and the specific features in disabled students' choosing IERs are described. In addition, an analysis of the main approaches to studies of students' choice of IERs (sociological, subjective and based on positive psychology) was conducted. Furthermore, the importance of positive psychology for solving existing problems in research and in the practice of psychological and pedagogical support for graduates of high schools and colleges in choosing IERs was described. The article provides a brief overview of recent positive psychology research on the choice of educational routes, and outlines the prospects for its application in solving urgent research and practical problems related to psychological and pedagogical support for students' choice of IERs.

Key words: individual educational route, choice, graduates of schools and colleges, motivation for choice, educational self-identification, positive psychology, cultural-historical theory, activity approach, self-determination, psychological and pedagogical support

Introduction

The problem of choosing individual educational routes (IER) by graduates of high schools and colleges invariably remains one of the most pressing problems of modern practical psychology of education. Due to the rapid dynamics of the labor market in the modern world, one of the most important soft skills is an independent and justified choice of a person's route in education. An outstanding philologist

---

© Lubovsky D.V., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and historian, M.L. Gasparov noted: “The family should make sure that a person meets the requirements of society, as they were 20 years ago, compliance with the requirements of today is brought up by the street, and the school is responsible for the requirements, which will be in 20 years. Now the school is doing its job worst of all” (Gasparov, 2001. P. 35). It is obvious that the school will do its job better if it forms the intrinsic foundations of the graduates for a conscious, responsible and adequate choice of their educational routes. It is no coincidence that in the Federal State Educational Standard of Basic General Education (FSES BGE), the most important personal educational results include “the formation of a responsible attitude towards learning, the readiness and ability of students for self-development and self-education based on motivation for learning and cognition, conscious choice and building further individual educational trajectory based on orientation in the world of professions and professional preferences, taking into account sustainable cognitive interests” (FSES BGE).

Choosing IERs by students of high schools and colleges becomes a necessity long before they graduate their educational institutions. The student’s agency as a personal prerequisite for choosing IERs is formed in the course of elementary education (Davydov et al., 1992). Specialized training in the senior classes is of great importance for the subsequent choice of individual educational routes. N.S. Pryazhnikov (2008) notes that it is appropriate to begin developing the prerequisites for choosing IERs at the stage of specialized training. At the same time, many of the previously established practices of developing the prerequisites for choosing IERs no longer meet the realities of our time. One of the reasons for this is that “...not only the role of professional self-determination has changed, but also educational and career trajectories, and, consequently, its periodization” (Antonova, 2016. P. 30). Moreover, for graduates of high schools and colleges, the difficulty lies in the low level of readiness to choose IERs – as research data show, only 23% of them are willing to make a self-determined choice (Leontyev, Sulimina, 2015; Leontyev et al., 2017). The relevance of our research is determined by its focus on solving this problem.

In our opinion, there are significant methodological difficulties in researching the prerequisites for the choice of IERs by graduates of high schools. In modern Russian education, there is a developed practice of designing IERs for schoolchildren (Nikodimova, Grebnev, 2013; Tryapitsyna, 1998; Rezapkina, 2013; Chebotarev, 2020). A number of guidance papers include the understanding of an individual educational route formulated by A.P. Tryapitsyna as a purposefully designed variable educational program that provides students with the position of “the subjects in choosing, designing and implementing the educational program when teachers organize pedagogical support for their self-determination” (Tryapitsyna, 1998. P. 22). However, school and college graduates need not design but assistance in developing internal prerequisites for a self-determined choice of IERs, which is much more difficult in practice. This explains, as noted by some authors, the inertia of the approach to psychological and pedagogical support of educational and professional self-determination in the tradition of F. Parsons. The approach created by him correlates individual and personal qualities and the factors for achieving the greatest success in the future profession. According

to our assumption, the practice of psychological and pedagogical support for the choice of IERs needs an adequate theoretical and methodological basis that will help teachers and educational psychologists reflect on the existing practices and master those that are really necessary to assist graduates in choosing IERs. The scientific novelty of this work is determined by the substantiation of a holistic theoretical approach to solving theoretical and practical problems related to choosing IERs by graduates of schools and colleges. The aim of the study is to analyze the theoretical foundations of psychological and pedagogical support for graduates of schools and colleges in choosing their IERs. The objectives of this work are the analysis of studies on the choice of IERs by students, the analysis of theoretical and methodological approaches to the study on the choice of IERs and the choice of a theoretical and methodological approach that makes it possible to solve the identified problems.

Specifics of the Choice of Educational Routes by Modern High School Students and College Students

The situation when high school and college graduates choose their IERs is complicated by the fact that in modern society there is an obvious contradiction between the orientation of graduates and their parental families towards higher education and the absence of the state need “for a large number of workers with higher education, which is associated with the socio-economic characteristics of the post-industrial society” (Andreyeva, 2018. P. 85). At the same time, the choice of IERs by school students is rapidly changing due to the fact that an increasing number of school graduates are choosing to enter vocational schools (Konstantinovskiy, 2019; Konstantinovskiy, Popova, 2016, 2020; Nikitin, 2020).

The development of the prerequisites for graduates to choose IERs is inseparable from the psychological and pedagogical support for vocational self-determination and guidance work. Meanwhile, vocational guidance work in high schools is characterized by routine and low level of motivation of those who conduct it (Antonova, 2016; Rezapkina, 2013). The monitoring data on the quality of vocational guidance work in general educational institutions of the Republic of Mordovia, which revealed low motivation of educational workers conducting vocational guidance in schools of the republic, are quite characteristic (Antonova, 2016). Data from other studies show that “...only 27% of schools and organizations of additional education approach this area of activity not formally, using only diagnostic and educational forms of work with children and parents, but on an individually oriented basis, taking into account the resources and capabilities of each student and building an individual educational route of vocational determination” (Kiseleva et al., 2017. P. 125).

There are many reasons for this situation. Firstly, the idea of individualization of education and free self-determination of students has not yet received sustainable development in modern Russian education, since “...even at the senior level, traditional education in a linear format ‘reigns’ in schools” (Golovey et al., 2015. P. 48). The low efficiency of work on promoting the choice of IERs is due to a misunderstanding of the fact that in modern conditions the priority is to develop a self-determined and independent personality, while “at the early stages of

vocational guidance in domestic psychological research, emphasis was placed on the linear development of an individual's career in a certain once chosen profession" (Khaimovskaya, Bocharova, 2016. P. 107). Secondly, students of general education schools do not have a culture of choosing educational routes (Leontyev et al., 2015), and the problem of choice arises "...due to the lack of a system for teaching skills in designing their life and professional path in modern market conditions" (Redina, 2019. P. 47).

Numerous studies focused on the problem of graduates' choosing IERs add up to an ambiguous picture. Sociological studies show that there is a restructuring of youth employment, due to which, where they were previously mainly employed, their number has sharply decreased (Konstantinovsky, Popova, 2020), and this could not but affect the choice of IERS by graduates of high schools and colleges. The factors influencing this choice also change. On the one hand, in modern culture, which is prefigurative according to M. Mead, parents lose their role in developing the prerequisites for their children to choose IERs (Andreyeva, 2018). Other studies show that parents play an important role in developing the prerequisites for this choice by enabling their children to continue their education and preventing them from interrupting it (Bochaver et al., 2018). For school and college graduates, modern media serve as reference sources of information on which their choice of IERs is based.

The picture of choosing IERs by college graduates is even more controversial. Many studies show that graduates of basic school often choose college education as an easier way to enter universities (Aleksandrov et al., 2015), while the choice of such an education was most influenced by the interest in the profession (45.8%), the desire to receive an education (33.9%), the opinion of parents (26%) and the influence of the media (21.9%). The least influential were the desire to study 'for the team', educational exhibitions, additional classes, and the opinion of teachers and friends" (Golovey et al., 2015. P. 143). According to the same authors, the choice of IERs was rated as serious by 30.6% of the study participants, at the average level by 54.3%, and as not serious by only 15.1%. Sociological research data also show that the choice of IERs by college graduates seems the most self-determined, since most of all "...those who graduate from vocational schools (74.1%) are confident in the correctness of their choice of profession, students of vocational schools are less confident (65.5%), and university students are the least confident (57.8%)" (Konstantinovsky, Popova, 2016. P. 545). At the same time, Ya. Kuzminov (2017) notes that the problems of colleges that affect the graduates' choice of IERs are the low prestige of performing work, the academic failure of those who enter there, the lack of earning opportunities in the process of studying technology and the backwardness of colleges from the real sector in terms of technical equipment. Obviously, it is necessary to conduct research on the choice of IERs in two groups of college graduates (those who chose them as an easy way to enter a university and those who entered there because of low academic success) as well as to develop programs of psychological and pedagogical support for students based on the data obtained.

Several studies of the motives guided by which school and college graduates who entered universities chose their IERs indicate a number of problems in this

regard (see, for example, Krushelnitskaya et al., 2019). In general, two clusters of motives were identified, namely: (1) “Self-realization – autonomy” and (2) “Socialization – well-being”. But the motive of professionalism is not associated with the first cluster and “...is extremely weakly associated with the cluster of socialization” (Krushelnitskaya et al., 2019. P. 51), however, it is associated with the motive of material well-being by a highly significant negative correlation. It will be reasonable to assume that professionalism and material well-being are opposites in motivating the choice of IOM: this point requires additional research.

A different motivation for choosing IERs is typical of students with disabilities. Their choice is most motivated by their interest in the profession (rated at 62.2), while “the motive associated with the income brought by the profession has a rating of 21.1, the motives related to career prospects and ease of acquiring a profession are rated at 18.9, and the motive of the popularity and prestige of the profession is rated at 17.8” (Kantor et al., 2018. P. 42), whereas family traditions as the motives for choosing IERs “...turn out to be outsiders with a rating of 11.1 and 4.4, respectively” (Kantor et al., 2018. P. 43). At the same time, the main role in the information support for the choice is played by the student’s reference environment (most of all on the part of the parental family, somewhat less on the part of friends and teachers); social networks and electronic media are much less important. Thus, students with disabilities are characterized by reliance on their families to obtain credible information but not to support their self-determined choice. These data are quite consistent with the results of studies conducted by L.A. Aleksandrova and D.A. Leontyev, according to which the personal resources of students with disabilities are characterized by “...significant negative relationships with coping strategies such as the search for instrumental and emotional social support” (Aleksandrova, Leontyev, 2016). In general, the data of numerous studies, which constitute a complex and sometimes contradictory picture, need to be comprehended on an adequate theoretical and methodological basis, which is also necessary for planning further research and developing programs of psychological and pedagogical support for the students’ choice of IERs.

Basic Approaches to the Problem of Students’ Choosing IERs

Several approaches can be distinguished in studies on the students’ choice of IERs. The sociological approach is presented by the research of D.L. Konstantinovskiy and some other authors (Aleksandrov et al., 2015; Yashina et al., 2018; Kantor et al., 2018; Krushelnitskaya et al., 2019). Studies within the framework of the sociological approach are important as data sources, but for the design of psychological and pedagogical support for students to choose IERs, an adequate theoretical and methodological basis is needed. However, an analysis of the practices of such support shows that they often lack such a basis.

Numerous original developments on designing IERs, created in educational organizations, present an approach that can be called a design approach. The design object covers IERs not only for high school students but also for college students. An analysis of these works shows that they are based on the assumption that vocational guidance in the existing forms creates conditions for the independent choice of IERs by school graduates thanks to the available psychological and pedagogical

cal means. Such works often do not have a clear theoretical basis, or it is mentioned in the most general form and rather declaratively. This also applies to developments in the field of “educational transfer” (Chekaleva et al., 2018). There are many publications where the students’ choice of IERs is interpreted on the basis of everyday concepts (Badaev, 2019; Chebotarev, 2020). Non-linear didactics can be used as a methodological basis in order to design IERs for children and adolescents continuing their education in school. However, it is not entirely acceptable to assist graduates in choosing their IERs.

M.A. Kunash, in her study, analyzed the traditional conditions for the development of the prerequisites for choosing IERs by students and rightly identified their restrictions, namely: (1) these restrictions imply the motivation to choose and the student’s readiness to make a choice; (2) they are aimed at developing individual characteristics that contribute to the choice of IERs but not the whole system; (3) least of all they are focused on the development of cognitive competence as a basic characteristic; and (4) in relation to learning “...are additional, despite the fact that, psychologically, the structures of self-awareness are in the indissoluble unity of the three sides: cognitive, emotional and regulatory ones, the integral indicator of which is the self-image” (Kunash, 2011. P. 111). Moreover, according to M.A. Kunash, the traditional educational process is individualized declaratively. These restrictions, in fact, are implicit conditions for the choice of IERs by high school and college graduates.

This situation is fully explained by the words of V.P. Zinchenko: “We have forgotten that a school or university must first of all give students a start in life, and only then help them become soldiers, workers, scientists, patriots, etc.” (quoted in: Rezapkina, 2013. P. 3). In this situation, information resources that guide students in the world of professions and the possibilities of choosing educational trajectories do not correspond to the needs of modern graduates of high schools. For example, information resources for those who choose the profession of a teacher imply “(1) the prevalence of informational mechanisms of career guidance, (2) an excessive emphasis on labor market instability (although this problem is insignificant for the teaching profession), (3) the orientation of high school students towards education in general, but not on the professional values of this community; and (4) an attempt to apply a foreign model based on the search for a suitable sphere of work for the optant’s interests and value orientations, instead of the traditional domestic idea that abilities and values are developed in activity” (Krylova, 2015. P. 196).

An analysis of vocational guidance work as an aid to graduates when they choose IERs shows that it does not sufficiently take into account the modern cultural and historical conditions in which repeated educational and professional self-determination is becoming the norm (Nikodimova, Grebnev, 2013). In the context of the “digital divide” between students and teachers (Koroleva, 2015), the competence of teachers in using information resources to assist graduates in choosing IERs turns out to be insufficient. In these conditions, it is necessary to revise both the practical and theoretical foundations of work intended to enable graduates to choose IERs.

As a theoretical basis, it is possible to use the subject-centered approach created by S.L. Rubinstein, K.A. Abulkhanova-Slavskaya, A.V. Brushlinsky and currently

being developed by V.V. Znakov, E.A. Sergienko and others. A positive aspect of such developments is their focus on the students' motivation to make a choice in the form of an educational request. According to the continual-genetic principle (Sergienko, 2011), a high school student or a college student at a level appropriate for their age are subjects (like any person at every stage of ontogenesis). However, their social situation of development is characterized by the fact that they are still being developed in learning by other people (teachers, mentors), and the need for self-development has not yet arisen before them in full. To study the grounds for them to choose IERs, self-determination diagnostic techniques are needed, which are developed in the context of positive psychology.

Positive psychology itself is mentioned among the theoretical foundations of the practice of educational self-determination, but its content is often reduced to the need to form a positive image of the future or, as D.A. Leontyev justly remarked, to positive emotions. At the heart of this misunderstanding is either insufficient knowledge of positive psychology or the preconceived negative attitude that occurs in the professional environment towards it as "alien" to the domestic cultural and historical background. However, in relation to the problem of our research, its most important is in the possibilities of researching the self-determination to choose individual educational routes. Representatives of the Russian school of positive psychology (D.A. Leontyev, T.O. Gordeeva, E.N. Osin, E.I. Rasskazova and others) successfully synthesize its principles with the provisions of cultural-historical theory and the activity approach. The analysis of research carried out in the mainstream of positive psychology shows that it is precisely this discipline that can become not only a theoretical and methodological background for working with students to develop the prerequisites for choosing IERs but also the basis of psychological support for the educational self-determination of high school and college students.

Modern Positive Psychology in Studies on the Choice of Educational Routes

In the last decade, positive educational psychology has gained acceptance in the West, based on the notion that skills that increase resilience, positive emotions, engagement and meaningfulness can be transferred to school students in learning (Hoy, Tarter, 2011; Seligman et al., 2009). It is appropriate to correlate self-identification, including in education, with personal self-determination (Lvova, 2014). One of the origins of the positive psychology of education was A. Bandura's ideas about self-efficacy, according to which people's belief in their effectiveness affects their goals and aspirations, how well people and organizations motivate themselves, as well as their resilience in the face of difficulties and adversity (Bandura, 2006). Persistence in achieving educational goals is viewed by M. Seligman as the result of positive education (Seligman et al., 2009). Self-efficacy and persistence, which is often interpreted as assertiveness, are important prerequisites for the implementation of IERs chosen by school and college graduates.

Positive psychology opens up great prospects for researching the prerequisites for a self-determined choice of individual educational routes. Studies of the engagement of school students in learning has become an important area of

positive educational psychology. This engagement is an important prerequisite for the development of internal conditions for the choice of IERs by students. The study of the involvement of school students in learning is most often based on M. Csikszentmihalyi's concept of 'flow'. Russian researchers study the phenomenon of involvement primarily on the higher education students' sample (Litvinova, Kiseleva, 2016). Other researchers emphasize that involvement is a condition for the development of prerequisites for students' self-determined choice of IERs (Vodyakha S., Vodyakha Yu., 2015). However, it is obvious that studies on the involvement of students in schools and colleges in educational activities are scarce.

Positive psychology also opens up opportunities for studying vocational self-determination of students. Studies conducted by D.A. Leontyev, E.Yu. Ovchinnikova, E.I. Rasskazova and A.Kh. Fam (2015) have convincingly shown that a positive psychology approach to future choice research opens up significant opportunities for practice. These scientists scrupulously researched the role of personal potential when high school students choose their individual educational routes. It was also shown that the "LifeLine" program, interpreted in the mainstream of positive psychology, can become an effective tool for developing the ability to construct possible options for the future (Leontyev et al., 2015). It seems promising to apply the outlined approach to the development of the capacity of high school and college students for self-determination in education and, above all, for the self-determined choice of IERs.

The introduction of the principles of positive psychology into the system of continuing vocational education and the practical implementation of these principles in the program to support the continuous personal self-development are presented in the works of A.S. Ognev and his followers (Ognev, Gonchar, 2013; Ognev, Likhacheva, 2014). Under his leadership, the Course on Life Navigation was developed, aimed at developing an internal basis for students to choose IERs and continue their subsequent vocational education. One of the theoretical foundations of the course is the provisions of the PERMA concept proposed by M. Seligman. It is necessary to create similar educational programs or courses for school students based on the principles of positive psychology. In the practice of general education, such courses would not only help in choosing IERs but would also contribute to the achievement of other meta-subject and personal educational results.

Research into the autonomous motivation of learning is becoming an important area of positive educational psychology. Thus, T.O. Gordeeva in her works shows the role of autonomous motivation and the conditions for its promotion in developmental learning (Gordeeva et al., 2017, 2019). Previously, positive characteristics of the internal position of younger adolescents who study in conditions of developmental education were shown (Lubovsky, Stashina, 2017). The ratio between the types of motivation and the peculiarities of the internal position seem to be important factors in the development of students' self-determined choice of IERs.

Another area of theoretical research that opens up significant opportunities for practice is the synthesis of the provisions of positive and cultural-historical psychology. Thus, D.A. Leontyev and co-authors showed the substantive closeness of the views of L.S. Vygotsky to positive psychology (Leontyev et al., 2017). The similarity of the theory of personality created by L.I. Bozhovich and some pro-

visions of positive psychology was also highlighted (Lubovsky, 2018). This can be exemplified by the works of S.A. and Yu.E. Vodyakha (2015), who showed that the state of the flow when students are solving a problem is achievable if the solution is in their zone of proximal development. An example of a synthesis of positive and cultural-historical psychology can also be the work of V.K. Zaretsky (Zaretsky, Kholmogorova, 2017). V.K. Zaretsky convincingly shows that a “step in development” when students overcome learning difficulties also becomes a step in the development of self-determination, a transition to the dominance of internal motivation for learning activity and overcoming the students’ unfavorable ideas about their self-efficacy. The synthesis of the provisions of cultural-historical theory and positive psychology opens up prospects for studying the students’ choice of individual educational routes and the implementation of powerful theoretical potential in practice.

Choosing Educational Routes from the Standpoint of Positive Psychology: Research Prospects

Positive psychology abroad has long become one of the leading and most promising areas in the study of educational routes and the factors influencing them (Chirkov, 2009; Heffner, Antaramian, 2016; Lawson, Masyn, 2015; Ryan, Deci, 2020; Seligman, 2009, 2011; Wang et al., 2015). Domestic representatives of positive psychology synthesize its principles with the system of cultural-historical theory and activity approaches. At the intersection of the cultural-historical theory, activity approach and positive psychology, several theoretical problems should be worked out. These include the correlation between the ideas of a student as a subject of educational activity (Davydov et al., 1992) and the provisions of self-determination theory by E. Deci and R. Ryan. It is also necessary to correlate its provisions with the idea of a human being as a subject of self-development. Based on this theoretical synthesis, prospects for the study of internal grounds for choosing educational routes are opening up. D.A. Leontyev investigated the personal development trajectories (PDT) of modern girls and boys (Leontyev, Sulimina, 2015; Leontyev et al., 2017). Significant differences were found in the ratio of PDTs among students in schools, universities and vocational schools (Leontyev et al., 2017). It seems necessary to study how students with different PDTs choose educational routes for themselves. It also seems promising to conduct a historical and future-oriented study of the development of education, taking into account the cultural and historical dynamics of PDTs and the corresponding changes in the grounds for the high school students’ choice of IERs.

T.O. Gordeeva and co-authors rightly argue that “...the identification of types of external motivation by the parameter of autonomy is useful for describing the characteristic types of regulation of learning activity and understanding their mechanisms” (Gordeeva et al., 2019. P. 33). A prospect in this direction is the study of types of motives on the basis of the choice of IERs and the connection of the prevailing type of motivation with the meaningful characteristics of the choice. The use of positive psychology in studies on higher education will make it possible to understand new research data on educational outcomes, for example,

the relationship between awareness and openness as factors of the Big Five and student academic achievements (Berisha et al., 2018; Novikova, Vorobyeva, 2017).

One of the problems that the synthesis of the provisions of positive psychology and the activity approach can solve is the connection between the student engagement and the choice of educational routes. Thus, E.Yu. Litvinova and N.V. Kiseleva note that “the structure of college student engagement is characterized by the greatest number of both positive and negative connections between components, which are diffuse and chaotic... affected by external influences and moods” (Litvinova, Kiseleva, 2016. P. 12). Studies of the engagement and other characteristics of educational activities of college students would make it possible to predict the further educational route more accurately and to build a program of psychoprophylaxis of difficulties in educational activity and possible failures.

The theoretical synthesis of positive psychology, cultural-historical theory and activity approach makes it possible to explore the emotional and meaning context of the students’ choice of IERs. The relationship between psychological well-being and experiences in educational activity was shown (Leontyev, Suchkov, 2015). It seems promising to study the school students’ well-being in educational activities and choice of their educational routes. The studies of D.A. Leontyev and D.D. Suchkov show the relationship between setting and achieving goals with psychological well-being. It also seems promising to create psychoprophylactic programs in analogy with goal-setting trainings. At the same time, an important aspect of goal-setting is the self-consistency of goals (Sheldon et al., 2017); therefore, it is also promising to study IERs in the aspect of self-consistency of choice. Thus, numerous examples of modern research in the field of educational psychology show that the synthesis of the provisions of cultural-historical theory and positive psychology opens up prospects for studying the students’ choice of IERs and creating practices of psychological and pedagogical support that will help solve many problems that have accumulated in this area of practical educational psychology.

Conclusion

Thus, our analysis of studies on the choice of individual educational routes made by graduates of high schools and colleges shows that in this area of educational psychology there are a number of intractable problems associated, on the one hand, with stereotypes of psychological and pedagogical support for educational and professional self-determination and, on the other hand, with a gap between theoretical justification and practice. At the same time, the very practice of supporting the students’ choice of IERs and professional self-determination does not always have the necessary theoretical justification. The use of positive psychology in this area solves many problems, especially since the representatives of the Russian school of positive psychology successfully synthesize its provisions with the principles of cultural-historical theory and the activity approach. Thanks to the solution of theoretical problems (the ratio of the subject-centered approach, the cultural-historical approach to personality development (L.S. Vygotsky, L.I. Bozhovich), ideas about the student as a subject of educational activity and positive psychology), there appear prospects of updating the practice of psychological and pedagogical support for students in forecasting and choosing their educational

routes, assisting them in making an authentic choice, psychoprophylaxis of difficulties in educational activities (including learned helplessness). For example, programs for self-development and psychoprophylaxis of learning difficulties, based on the principles of the of self-determination theory and, at the same time, on ideas about a person's intrinsic position (L.I. Bozhovich), can become an effective means to support not only the choice of an individual educational route but also the positive personal development in general. If such programs were implemented, overcoming learning difficulties would be inseparable from the reflection of changes in the system of students' motives for learning activities and self-determination.

References

- Aleksandrov, D.A., Tenisheva, K.A., & Savelyeva, S.S. (2015). No-Risk Mobility: Through College to University. *Educational Studies Moscow*, (3), 66–91. (In Russ.) <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-3-66-9>
- Aleksandrova, L.A., & Leontyev, D.A. (2016). Ogranichennye vozmozhnosti zdorovya kak istochnik pozitivnogo razvitiya. In A.V. Makhnach, & L.G. Dikaya (Eds.), *Zhiznesposobnost cheloveka: Individualnye, professionalnye i sotsialnye aspekty* (pp. 676–691). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Andreyeva, A.D. (2018). Information Environment as a Factor of Social Situation in Development of a Modern Child. *Nauchny Dialog*, (3), 234–252. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-234-252>
- Antonova, M.V. (2016). Psychological and Educational Support in Professional Self-Determination in Students: Through the Lens of Professional Standard for Teachers. *Psychological Science and Education PSYEDU.ru*, 8(2), 29–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080204>
- Badaev, Yu.L. (2019). Ob osobennostyakh vybora obrazovatel'nogo marshruta zhelayushchimi poluchit vysshee obrazovanie v oblasti tekhnicheskikh i fiziko-matematicheskikh distsiplin. *Problemy Sovremennogo Obrazovaniya*, (3), 147–151.
- Bandura, A. (2006). Toward a psychology of human agency. *Perspectives on Psychological Science*, (1), 164–179. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2006.00011.x>
- Berisha, N.S., Novikov, A.L., Novikova, I.A., & Shlyakhta, D.A. (2018). Individual and Personal Factors for Successful Learning of a Foreign Language by Linguistics Students. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(1), 4–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-1-4-15>
- Bochaver, A.A., Verbilovich, O.E., Pavlenko, K.V., Polivanova, K.N., & Sivak, E.V. (2018). Children's Involvement in Supplementary Education: Monitoring and Value of Education on the Part of Parents. *Psychological Science and Education*, 23(4), 32–40. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230403>
- Chebotarev, A.A. (2020). Osobennosti organizatsii obucheniya po individualnym obrazovatel'nym marshrutam v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh. *Molodoy Ucheny*, 4(294), 328–329. (In Russ.) Retrieved October 11, 2020, from <https://moluch.ru/archive/294/66588/>
- Chekaleva, N.V., Makarova, N.S., Drobotenko, Yu.B., & Fetter, I.V. (2018). Pedagogical University-Supervised Chair in Schools as a Means for Educational Transfer. *Psychological Science and Education*, 23(5), 117–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2018230110>
- Chirkov, V. (2009). A cross-cultural analysis of autonomy in education: A self-determination theory perspective. *Theory and Research in Education*, 7(2), 253–262. <https://doi.org/10.1177/1477878509104330>
- Davydov, V.V., Slobodchikov, V.I., Tsukerman, G.A. (1992). Mladshy shkolnik kak subyekt uchebnoy deyatel'nosti. *Voprosy Psikhologii*, (3–4), 14–19. (In Russ.)

- Gasparov, M.L. (2001). *Zapisi i vypiski*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ.)
- Golovey, L.A., Manukyan, V.R., Rykman, L.V., et al. (2015). *Professionalnoe razvitie lichnosti: Nachalo puti: Empiricheskoe issledovanie*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)
- Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., & Lunkina, M.V. (2019). School Well-Being of Elementary School Children: Motivational and Educational Predictors. *Psychological Science and Education*, 24(3), 32–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2019240303>
- Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Gizhitsky, V.V., & Gavrichenkova, T.K. (2017). Intrinsic and Extrinsic Academic Motivation Scale for Schoolchildren. *Psychological Science and Education*, 22(2), 65–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2017220206>
- Heffner, A.L., & Antaramian, S.P. (2016). The Role of Life Satisfaction in Predicting Student Engagement and Achievement. *Journal of Happiness Studies*, 17, 1681–1701. <https://doi.org/10.1007/s10902-015-9665-1>
- Hoy, W.K., & Tarter, C.J. (2011). Positive Psychology and Educational Administration: An Optimistic Research Agenda. *Educational Administration Quarterly*, 47(3), 427–445. <https://doi.org/10.1177/0013161x1039693043>
- Hunter, J.P., & Csikszentmihalyi, M. (2003). The positive psychology of interested adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, (2), 27–35. <https://doi.org/10.1023/a:1021028306392>
- Institute for Strategic Studies in Education, Russian Academy of Education. (n.d.). Federal State Educational Standard of Basic General Education. *Federal State Educational Standards*. Moscow. (In Russ.) Retrieved October 12, 2020, from <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=959>
- Kantor, V.Z., Antropov, A.P., & Gdalina, T.G. (2018). Choice of Professional and Educational Route in High School Students with Disabilities: University Education in the Context of Motivation and Needs. *Psychological Science and Education*, 23(2) 42–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2018230205>
- Khaimovskaya, N.A., & Bocharova, A.L. (2016). Socio-psychological Aspects of Professional Identity in the Modern Society. *Psychological Science and Education PSYEDU.ru*, 8(1), 105–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080110>
- Kiseleva, O.A., Surikova, Yu.N., Sorokina, M.S., Smirnov, V.A., & Samokhvalova, A.G. (2017). Individualny obrazovatelny marshrut professionalnogo samoopredeleniya kak sredstvo professionalnoy orientatsii shkolnikov. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 23(5), 123–126. (In Russ.)
- Konstantinovskiy, D.L. (2019). Sovremennye vyzovy rynka truda i rossiyskaya molodezh. *Obrazovanie i Nauka v Rossii: Sostoyaniye i Potentsial Razvitiya*, (4), 272–281. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2019.6>
- Konstantinovskiy, D.L., & Popova, E.S. (2016). Obrazovanie i professiya v ozhidaniyakh molodezhi. In Yu.R. Vishnevskiy (Ed.), *Aktualnye problemy sotsiologii kultury, obrazovaniya, molodezhi i upravleniya: Conference Proceeding* (pp. 542–545). Ekaterinburg: Ural University Publ. (In Russ.)
- Konstantinovskiy, D.L., & Popova, E.S. (2020). Vocational vs Higher Education. *Mir Rossii*, 29(2), 6–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26>
- Koroleva, D.O. (2015). The use of social networks in education and socialization of adolescents: an analytical review of empirical studies (international experience). *Psychological Science and Education*, 20(1), 28–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2015200104>
- Krushelnitskaya, O.I., Poleyaya, M.V., & Tretyakova, A.N. (2019). Motivation to Higher Education and its Structure. *Psychological-Educational Studies*, 11(2), 43–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110205>
- Krylova, M.A. (2015). Professional orientation of high school students on pedagogical training areas. *Psychological Science and Education PSYEDU.ru*, 7(1), 190–198. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070118>

- Kunash, M.A. (2011). Pedagogicheskie usloviya realizatsii individualnykh obrazovatelnykh marshrutov starshikh podrostkov. *Chelovek i Obrazovanie*, 3(28), 109–113. (In Russ.)
- Kunash, M.A. (2012). Podkhody k klassifikatsii individualnykh obrazovatelnykh marshrutov shkolnikov. *Yaroslavsky Pedagogichesky Vestnik*, 2(3), 77–81. (In Russ.)
- Kuzminov, Ya. (2017). *Prodolzhat uchihsya v razocharovavshem yego vuze, student vpustuyu tratit samye produktivnye gody zhizni*. (In Russ.) Retrieved October 25, 2020, from <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/11/28/743297-studentov-uspeshnimi>
- Lawson, M.A., & Masy, K.E. (2015). Analyzing profiles, predictors, and consequences of student engagement dispositions. *Journal of School Psychology*, 53, 63–86.
- Leontyev, D.A., & Suchkov, D.D. (2015). Postanovka i dostizhenie tsey kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya. *Psikhologicheskie Issledovaniya (elektronny zhurnal)*, 8(6). (In Russ.) Retrieved December 10, 2020, from <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/300-leontiev44.html>
- Leontyev, D.A., & Sulimina, O.V. (2015). Traektorii lichnostnogo razvitiya pri perekhode ot detstva k vzroslosti i ikh dinamika v istoriko-kulturnom izmerenii. In *Gorizonty zrelosti: Conference Proceeding* (pp. 14–21). Moscow: MGPPU Publ. (In Russ.)
- Leontyev, D.A., Lebedeva, A.A., & Kostenko, V.Yu. (2017). Pathways of Personality Development: Following Lev Vygotsky's Guidelines. *Educational Studies Moscow*, (2), 98–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-98-112>
- Leontyev, D.A., Ovchinnikova, E.Yu., Rasskazova, E.I., & Fam, A.Kh. (2015). *Psikhologiya vybora*. Moscow: Smysl Publ.
- Litvinova, E.Y., & Kiseleva, N.V. (2016). Structural model of involvement of students in ongoing education. *Social Psychology and Society*, 7(3), 5–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2016070301>
- Lubovsky, D.V. (2018). Ponyatie vnutrenney pozitsii v rabotakh L.I. Bozhovich In G.V. Akopov, M.V. Yermolaeva, & D.V. Lubovsky (Eds.), *Nauchnoe nasledie L.I. Bozhovich i sovremennaya psikhologiya obrazovaniya: Conference Proceeding* (pp. 51–56). Moscow: MGPPU Publ. (In Russ.)
- Lubovsky, D.V., & Stashina, O.V. (2017). Osobennosti vnutrenney pozitsii uchashchegosya u mladshikh podrostkov v usloviyakh razvivayushchego obucheniya. *Grani Poznaniya*, (1), 12–19. (In Russ.)
- Lvova, S.V. (2014). Formirovanie professionalnogo samoopredeleniya studentov pedagogicheskogo vuza. *Sistemnaya Psikhologiya i Sotsiologiya*, 4(12), 28–36. (In Russ.)
- Nikitin, I. (2020). *Obrazovatelny marshrut posle 9-go klassa: Vybory prioritov*. (In Russ.) Retrieved October 12, 2020, from https://vogazeta.ru/articles/2020/7/24/quality_of_education/14029-obrazovatelnyy_marshrut_posle_9_go_klassa_vybor_prioritov
- Nikodimova, E.A., & Grebnev, D.A. (2013) *Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii proforientatsionnoy rabote s obuchayushchimisya, napravlennoy na povyshenie prestizha rabochikh professiy (v ramkakh edinoj informatsionno-obrazovatelnoy sredy)*. Vologda: Tsentr VIRO Publ. (In Russ.)
- Novikova, I.A., & Vorobyeva, A.A. (2017). Big Five Factors and academic achievement in Russian students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 93–106. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0409>
- Ognev, A.S., & Gonchar, S.N. (2013). Pozitivnaya psikhologiya v sisteme nepreryvnogo professionalnogo obrazovaniya (na primere kursa “Zhiznennaya navigatsiya”). *Nepreryvnoe Obrazovanie: XXI Vek*, 2(2), 85–90. <https://doi.org/10.15393/j5.art.2013.2088>
- Ognev, A.S., & Likhacheva, E.V. (2014). Implementation of Positive Subjectivity Genesis in Higher Education System. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 51–67. (In Russ.)
- Pryazhnikov, N.S. (2008). *Professionalnoe samoopredelenie: Teoriya i praktika*. Moscow, Akademiya Publ. (In Russ.)

- Redina, A.V. (2019). Problema professionalnogo samoopredeleniya uchashchikhsya sovremennoy shkoly v kontekste podgotovki k nepreryvnomu obrazovaniyu. *Colloquium-Journal*, (10–5), 47–50. (In Russ.)
- Rezapkina, G.V. (2013). *Kak pomoch detyam nayti svoyo mesto v zhizni. Strategii vospitatel'noy raboty v shkole: Nauchno-metodicheskie materialy*. Moscow: Federalny institut razvitiya obrazovaniya Publ. (In Russ.)
- Ryan, R.M., & Deci, E.L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*, 61, 101860. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2020.101860>
- Seligman, M.E.P. (2011). *Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being*. New York: Free Press.
- Seligman, M.E.P., et al. (2009). Positive education: Positive psychology and classroom interventions. *Oxford Review of Education*, 35(3), 293–311. <https://doi.org/10.1080/03054980902934563>
- Sergienko, E.A. (2011). Sistemno-subyektny podkhod: Obosnovanie i perspektiva. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 32(1), 120–132. (In Russ.)
- Sheldon, K.M., Osin, E.N., Gordeeva, T.O., Suchkov, D.D., & Sychev, O.A. (2017). Comprehensive Relative Autonomy Index. *PsycTESTS Dataset*. <https://doi.org/10.1037/t68389-000>
- Tryapitsyna, A.P. (Ed.). (1998). *Obrazovatel'naya programma – marshrut uchenika* (part 1). Saint Petersburg: UIPK Publ. (In Russ.)
- Vodyakha, S.A., & Vodyakha, Yu.E. (2015). Psikhologicheskoe blagopoluchie v obrazovatel'nom prostranstve. In *Psikhologicheskoe soprovozhdenie bezopasnosti obrazovatel'noy sredy shkoly v usloviyakh vnedreniya novykh obrazovatel'nykh i professional'nykh standartov: Conference Proceeding* (pp. 47–52). Moscow: MGPPU Publ. (In Russ.)
- Wang, M.-T., Willett, J.B., & Eccles, J.S. (2011). The assessment of school engagement: Examining dimensionality and measurement invariance by gender and race/ethnicity. *Journal of School Psychology*, 49, 465–480. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2011.04.001>
- White, M.A. (2016). Why won't it Stick? (2016). Positive Psychology and Positive Education. *Psychology of Well-Being*, 6(2). <https://doi.org/10.1186/s13612-016-0039-1>
- Yashina, M.N., Vlasova, A.A., & Belousov, K.Yu. (2018). Sotsialnye resursy sem'yi v obrazovatel'nykh organizatsiyakh raznykh tipov. *Nepreryvnoe Obrazovanie: XXI vek*, 21(1), 42–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j5.art.2018.3825>
- Zaretsky, V.K., & Kholmogorova, A.B. (2017). Pedagogical, Psychological and Psychotherapeutic Help in Overcoming Learning Difficulties to Facilitate Development. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 25(3), 33–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250303>

Article history:

Received: 15 September 2020

Revised: 29 October 2020

Accepted: 15 November 2020

For citation:

Lubovsky, D.V. (2020). Selection of Educational Routes by High School and College Graduates: A Positive Psychology Approach. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 656–670. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-656-670>

Bio note:

Dmitry V. Lubovsky, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is leading researcher at Laboratory of Scientific Foundations of Practical Child Psychology of Psychological Institute of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>; eLIBRARY SPIN-code: 7338-9016. E-mail: lubovsky@yandex.ru

Проблема выбора образовательного маршрута выпускниками средних школ и колледжей в контексте современной позитивной психологии

Д.В. Лубовский

Психологический институт Российской академии образования
Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4

Аннотация. В статье проанализирована проблема выбора индивидуального образовательного маршрута (ИОМ) выпускниками средних школ и колледжей в контексте наиболее распространенных теоретических подходов к ее исследованию и с позиций современной позитивной психологии. Показано значение проблемы выбора образовательного маршрута, изучено современное состояние исследований выбора ИОМ. Освещены методологические трудности в исследованиях выбора ИОМ выпускниками школ и колледжей и в практике психолого-педагогической поддержки выбора. Названы основные противоречия и нерешенные проблемы теории и практики психолого-педагогического сопровождения выбора ИОМ выпускниками средних школ и колледжей. Приведены основные данные исследований выбора образовательного маршрута современными старшеклассниками и студентами колледжей, обнаружены противоречия в имеющихся данных, продемонстрированы особенности выбора ИОМ обучающихся с ОВЗ. Рассмотрены основные подходы к исследованию выбора ИОМ обучающимися (социологический, субъектный, на основе позитивной психологии, определено значение позитивной психологии для решения существующих проблем в исследованиях и практике психолого-педагогического сопровождения выбора образовательного маршрута выпускниками средних школ и колледжей. Представлен краткий обзор современной позитивной психологии в исследованиях выбора образовательного маршрута, намечены перспективы ее применения в решении насущных научно-исследовательских и практических задач психолого-педагогического сопровождения выбора ИОМ выпускниками.

Ключевые слова: индивидуальный образовательный маршрут, выбор, выпускники школ и колледжей, мотивация выбора, образовательное самоопределение, позитивная психология, культурно-историческая теория, деятельностный подход, самодетерминация, психолого-педагогическое сопровождение

История статьи:

Поступила в редакцию: 15 сентября 2020 г.

Принята к печати: 15 ноября 2020 г.

Для цитирования:

Lubovsky D.V. Selection of Educational Routes by High School and College Graduates: A Positive Psychology Approach // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 656–670. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-656-670>

Сведения об авторе:

Лубовский Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории научных основ детской практической психологии Психологического института Российской академии образования (Москва, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>; eLIBRARY SPIN-код: 7338-9016. E-mail: lubovsky@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-671-684

UDC 159.9.072.43

Research article

Cognitive Factors of Life Satisfaction among the Russian Elderly

Elena V. Belovol¹, Zlata V. Boyko², Elena Yu. Shurupova³¹Moscow State Pedagogical University*1 Malaya Pirogovskaya St, bldg 1. Moscow, 119991, Russian Federation*²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)*6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*³Psychological-and-Pedagogical Centre for Children and Adolescents "Merry Steps"*16 Vadkovskii Lane, Moscow, 127055, Russian Federation*

Abstract. The overall aim of this article was to examine factors related to life satisfaction in old age. There are several approaches to understanding life satisfaction in psychology. Some theories that emphasize objective circumstances as most influential for life satisfaction are commonly labelled bottom-up theories, whereas theories that focus on stable individual characteristics are commonly labelled top-down theories. It is argued that certain personality traits, in particular extraversion and neuroticism, partly determine a person's satisfaction with life. At the same time, cognitive factors related to life satisfaction are rarely the subject of empirical research. In this study, age, social status (works, does not work, in retirement), type of family (nuclear or extended), and a number of indices of cognitive functioning (cognitive flexibility, memory – short-term and long-term, creativity and thinking) were used as predictor variables of life satisfaction. Ninety-seven respondents aged 50–84 participated in the research, which finds that, along with non-cognitive factors of life satisfaction, cognitive factors play great roles as well. Based on the data obtained, an empirical model of cognitive factors of life satisfaction was constructed. This research demonstrates that all cognitive variables examined (flexibility of thinking, long-term memory, short-term memory, thinking and creativity) make positive contributions to increasing satisfaction; notably the roles of long-term memory and creativity are especially salient. This study also found satisfaction is significantly higher among working older respondents when compared with their non-working colleagues, with the oldest employees the most satisfied. Family status is a factor related to life satisfaction in old age as well, since old people who live with a spouse are more satisfied than those who live in extended families with children and grandchildren. A regression model combined variables from top-down and bottom-up theories. The model includes memory and age as personal characteristics, and family type as a circumstantial predictor for life satisfaction in old age.

Key words: life satisfaction, old age, cognitive processes, top-down theories, bottom-up theories, predictors for life satisfaction, the Russian elderly

Introduction

Life satisfaction and the prospect to age well are important for everyone. In recent decades numerous empirical researches have been directed at clarifying the level of its stability across lifespan and at identifying of relevant its predictors as well.

© Belovol E.V., Boyko Z.V., Shurupova E.Yu., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The stability of life satisfaction. The earliest works on stability of life satisfaction find that old age is not necessarily associated with a decrease in the latter (Lawton, 1975; Neugarten et al., 1961). More recent work has shown that there are even some benefits that appear with age (Charles et al., 2001; Diener, Suh, 1997; Mroczek, Kolarz, 1998; An, Cooney, 2006; Freund, Baltes, 2002; Holahan et al., 2008).

The most extensive information was obtained in Gallup World Poll Life Satisfaction study. This study was conducted in 160 countries and covered 98% of the world's population. Results found that in rich English-speaking countries, the relationship between life satisfaction and age is U-shaped with a minimum at 45–54 years of age. However, this result is not universal. For example, no U-shaped pattern was found in the study conducted in England, Germany, and Australia (Stone et al., 2010). In Eastern Europe and Latin America, life satisfaction decreases with age, while in sub-Saharan Africa life satisfaction does not change with age (Step-toe et al., 2015).

The main theory that explains how life satisfaction can increase despite declining health and income is the theory of social and emotional selectivity (Carstensen et al., 2003). It is assumed that while aging, a person accumulates emotional wisdom which leads to the choice of more emotionally safe events, the establishment of emotionally neutral friendships. Thus, despite the death of loved ones, loss of social status associated with retirement, deterioration of health and reduced income, the level of life satisfaction remains and even increases among older people.

The decline in life satisfaction in middle age is explained by economic theory. Middle age is the period in a person's life when income, as a rule, reaches the maximum level. This is the best time to work and earn money even at the expense of own psychological well-being during this period. All this is done in order to have a higher level of well-being and well-being in later life (Step-toe et al., 2015).

Although the results of life satisfaction stability studies are sometimes ambivalent, in general they suggest that the older generation, even less healthy and, in general, less productive, may be more satisfied with their lives compared to middle-aged one.

Predictors of life satisfaction. The question why some people are more satisfied with their lives than others is connected with the other research branch – with the one which aims to study predictors of life satisfaction. There are two main types of theories about life satisfaction: top-down and bottom up.

Bottom-up theories state that life satisfaction is a result of satisfaction in the many domains of life. The underlying idea is that life satisfaction is equal to the sum of pleasant and unpleasant experiences and life circumstances' conditions (Campbell et al., 1976). Most studies use this approach.

Numerous studies have shown that cultural context can be a factor of life satisfaction (Diener, Suh, 2000; Kitayama, Markus, 2000; Uchida et al., 2004). For Hofstede (1980), in individualist cultures, one is regarded as separated from others, with personal goals taking priority over group goals. In collectivistic cultures, one is seen as connected to others, he/she is an integral part of a society in which group norms take priority over personal needs (Markus, Kitayama, 1991). Accordingly, life satisfaction in independent cultures is associated with high level of autonomy (Oishi, 2000) and personal achievements (Uchida, Kitayama, 2009),

with self-esteem (Diener E., Diener M., 1995; Diene, Suh, 2000), self-confidence and motivation (Kitayama, Markus, 2000). Social harmony (Kang et al., 2003; Uchida, Kitayama, 2009), close family ties (Oishi, Diener, 2001), and emotional support from significant others (Uchida et al., 2008) are the key to life satisfaction in collectivist cultures.

A number of other factors of life satisfaction in old age have been revealed. In Berg's study social network quality, self-rated overall health, sense of being in control of one's life, and depressive symptoms were significantly associated with life satisfaction in individuals 80+ (Berg et al., 2009).

The importance of satisfaction from relationships with the closest family (a spouse, children, grandchildren) has been shown as a predictor of life satisfaction for elderly in Poland (Kozerska, 2015). Health self-assessment as an important factor of life satisfaction has been revealed for elderly population in Sweden, Austria and Germany (Kutubaeva, 2019).

The primacy of health as the determinant of life satisfaction among the oldest-old in China has been shown in the Chinese Longitudinal Healthy Longevity Survey ($n = 6530$) (Ng et al., 2017).

The significance of health as a predictor of life satisfaction has been shown for Indian sample as well (Choudhary, 2013). The findings reveal that there is consistent relationship between life satisfaction and health. Health was revealed as a factor of life satisfaction in South Korea, but economic condition was the most influential factor (Jung, Mankyu, 2010). Summarizing the results of determinants of life satisfaction in old age, it can be stated that the list of variables under study is rather long (education, place of residence: city vs. town, regular physical activity, access to social security provisions, etc.) but good health, lack of money problems and social support are the strongest correlates of life satisfaction.

On the other hand, *top-down theories* state that person's overall life satisfaction influences his/her our life satisfaction in the many different domains (Eid, Diener, 2004; Heller et al., 2004). Such personal traits as extraversion and neuroticism determine the level of life satisfaction (Costa, McCrae, 1980). Psychological capital (optimism, resilience and self-efficacy) and positive attitude towards aging have been found to be positively associated with psychological capital (Pramanik, Biswal, 2020).

Preserved cognitive functioning is commonly considered an important part of life satisfaction in old age (Jones et al., 2003). At the same time it should be noted, however, that life satisfaction as a function of cognitive aging is rarely the subject of research in this subject area (Belovol et al., 2015).

Aging is an irreversible biological process that results in an inevitable decrease in effectiveness of cognitive functions. We often hear that older people complain about memory, attention, and draw attention to the fact that they are increasingly struggling to learn new skills. This fact, as a rule, is experienced by a person quite hard and results in a number of negative emotions. Awareness of the deficit of one's own cognitive functioning cannot but influence the degree of life satisfaction.

The objectives of the study were to find cognitive predictors of life satisfaction and to study the effect of different types of variables on life satisfaction among the Russian elderly.

Method

Sample. In total, the study involved 97 participants aged between 50 and 84 years. At the time of the study, 58% of them were employed and 42% were retired. Each age group included both employed and retired respondents.

Procedure. The participants were recruited on a voluntary basis, using snowball sampling methods. All the researchers were qualified psychologists (with at least a BA degree in psychology); they were instructed to invite people of different ages and social backgrounds to participate. To collect data, they visited the participants at their homes. The sessions lasted 1.5–2 hours including testing and breaks. Cognitive tests required concentration and vigilance, so they were administered within the first hour. It usually took 3–4 sessions to collect all the data. The participants were asked to complete the Life Satisfaction inventory as well. All the participants ($N = 97$) freely agreed to answer the questionnaires and tests, and gave informed consent.

Measures:

Life satisfaction. *The Life Satisfaction Index* (Neugarten et al., 1961) was used in a Russian-language adaptation (Panina, 1993). The original 20-item *Life Satisfaction Index-A* consists of statements related to life satisfaction in old age such as: “As I grow older, things seem better than I thought they would be” or “When I think back over my life, I didn’t get most of the important things I wanted”. A three-point Likert scale was used. The participants rated each statement from “agree” to “do not agree”. The sum of the scale ranged from 0 to 40, with higher scores indicating greater life satisfaction.

Predictor variables. To explain the features of life satisfaction, the following variables were used: *age*, *social status* (employed, unemployed, retired), *family type* (nuclear or extended), and a number of indices of *cognitive functioning*: *cognitive flexibility*, *memory* (*short-term and long-term*), *creativity* and *thinking*.

Age was presented in years (average = 64.1, standard deviation = 8.5). *Social status* reflected the fact whether a person was employed or retired. *Family type* concerned the characteristics of personal life: whether a respondent lived with a spouse in a nuclear family, or the parents lived together with their children, or sometimes even with their grandchildren. Some of the participants lived alone.

Cognitive flexibility, i.e. the ability to switch from one cognitive strategy to another, was studied using *The Stroop Color and Word Test*. The test can be used for individuals in a wide age range (from 15 to 90), it is easy to perform and is one of the standard tools for neuropsychological diagnostics: it is used to assess brain dysfunction, features of cognitive functioning and various types of psychopathologies.

Short-term memory was studied using a test developed by Japanese researchers to study the memory of elderly people; it consists of two almost identical pictures, which, however, differ in 10 features: the task is to identify these differences (Nishiguchi et al., 2014).

Long-term memory was assessed using *The Mini-Cog* technique. The technique includes a task for memorizing and reproducing three words with a masking stimulus between the presentation of words and their reproduction.

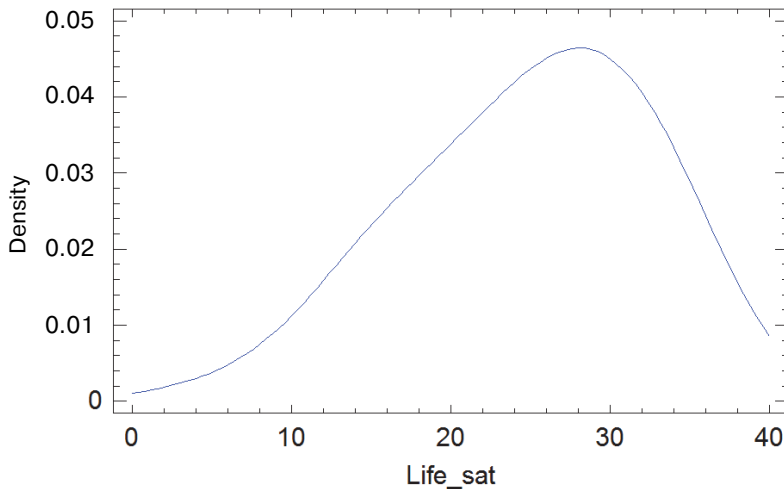
The Understanding of Metaphorical Meaning Test by B.V. Zeigarnik was used to study **thinking**. The method is aimed at identifying the respondent’s ability

to highlight the main idea in a phrase of a specific content, as well as to identify the differentiation and purposefulness of judgments.

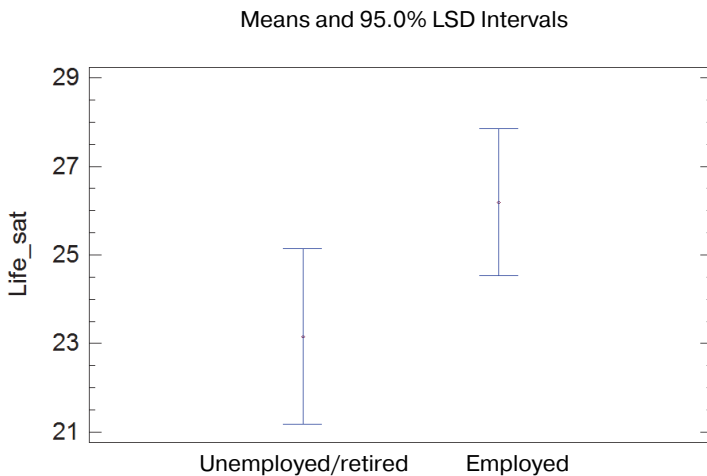
Creativity was studied by means of the “circles” subtest from *The Torrance Tests of Creative Thinking*.

Results

The above techniques allowed us to study the features of cognitive functioning and levels of life satisfaction in elderly. Figure 1 shows the density trace curve for life satisfaction indices.

Figure 1. Density trace

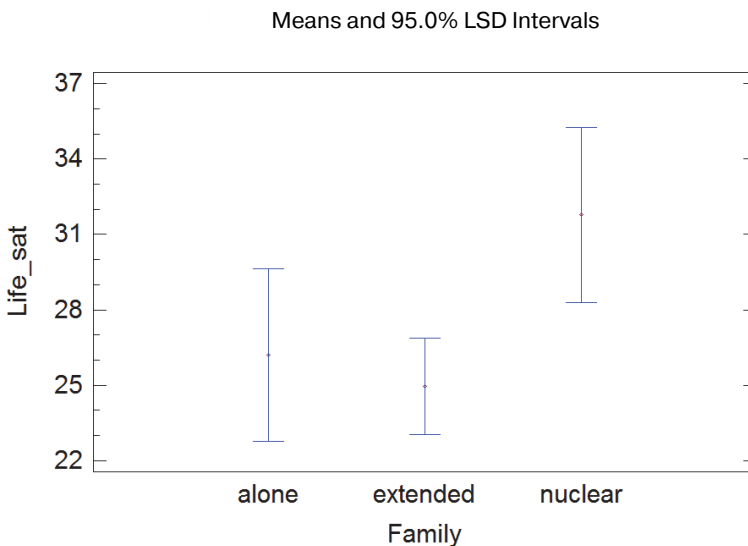
Figure 2. Comparative analysis of life satisfaction indices for elderly people with different social status

The median for satisfaction score is 27 points, which is higher than the average. In this case, it follows from Figure 1 that the distribution is biased towards higher indicators of life satisfaction. Thus, it should be noted that elderly people are satisfied with their lives.

As for the effect of age on life satisfaction, the correlation analysis did not reveal a significant relationship between age and satisfaction. This result is especially interesting, since there is a persistent stereotype in society that this indicator decreases with age. It turns out that regardless of age, people can be either satisfied with life or not.

To study features of life satisfaction of employed versus unemployed/retired persons, a comparative analysis was carried out using the Mann – Whitney test. The revealed differences are statistically significant ($W = 118.5, p\text{-value} \leq 0.05$). The results of the comparative analysis are graphically shown in Figure 2.

Family type is another significant factor of life satisfaction. People who live in nuclear family are more satisfied compared to their peers who live in extended families with their grown-un children or live alone. The results are graphically presented in Figure 3.

Figure 3. Comparative analysis of life satisfaction indices for elderly people from different type families

The higher level of life satisfaction among the elderly people who live with their spouses is confirmed by multiple range tests (Table 1).

Table 1

Multiple Range Tests for life satisfaction indices for elderly people from different type families

Contrast	Sig.	Difference	+/- Limits
Alone – extended		1.68944	5.40414
Alone – nuclear		-3.69643	6.47934
Extended – nuclear	*	-5.38587	5.13867

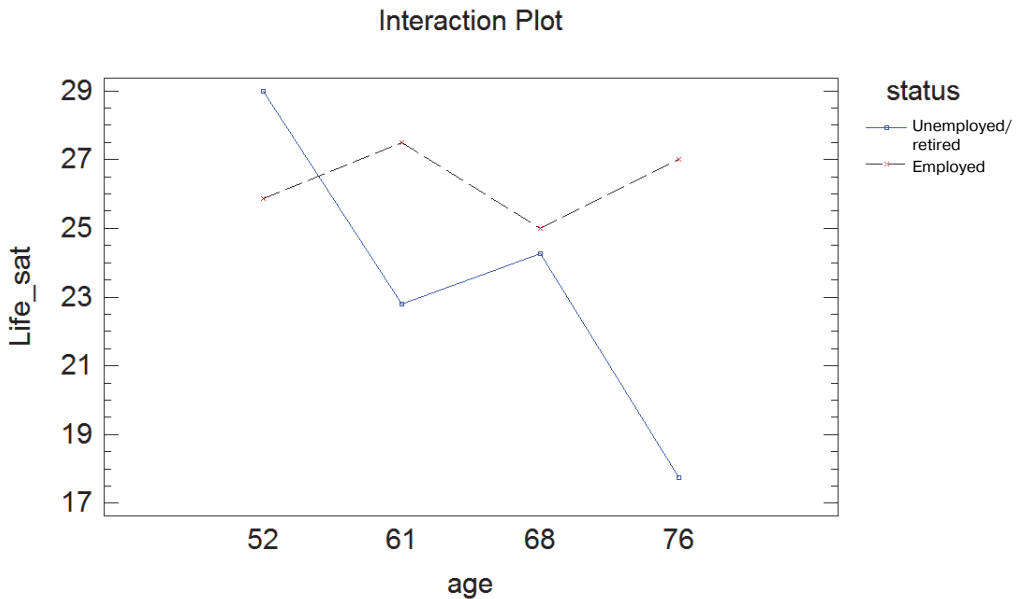
Note: * – denotes a statistically significant difference.

The difference between those who live alone and elderly people who live in extended families is statistically insignificant.

An analysis of variance was carried out to determine the effect of age factors and continuing labor activity on life satisfaction. The main effect was found

for the “employed – unemployed/retired” factor. At the same time, the second-order interaction between age and work factors was revealed.

The results of interaction are graphically shown in Figure 4.

Figure 4. Interaction plot for age and social status (employed – unemployed/retired) variables

It follows from Figure 4 that the dynamics of life satisfaction in the two groups is different. The elderly people who still work are significantly more satisfied with life compared to their unemployed/retired peers. At the same time, in this age group, the representatives of the older age group are the most satisfied (the curve on the graph increases for employed elderly respondents, whereas we can observe a sharp decline in satisfaction with age for their peers from the group of unemployed/retirees). It can be concluded that elderly employed people are completely satisfied with their lives. Their level of satisfaction is significantly higher than that of their unemployed/retired peers, and the most satisfied are the most senior employees. Thus, one of the ways to improve the psychological well-being of people in the “third age” is to organize and ensure their feasible labor activity.

Multiple regression analysis was used to clarify the **cognitive determinants of life satisfaction** (standardized beta coefficients are used in the model). Its results are presented below:

$$\text{Life satisfaction} = 0.0956785 * \text{cognitive flexibility} + 3.83159 * \text{long-term memory} + 0.63755 * \text{short-term memory} + 0.675925 * \text{thinking} + 1.40116 * \text{creativity}.$$

The resulting model can be considered quite satisfactory. The degree of its adequacy to empirical data is determined by the coefficient of determination. In this case, the coefficient of determination of the model (*R*-square) is almost equal to 90% (89.7462%). The high quality of the model is confirmed by the results of the analysis of variance (Table 2).

The data in Table 2 strongly suggest a statistically significant relationship between the variables in the model. Table 3 shows the standardized coefficients of the model.

Table 2

Analysis of Variance for Model of the cognitive determinants of life satisfaction among the Russian elderly

Source	Sum of Squares	Df	Mean Square	F-ratio	P-value
Model	26513.7	5	5302.75	61.27	0.0000
Residual	3029.27	35	86.5507		
Total (Corr.)	29543.0	40			

Table 3

Standardized coefficients (β) in the regression model of the cognitive determinants of life satisfaction among the Russian elderly

Parameter	Estimate	T-statistic	P-value
Cognitive flexibility	0.0956785	2.20141	0.0344*
Long-term memory	3.83159	1.97968	0.0456*
Short-term memory	0.63755	0.428584	0.2709
Thinking	0.675925	1.197100	0.0393*
Creativity	1.40116	3.37203	0.0018**

Note. * – $p \leq .05$; ** – $p \leq .01$.

Table 3 shows that all the variables except the short-term memory variable are significant and cannot be excluded from the model. However, in this case, we considered it appropriate to leave all the variables in the model. The standardized coefficients of the model reflect the comparative significance of the contribution made by the variables to life satisfaction. Since all the variables included in the model have a plus sign, their contribution to the life satisfaction variable is positive. At the same time, the greatest contribution is made by such variables as long-term memory (with a rate of 3.83159) and creativity (with a rate of 1.40116).

To clarify the impact of the top-down and bottom-up variables, *a complex regression model* was created that included all the variables. The fitted model equation is:

$$\text{Life satisfaction} = 0.110918 * \text{thinking} + 0.533186 * \text{creativity} + 0.0486768 * \text{long-term} + 3.70894 * \text{short-term memory} + 0.00296713 * \text{cognitive flexibility} - 3.44459 * \text{labour} + 4.04821 * \text{marital} + 0.219421 * \text{age}.$$

The *R*-squared statistic indicates that the model as fitted explains 93.9269% of the variability in *Life satisfaction*.

Since the *p*-value in the ANOVA table (Table 4) is less than 0.05, there is a statistically significant relationship between the variables at the 95.0% confidence level.

Table 4

Analysis of Variance for Complex Regression Model of life satisfaction among the Russian elderly

Source	Sum of Squares	Df	Mean Square	F-ratio	P-value
Model	18290.1	8	2286.26	41.39	0.0000
Residual	883.886	16	55.2429		
Total	19174.0	24			

To simplify the model and exclude variables with the smallest coefficients and the highest p -values of the independent variables, the Stepwise regression was used. The regression model equation is:

$$\text{Life satisfaction} = 3.90722 * \text{short-term memory} + 4.2683 * \text{marital} + 0.212633 * \text{age}.$$

All the variables in the resulting regression model are statistically significant since their p -value is less than 0.05, and they are statistically significant at the 95.0% confidence level.

Conclusion

This study has shown that, along with non-cognitive factors of life satisfaction in elderly people, there are also cognitive factors that are rarely the subject of empirical research. Based on the data obtained in the study, an empirical model of cognitive factors of life satisfaction was built. It was shown that nearly all the cognitive variables (flexibility of thinking, long-term memory, thinking and creativity) made a positive impact to increasing satisfaction with the leading role of long-term memory and creativity.

In general, the study showed that the degree of satisfaction is significantly higher among employed elderly respondents compared to their unemployed/retired peers, whereas the most satisfied are the oldest employees (the group with an average age of 76 years).

Family status is a factor of life satisfaction in old age as well. An unusual finding of our study is that members of nuclear families are the most satisfied group in the research. It is considered that tradition to live in extended families in Russia has a positive effect and a number of researches confirm this idea (Mustaeva et al., 2016, for example).

Thus, on the one hand, the organization of feasible labor activity for persons in the “third age” can be considered as one of the ways to increase their life satisfaction. On the other hand, ensuring the preservation of cognitive functions is also an essential condition for increasing life satisfaction in old age. Previous research by the authors has shown that teaching new skills and knowledge to third-age people may be one such option (Belovol et al., 2015).

Variables corresponding top-down and bottom-up theories have been included in the study. Top-down theory argues that personality features predispose to levels of life satisfaction. In our research these features include age and characteristics of cognitive functioning (memory, thinking, creativity, and cognitive flexibility). According to bottom-up theories life satisfaction depends on the fulfillment of certain human needs and is equal to the sum of conditions associated with different areas of life. These approaches are evidently controversial. Our study incorporates both. The resulting regression model combined variables from top-down and bottom-up theories. According to the results obtained, elderly persons who live with their spouses are more satisfied than those who live in extended families with their children and grandchildren. Independence, autonomy and self-efficiency make these people more satisfied with their lives rather than the need to live in a large family, to adapt to its needs and obligations. This result is not typical for Russia where extended families have always been considered traditional. Most likely, the re-

sult reflects changes in social and economic structure of society. But to clarify the results, it is necessary to conduct additional research in different regions of the country.

Cognitive function is also a factor of life satisfaction in elderly people. Memory and creativity play an important role in making people feel good in old age. People should strive to prevent cognitive decline with age, and lifelong learning is one of the most effective cognitive activities.

Acknowledgements and Funding. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-013-00826.

References

- An, J.S., & Cooney, T.M. (2006). Psychological well-being in mid to late life: The role of generativity development and parent-child relationships across the lifespan. *International Journal of Behavioral Development*, 30, 410–421.
- Belovol, E.V., Boyko, Z.V., & Shurupova, E.Yu. (2015). Obuchenie litc “tret'ego vozrasta” kak sposob preduprezhdeniya kognitivnogo stareniya. *Gorizonty zrelosti: Conference Proceedings* (pp. 537–540). Moscow: MGPPU Publ. (In Russ.)
- Belovol, E.V., Boyko, Z.V., Radysh, I.V., & Shurupova, E.Yu. (2015). Life quality increasing and dynamics of cognitive processes as the result of education in the “third age”. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (4), 77–84. (In Russ.)
- Berg, A.I., Hoffman, L., Hassing, B.M., Gerald E., & Johansson, B. (2009). What matters, and what matters most, for change in life satisfaction in the oldest-old? A study over 6 years among individuals 80+. *Aging & Mental Health*, 13(2), 191–201.
- Campbell, A., Converse, P.E., & Rodgers, W.L. (1976). *The Quality of American Life*. New York: Russell Sage Foundation.
- Carstensen L.L., Fung H.H., & Charles, S.T. (2003). Socioemotional selectivity theory and the regulation of emotion in the second half of life. *Motivation and Emotion*, 27(2), 103–123.
- Charles, S.T., Reynolds, C.A., & Gatz, M. (2001). Age-related differences and change in positive and negative affect over 23 years. *Journal of Personality and Social Psychology*, 80, 136–151.
- Choudhary, A.A. (2013). Study of life satisfaction and health in old age. *International Journal of Science and Research*, 4(9), 1276–1281.
- Costa, P.T., Jr., & McCrae, R.R. (1980). Influence of extraversion and neuroticism on subjective well-being: happy and unhappy people. *Journal of Personality and Social Psychology*, 38(4), 668–678.
- Diener, E., & Diener, M. (1995). Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68, 653–663.
- Diener, E., & Suh, E.M. (1997). Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators. *Social Indicators Research*, 40, 189–216.
- Diener, E., & Suh, E.M. (2000). Measuring subjective well-being to compare the quality of life of cultures. In E. Diener, & E.M. Suh (Eds.), *Culture and subjective well-being* (pp. 3–12). Cambridge, MA: The MIT Press.
- Eid, M., & Diener, E. (2004). Global judgments of subjective well-being: Situational variability and long-term stability. *Social Indicators Research*, 65(3), 245–277.
- Freund, A.M., & Baltes, P.B. (2002). Life-management strategies of selection, optimization, and compensation: Measurement by self-report and construct validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82, 642–662.
- Heller, D., Watson, D., & Hies, R. (2004). The role of person versus situation in life satisfaction: A critical examination. *Psychological Bulletin*, 130(4), 574–600.
- Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Holahan, C.K., Holahan, C.J., Velasquez, K.E., & North, R.J. (2008). Longitudinal change in happiness during aging: The predictive role of positive expectancies. *The International Journal of Aging and Human Development*, 66, 229–241.

- Jones, T., Rapport, L., Hanks, R., Lichtenberg, P., & Telmet, K. (2003). Cognitive and psychosocial predictors of subjective well-being in urban older adults. *The Clinical Neuropsychologist*, 17(1), 3–18.
- Jung, C.M., & Mankyu, C. (2010). Factors related to perceived life satisfaction among the elderly in South Korea. *Journal of Preventive Medicine and Public Health*, 43(4), 292–300. <https://doi.org/10.3961/jpmph.2010.43.4.292>
- Kang, S., Shaver, P.R., & Sue S. (2003). Culture-specific patterns in the prediction of life satisfaction: Roles of emotion, relationship quality, and self-esteem. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 29(12), 1596–1608.
- Kitayama, S., & Markus, H.R. (2000). The pursuit of happiness and the realization of sympathy: Cultural patterns of self, social relations, and well-being. In E. Diener, & E.M. Suh (Eds.), *Culture and subjective well-being* (pp. 113–161). Cambridge, MA, US: The MIT Press.
- Kitayama, S., Markus, H.R., & Kurokawa, M. (2000). Culture, emotion, and well-being: Good feelings in Japan and the United States. *Cognition and Emotion*, 14(1), 93–124.
- Kozerska, A. (2015). Life satisfaction among people aged 60 and over, participating in restricted social networks in Poland: Related variables. *Problems of Education in the 21st Century*, 67, 29–39.
- Kutubaeva, R.Zh. (2019). Analysis of life satisfaction of the elderly population on the example of Sweden, Austria and Germany. *Population and Economics*, 3(3), 102–116. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e47192>
- Lawton, M.P. (1975). The Philadelphia Geriatric Center Morale Scale: A revision. *Journal of Gerontology*, 30, 85–89.
- Markus, H.R., & Kitayama, X. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98, 224–253.
- Mroczek, D.K., & Kolarz, C.M. (1998). The effect of age on positive and negative affect: A developmental perspective on happiness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75(5), 1333–1349.
- Mustaeva, F.A., Sizonenko, Z.L., & Yuldasheva, O.N. (2016). The research of the role of a family in the life of an elderly person. *The Journal of scientific articles "Health and Education Millennium"*, 18(10), 143–147. (In Russ.)
- Neugarten, B.L., Havighurst R.J., & Tobin, S. (1961). The measurement of life satisfaction. *Journal of Gerontology: Medical Sciences*, 16, 134–143.
- Ng, S.T., Tey N.P., & Asadullah, M.N. (2017). What matters for life satisfaction among the oldest-old? Evidence from China. *Plos One*, 12(2), e0171799. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0171799>
- Nishiguchi, Sh., Yamada, M., & Fukutani, N. (2014). Spot the Difference for Cognitive Decline: A quick memory and attention test for screening cognitive decline. *Gerontology and Geriatric*, 6(1), 9–14. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jcgg.2014.08.003>
- Oishi, S. (2000). Goals as cornerstones of subjective well-being: Linking individuals and cultures. In E. Diener, & E.M. Suh (Eds.), *Culture and subjective well-being* (pp. 87–112). Cambridge, MA: The MIT Press.
- Oishi, S., & Diener, E. (2001). Goals, culture, and subjective well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 27(12), 1674–1682.
- Panina, N.V. (1993). Indeks zhiznennoi udovletvorennosti. In A.A. Kronik (Ed.), *LifeLine i drugie novye metody psikhologii zhiznennogo puti* (pp. 107–114). Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Pramanik, S., & Biswal, S. (2020). Ageism, psychological capital and life satisfaction: A study on elderly women. *The International Journal of Indian Psychology*, 8(2), 1217–1225. <https://doi.org/10.25215/0802.139>
- Stephoe, A., Deaton, A., & Stone, A. (2015). Psychological wellbeing, health and ageing. *Lancet*, 385, 640–648. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(13\)61489-0](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(13)61489-0)
- Stone, A.A., Schwartz, J.E., Broderick, J.E., & Deaton, A.A. (2010). Snapshot of the age distribution of psychological well-being in the United States. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(22), 9985–9090. <https://doi.org/10.1073/pnas.1003744107>

- Uchida, Y., & Kitayama, S. (2009). Happiness and unhappiness in East and West: Themes and variations. *Emotion*, 9, 441–456.
- Uchida, Y., Kitayama, S., Mesquita, B., Reyes J., & Morling, B. (2008). Is perceived emotional support beneficial? Well-being and health in independent and interdependent cultures. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 34, 741–754.
- Uchida, Y., Norasakkunkit, V., & Kitayama, S. (2004). Cultural constructions of happiness: Theory and empirical evidence. *Journal of Happiness Studies*, 5(3), 223–239.

Article history:

Received: 7 September 2020

Revised: 7 November 2020

Accepted: 15 November 2020

For citation:

Belovol, E.V., Boyko, Z.V., & Shurupova, E.Yu. (2020). Cognitive Factors of Life Satisfaction among the Russian Elderly. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 671–684. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-671-684>

Bio notes:

Elena V. Belovol, Ph.D. in Psychology, is Professor of the Department of Psychology of Personality Development of Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0285-159X>; Web of Science ResearcherID: L-7813-2017; eLIBRARY SPIN-код: 9512-6840. E-mail: belovol@mail.ru

Zlata V. Boyko, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor at Department of Management of Nursing Activities of Institute of Medicine of RUDN University (Moscow, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5313-8714>; Scopus Author ID: 57191543556; Web of Science ResearcherID: R-7738-2018; eLIBRARY SPIN-code: 7841-5255. E-mail: boikozv@yandex.ru

Elena Yu. Shurupova, Ph.D. in Psychology, is psychologist at Psychological-and-Pedagogical Centre for Children and Adolescents “Merry Steps” (Moscow, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7113-8432>; eLIBRARY SPIN-code: 1793-3043. E-mail: shurupovaelena@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-671-684

Обзорная статья

Когнитивные факторы удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте

Е.В. Беловол¹, З.В. Бойко², Е.Ю. Шурупова³

¹Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

²Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

³Центр психолого-педагогического сопровождения детей и подростков «Веселые шаги»
Российская Федерация, 127055, Москва, Вадковский пер., 16

Аннотация. В работе изучаются факторы удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте. В настоящее время в психологии существует несколько подходов к пониманию этого конструкта. Ряд теорий акцентирует внимание на объективных обстоятель-

ствах как оказывающих основное влияние на удовлетворенность жизнью личности. Такой подход называется «восходящий» (bottom-up). При этом существуют теории, в которых предполагается, что стабильные индивидуальные характеристики личности являются детерминантами удовлетворенности жизнью. Данные теории объединяются в рамках подхода, который получил название «нисходящий» (top-down). Он подразумевает, что определенные черты личности, в частности экстраверсия и нейротизм, определяют удовлетворенность человека жизнью. Однако когнитивные факторы удовлетворенности жизнью редко становятся предметом эмпирических исследований. В настоящем исследовании в качестве предикторов удовлетворенности жизнью на поздних этапах онтогенеза наряду с показателями когнитивного функционирования личности (когнитивная гибкость, память – краткосрочная и долгосрочная, креативность и мышление) использовались такие объективные показатели, как возраст, социальный статус (работает, не работает, на пенсии), тип семьи (нуклеарная или расширенная). В исследовании приняли участие девяносто семь респондентов в возрасте от 50 до 84 лет. Анализ полученных данных показал, что не только некогнитивные факторы, но и когнитивные оказывают существенное влияние на удовлетворенность жизнью в пожилом возрасте. На основе полученных данных была построена эмпирическая модель когнитивных факторов удовлетворенности жизнью. Показано, что все когнитивные переменные (гибкость мышления, долговременная память, кратковременная память, мышление и креативность) имеют положительный вклад в повышение удовлетворенности при ведущей роли долговременной памяти и креативности. Исследование выявило, что степень удовлетворенности значительно выше у работающих пожилых респондентов, чем у их неработающих коллег, при этом наиболее удовлетворенными являются самые пожилые сотрудники (средний возраст этой группы – 76 лет). Семейное положение также является фактором удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте. Согласно полученным результатам, пожилые люди, живущие с супругом/супругой и отдельно от детей, более удовлетворены жизнью по сравнению со своими сверстниками, живущими в расширенных семьях с детьми и внуками. Регрессионная модель, построенная с учетом как характеристик личности, так и переменных, отражающих объективные аспекты жизни пожилых людей, объединила переменные из восходящих и нисходящих теорий. В результирующую модель (коэффициент детерминации $R^2 = 94,6\%$) были включены переменные с коэффициентами на уровне значимости $\alpha < 0,05$. Остальные переменные были исключены из результирующей модели. В нее вошли память и возраст как индивидуальные особенности и тип семьи как внешний предиктор удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, старость, когнитивные процессы, нисходящие теории, восходящие теории, предикторы удовлетворенности жизнью

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00826.

История статьи:

Поступила в редакцию: 7 сентября 2020 г.

Принята к печати: 15 ноября 2020 г.

Для цитирования:

Belovol E.V., Boyko Z.V., Shurupova E.Yu. Cognitive Factors of Life Satisfaction among the Russian Elderly // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 671–684. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-671-684>

Сведения об авторах:

Беловол Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0285-159X>, Web of Science ResearcherID: L-7813-2017, eLIBRARY SPIN-код: 9512-6840. E-mail: belovol@mail.ru

Бойко Злата Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры управления сестринской деятельностью Медицинского института Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5313-8714>; Scopus Author ID: 57191543556; Web of Science ResearcherID: R-7738-2018; eLIBRARY SPIN-код: 7841-5255. E-mail: boikozv@yandex.ru

Шурупова Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, практический психолог Центра психолого-педагогического сопровождения детей и подростков «Веселые шаги» (Москва, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7113-8432>; eLIBRARY SPIN-код: 1793-3043. E-mail: shurupovaelena@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-685-704

УДК 159.9.072.432

Исследовательская статья

Мудрость как фактор предотвращения эмоционального выгорания медицинских работников

Н.Н. Мехтиханова¹, Ю.С. Мурзина², Ю.Е. Русакова²

¹Ярославский государственный университет
Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14

²Тюменский государственный университет
Российская Федерация, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

Аннотация. В статье рассматривается мудрость как внутренний ресурс медицинских работников, способный предупредить развитие нездоровых отклонений, сохранить профессиональное и жизненное долголетие. Целью работы стало изучение взаимосвязи мудрости и эмоционального выгорания у медицинского персонала. Проведен теоретический анализ изучения эмоционального выгорания медицинских работников, предложено понимание феномена мудрости, описаны зарубежные эмпирические исследования мудрости в медицинской сфере. В представленном эмпирическом исследовании для сбора данных использовались опросник «Уровень мудрости» Н.Н. Мехтихановой и методика диагностики эмоционального выгорания В.В. Бойко. Диагностика, проведенная на выборке из 184 сотрудников Областной клинической больницы г. Тюмени, показала наличие признаков эмоционального выгорания у 53,8 % респондентов. При сравнении групп медицинских работников, имеющих разный уровень эмоционального выгорания, выявлены значимые различия по показателю мудрости. Корреляционный анализ продемонстрировал отрицательную взаимосвязь мудрости и эмоционального выгорания медицинского персонала ($r_s = -0.48$, $p < 0.001$). Сравнение групп мужчин и женщин обнаружило значимые различия по показателю мудрости и по показателю эмоционального выгорания: мудрость выше у группы мужчин, в то время как эмоциональное выгорание выше у группы женщин. Попарное сравнение по U -критерию Манна – Уитни выявило различия по показателю мудрости между группами младшего медицинского персонала и руководителей, а также между группами среднего медицинского персонала и руководителей. Показатель мудрости в обоих случаях выше у группы руководителей. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что мудрость помогает медицинскому персоналу противостоять синдрому эмоционального выгорания. Формирование данного качества у медицинских работников позволит сохранить их психическое здоровье и профессиональное долголетие.

Ключевые слова: мудрость, эмоциональное выгорание, возрастные различия, гендерные различия, старший и младший медицинский персонал

Введение

Проблема профессионального стресса, эмоционального выгорания врачей всегда была в центре внимания ученых (Водопьянова, Старченкова, 2005; Кобякова и др., 2017; Семенова и др., 2017), но особенно остро встала в современном мире в связи с пандемией коронавируса. Тяжелые условия труда с больными COVID-19 провоцируют эмоциональные расстройства, снижают работоспособность медицинского персонала. Большое количество новых стрессогенных факторов обуславливает возникновение негативных состояний, систематическое переживание которых приводит к еще более быстрому развитию профессиональных деформаций.

По оценкам разных исследователей уровень эмоционального выгорания врачей-терапевтов в Европе и Латинской Америке варьирует от 20 до 45 %. Опрос интернов в США выявил, что этот показатель превышает 75 %. В 2012 г. было проведено крупномасштабное исследование специалистами из ряда ведущих клиник и университетов США. Авторы опросили 7288 врачей различных специальностей и выявили, что около половины американских врачей подвержены профессиональному выгоранию (46 %) (Говорин, Бодагова, 2016). Высокая выраженность синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) отмечается и у российских медицинских работников (Кобякова и др., 2017). Так, различные признаки СЭВ были отмечены у 383 обследованных врачей Забайкальского края, а эмоциональное выгорание выявлено у 67,6 % ($n = 259$) (Говорин, Бодагова, 2016). Распространенность синдрома выгорания у врачей-психиатров доходит до 73,2 % (Золотухина, Шадрин 2007), у врачей-наркологов – до 79 % (Лукьянов, 2008).

Исследования синдрома эмоционального выгорания ведутся в различных направлениях. Прежде всего, изучаются факторы, его детерминирующие (Бойко, 1999; Водопьянова, Старченкова, 2005; Орел, 2005). При этом основной акцент делается на деструктивных факторах, способствующих появлению и развитию синдрома. Более плодотворной стратегией представляется выявление факторов, препятствующих его формированию, что соответствует задачам позитивной психологии.

Мудрость является одним из центральных понятий позитивной психологии (Леонтьев, 2011). По данным М. Селигмана и М. Чиксентмихайи (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000), она, как и другие феномены, рассматриваемые в этом направлении психологии, может быть той позитивной силой, которая защитит от невзгод, укрепит психологические ресурсы, предупредит развитие нездоровых отклонений у человека. Мудрость может выполнить профилактическую работу, которая является главной задачей позитивной психологии.

Исследования проблемы эмоционального выгорания в медицинской сфере. В отечественной психологии исследованиями синдрома эмоционального выгорания занимались В.А. Бодров, В.В. Бойко, М.В. Борисова, Н.Е. Водопьянова, Л.Г. Дикая, О.Н. Доценко, В.Е. Леонова, В.В. Лукьянов, А.А. Обознов, В.Е. Орел и многие другие, за рубежом – С. Джексон, К. Маслач, Г. Фрейдбергер и др.

Первоначально эмоциональное выгорание у медицинских работников изучалось в связи профессиональным стрессом как одно из главных и пагуб-

ных его последствий. Затем тема СЭВ приобрела самостоятельное значение и стала активно разрабатываться в различных направлениях. Изучались симптоматика, течение, детерминация СЭВ у врачей различных специальностей – неврологов, участковых терапевтов, гигиенистов, анестезиологов-реаниматологов, стоматологов, наркологов, психиатров и др. (Абдуллаева, 2013; Бектасова и др., 2016; Борисова и др., 2019; Говорин, Бодагова, 2016; Золотухина, Шадрина, 2007; Зыкова, Горбунова, 2020; Кобякова и др., 2017; Лукьянов, 2008; Мурашкин, Шаршакова, 2020; Панкова и др., 2019; Семенова и др., 2017; Чутко, Козина, 2013 и др.). На основе этих исследований были созданы эффективные программы по снижению уровня выгорания (Водопьянова, 2013).

В контексте нашей работы особый интерес представляют исследования детерминации СЭВ. В. В. Бойко выделяет ряд внешних и внутренних факторов, которые провоцируют выгорание (Бойко, 1999). К внешним детерминантам выгорания медицинских работников относятся традиционные для многих видов профессий: перегрузка работой, средний или низкий уровень оплаты труда и др. Описываются также специфические для медицинской сферы факторы – высокая степень эмоциональной насыщенности работы, высокий уровень ответственности за результаты труда, обязательная ротация смен, загруженность из-за нехватки персонала, уход за неизлечимо больными и др.

Несмотря на многообразие внешних факторов, ведущая роль в развитии выгорания отводится внутренним факторам – личностным характеристикам работника: мотивационной сфере, характерологическим и темпераментальным свойствам, особенностям самооценки и саморегуляции, стилевым особенностям поведения и деятельности и многим другим (Водопьянова, Старченкова, 2005; Обознов, Доценко, 2013; Орел 2005). Их изучению посвящено огромное количество эмпирических работ. Среди них особенно перспективной представляется попытка найти универсальные факторы выгорания – те характеристики личности, которые занимают в ее структуре доминирующее и устойчивое положение. К таковым, например, можно отнести ценностно-мотивационные характеристики специалиста, отражающие направленность его личности (Обознов, Доценко, 2013).

Гораздо меньше исследований выполнено с целью изучения личностных факторов, препятствующих выгоранию. В то же время для разработки эффективных программ предотвращения и коррекции негативных последствий трудовой деятельности необходим комплексный подход – с учетом позитивных сторон психической жизни (Водопьянова, Шестакова, 2014; Полунина, 2013). Именно поэтому востребованным практикой становится изучение феномена мудрости в контексте профессиональной деятельности. В отечественной науке такого рода эмпирические исследования отсутствуют.

Исследования проблемы мудрости в медицинской сфере. Психологи полагают, что работа в современной ситуации требует предвосхищения событий, адекватного восприятия, понимания обстоятельств, спокойного отношения к действительности, оптимальных действий в сложившихся условиях. Все перечисленное является, по сути, признаками мудрости – комплексного свойства личности, помогающего преодолевать трудности с наименьшими потерями для психоэмоционального состояния, сохраняюще-

го профессиональную самоотдачу. На наш взгляд, можно выделить основные функции мудрости: помощь в адаптации и творческом решении сложных проблем, способствование успешности в профессии, сохранение душевного здоровья и т. д.

Долгое время термин «мудрость» использовался главным образом в философии и житейской практике. В обыденном сознании чаще всего мудрость понимается как нечто далекое от повседневной жизни, от реального воплощения в конкретном человеке. Возможно, именно поэтому психологическая наука практически до XX века не обращалась к данной теме.

В первых психологических теоретических работах мудрость была описана как идеальная конечная точка человеческого развития. Эту идею сформулировал С. Холл в фундаментальном труде «Старение» (Hall, 1922), в котором связывал развитие мудрости с появлением в позднем взрослом возрасте философского спокойствия, беспристрастности и желания извлечь моральные уроки. Теоретические психологические концепции мудрости разрабатывали К.Г. Юнг и Э. Эриксон, но только с середины 80-х годов XX века в зарубежной психологии стали эмпирически изучать мудрость. В отечественной психологии мудрость рассматривалась главным образом в теоретическом плане (Л.И. Анцыферова, Д.А. Леонтьев, М.А. Холодная, Г.В. Ожиганова, А.С. Огнев, Н.Н. Мехтиханова, Е.А. Никитина). Эмпирические исследования мудрости малочисленны в силу отсутствия адекватных и надежных инструментов ее исследования.

В русскоязычном социокультурном контексте Н.Н. Мехтихановой и ее коллегами проанализированы и обобщены многие теоретические вопросы феномена мудрости, а также разработан опросник «Уровень мудрости». Под термином «мудрость» авторы понимают особое когнитивное образование субъекта, формирующееся в ходе его жизненного пути, отражающее результаты функционирования практического интеллекта во взаимосвязи с личностными чертами, направляющее и оптимизирующее индивидуальное развитие и обеспечивающее успешность в практической стороне жизни (Мехтиханова, Смутьсон, 2013).

Зарубежные исследователи включают мудрость в перечень наиболее важных качеств успешного врача и связывают ее с оптимальными стратегиями совладания со стрессом, а также с предупреждением эмоционального выгорания. Мудрость рассматривается как один из фундаментальных компонентов профессионализма медицинских работников (Vuunu et al., 2015).

Считается, что мудрость составляет основу искусства медицины. Мудрость – это критическая оценка знаний и умение отбирать и применять их с использованием не только научных, но и морально-этических, социальных и финансовых критериев. Она включает в себя личный опыт, суждение, осмотрительность, сострадание, «клинический инстинкт» (Papagiannis, 2017). Среди 23 характеристик хорошего врача, установленных в исследовании Price et al. (1971), мудрость занимает одно из первых мест. Перечислим несколько из этих характеристик: 1) хорошее клиническое суждение; 2) современные знания в соответствующей области; 3) знания и способность провести тщательное обследование и прийти к заключению относительно диагноза, лечения и свя-

занных с ними проблем; 4) мудрость и вдумчивость: способность проникать в суть проблемы и отличать важные факты от менее важных; 5) адаптивность: способность адаптироваться к изменяющимся знаниям и условиям.

В свете возросшей значимости гуманистического подхода в медицинских услугах исследователи J.C. Rogers и L. Coultts (2000) описали поведенческий портрет врача: 1) уважает точку зрения пациента и учитывает его мнение; 2) заботится о психологическом благополучии пациента; 3) рассматривает пациента как уникальную индивидуальность; 4) относится к пациенту в контексте его семьи, социального и физического окружения; 5) обладает хорошей коммуникативной способностью и навыками слушания; 6) порождает доверие и уверенность; 7) демонстрирует теплоту и сострадание; 8) является эмпатическим (Rogers, Coultts, 2000).

L.A. Haggerty и P. Grace (2008) определили ключевые компоненты клинической мудрости в работе медсестры: уравнивание и обеспечение блага другого и самого себя, общее благо, использование интеллекта и аффекта в решении проблем, а также демонстрация опытного молчаливого знания в проблемных ситуациях. Y. Christley (2012) с коллегами дополнили список характеристик для мудрой медицинской сестры: опыт, рефлексия, забота, сострадание и сопереживание. По мнению P. Benner (2000) мудрость медицинской сестры основана на клиническом суждении и подходе «мышление в действии», который включает интуицию, эмоции и чувства. S.A. Matney et al. (2011) описали мудрость как применение опыта, интеллекта, творчества и знания, опосредованные ценностями, направленными на достижение общего блага. В развитие этой темы S.A. Matney et al. (2014) пишут, что мудрость проявляется в способности медработника добавлять опыт и интуицию к ситуации, а также применять знания с сочувствием, пониманием и состраданием.

Таким образом, медицинские работники должны обладать характеристиками, которые и составляют содержание конструкта «мудрость» в современной психологии (Ardelt, 2003; Baltes, Smith, 2008; Мехтиханова, 2010, 2013 и др.) Ожидается, что они будут иметь фактические и процедурные знания о том, как диагностировать и лечить состояния, обладать умением критически мыслить, искать причины и доказательства, будут заботливыми и сострадательными людьми, видящими пациентов такими, какие они есть в своем социальном/культурном/экономическом/психологическом плане, прислушивающимися к потребностям пациентов, четко общающимися с ними, соблюдающими трудовую этику, обучающимися на протяжении всей жизни (Kulatunga-Moruzi, Norman, 2002; Rogers, Coultts, 2000).

Мудрость рассматривается как условие успешной трудовой деятельности, препятствие эмоциональному выгоранию. Так, W. Budziński et al. (2018) показали, что наиболее низкий риск в развитии выгорания в карьере врача связан с такими ценностями, как семейная безопасность, свобода, счастье, зрелая любовь, самоуважение, социальное признание и мудрость. S. Mangione et al. (2018) в своих исследованиях проверили гипотезу о том, что студенты-медики, изучающие и гуманитарные науки, а не только медицинские, будут показывать более высокие уровни положительных качеств, необходимых для будущего врача. Исследование обнаружило, что воздействие литературы, музыки, театра и изобразительного искусства имеет значимую корреляцию с положитель-

ными личными качествами студентов – будущих врачей: сочувствие, терпимость к двусмысленности, мудрость и т. п., а также обратную корреляцию с компонентами СЭВ. Доказывается, что мудрость вполне может быть единственной чертой, которая включает в себя все другие черты хорошего врача: эмпатию, открытость возможностям, эмоциональную устойчивость, внимательность, смирение, альтруизм, умение учиться у жизни, чувство юмора. Авторы считают, что развитие мудрости должно лежать в основе профилактики эмоционального выгорания.

J.M. Smith (2020) видит в коучинге возможность формирования профессиональной мудрости и проницательности, что помогает в управлении эмоциональным выгоранием и оздоровлении хирурга. T.J. Clouston (2019) констатирует, что существующие в Великобритании принципы повышения производительности труда медперсонала неэффективны, так как не позволяют сотрудникам справляться с растущим уровнем стресса и дисбалансом между работой и личной жизнью. T.J. Clouston предлагает четыре стратегии, как он сам их называет – «жемчужины мудрости», для снятия стресса в коллективе медучреждения: 1) возможность самостоятельного выбора рабочей нагрузки; 2) учет семейных ценностей персонала; 3) поддерживающие отношения на рабочем месте; 4) решение оргконфликтов через согласование с личными ценностями. J. Levey и M. Levey (2019), говоря о VUCA-мире, предлагают противопоставить ему мудрость и осознанность как противоположный эволюционный импульс. Они пишут о важности развития мудрости у руководителей медучреждений.

Таким образом, в современных зарубежных исследованиях мудрость выступает в качестве обязательного личностного качества как для сотрудников, так и для руководителей в сфере медицинского обслуживания. Мудрость рассматривается как фундамент технологии решения конфликтов и заботы о медперсонале, лежит в основе профилактики эмоционального выгорания.

Отечественных исследований мудрости у медицинских работников, в частности в контексте эмоционального выгорания, не проводилось. Поэтому исследования проблемы взаимосвязи мудрости и эмоционального выгорания на российских выборах достаточно актуальны. В связи с этим *целью* нашей работы является установление взаимосвязи мудрости и эмоционального выгорания у работников российского здравоохранения.

Процедура и методы исследования

В феврале – марте 2020 года нами было реализовано исследование взаимосвязи уровня мудрости и эмоционального выгорания у медицинских работников. Для этого была собрана *выборка* численностью 184 человека, состоящая из сотрудников Областной клинической больницы г. Тюмени. Данные сотрудники на тот момент времени не принимали участие в лечении больных с инфекцией COVID-19. Возрастной состав группы распределился почти равномерно: 25–35 лет – 26,6 %, 35–45 лет – 23,9 %, 45–55 лет – 25,2 %, 55–65 лет – 13,6 %, старше 65 лет – 10,7 %. По полу состав группы оказался неравномерным: женщины составили 87,5 %, а мужчины – 12,5 %. Распределение группы по стажу работы: до 5 лет – 16,3 %, от 5 до 10 лет – 15,8 %, от 10 до 15 лет – 14,1 %, от 15 до 20 лет – 12,5 %, от 20 до 25 лет – 11,4 %, от 25 до 30 лет – 10,7 %, от 30 до 35 лет – 10,0 %, от 35 до 40 лет – 9,3 %, от 40 до 45 лет – 8,6 %, от 45 до 50 лет – 7,9 %, от 50 до 55 лет – 7,2 %, от 55 до 60 лет – 6,5 %, от 60 до 65 лет – 5,8 %, от 65 до 70 лет – 5,1 %, от 70 до 75 лет – 4,5 %, от 75 до 80 лет – 3,8 %, от 80 до 85 лет – 3,2 %, от 85 до 90 лет – 2,5 %, от 90 до 95 лет – 1,8 %, от 95 до 100 лет – 1,2 %.

от 10 до 15 лет – 13,5 %, от 15 до 20 лет – 14,7 % и свыше 20 лет – 39,7 %. В группе сложилось следующее соотношение должностей: руководители – 7,6 %, врачи – 23,9 %, средний медицинский персонал – 58,7 %, младший медицинский персонал – 9,8 %.

В ходе исследования были использованы следующие **психодиагностические методики**.

1. *Опросник «Уровень мудрости»* (Мехтиханова, Смутьсон, 2013). В ходе разработки данной методики использовались неявные теории мудрости (качества мудрого человека, отраженные в пословицах, поговорках и сказках, а также взятые из современных представлений о мудрости) и явные теории (уже существующие авторские концепции мудрости). Полученные качества мудрого человека были классифицированы на три категории: когнитивные, личностные и поведенческие, что послужило основой утверждений, составляющих методику. К когнитивной составляющей относятся такие показатели, как опыт, базовые знания о способах выполнения действия, самопознание, обучаемость, оперативное использование информации и др.; к личностной составляющей – толерантность, альтруизм, организованность, любознательность и др.; к поведенческой составляющей – применение знаний на практике, умение давать советы, воплощение новых идей, общительность и др.

Опросник состоит из 63 пунктов, с которыми респондент должен выразить степень своего согласия по 5-балльной шкале Ликерта. Приведем примеры прямых и обратных утверждений, содержащихся в методике:

- Часто бывает, что я забываю что-то важное.
- Обычно мне нетрудно реализовывать свои идеи.
- Если кто-то поступил со мной грубо, я отвечу тем же.
- Решая проблемы, я часто забываю учесть мелкие детали.
- Необходимость сделать что-то сложное и важное тяготит меня.
- Я предпочитаю просить советы, а не давать их.
- Я не считаю, что в споре может быть только одна правильная точка зрения.

Подсчет баллов производится с помощью ключа простым суммированием. Все утверждения составляют единственную шкалу, формирующую один итоговый показатель. Максимально возможное значение по шкале – 325 баллов.

Методика прошла необходимые психометрические процедуры: стандартизацию, проверку надежности и валидности. Надежность методики определялась, в частности, через меру согласованности результатов. Для оценки гомогенности (внутренней согласованности) пунктов теста был использован традиционный коэффициент α Кронбаха. Результаты исследования авторов методики ($n = 382$) показали высокую надежность-согласованность пунктов опросника: α Кронбаха = 0,91. Данные, полученные в настоящем исследовании на выборке медицинских работников, подтвердили надежность и согласованность опросника: α Кронбаха составила 0,90.

2. *Методика диагностики эмоционального выгорания В.В. Бойко* (Бойко, 1999) позволяет диагностировать симптомы эмоционального выгорания и определить фазу его развития (*напряжение, резистенция, истощение*). Максимально возможное значение для каждой фазы – 120 баллов. Данная методика широко используется в отечественных исследованиях СЭВ в различных выборках.

Для обработки результатов были использованы статистические методы: *U*-критерий Манна – Уитни, *H*-критерий Краскела – Уоллиса, ранговый корреляционный анализ Спирмена. Применялись статистические пакеты Statistica 8.0, IBM SPSS Statistics 17.0.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ результатов по опроснику диагностики эмоционального выгорания В.В. Бойко выявил медицинских работников с разным уровнем эмоционального выгорания, которых можно разделить на три группы:

1) специалисты с высоким уровнем эмоционального выгорания (15 человек), у которых сформировались все три фазы СЭВ;

2) специалисты с низкими показателями эмоционального выгорания (85 человек), у которых не сформировано ни одной фазы СЭВ, у них проявилось незначительное повышение показателей по отдельным симптомам;

3) специалисты с признаками эмоционального выгорания (84 человека или 45 % всех обследованных), выразившимися либо в сформированности одной-двух фаз СЭВ, либо в наличии фазы в стадии формирования.

В основном у респондентов диагностируется фаза *резистенции* (сопротивления), далее идут *истощение* и *тревожное напряжение*. Это проявляется в сложностях во взаимодействии по вопросам организации корпоративных изменений, сопротивлении при внедрении новшеств в привычный трудовой распорядок, трудностях в установлении контактов, сотрудничестве по вопросам, не касающимся напрямую работы, например, профессионального обучения, наставничества, формирования кадрового резерва и т. д.

При объединении первой и третьей группы наличие признаков эмоционального выгорания фиксируется у 53,8 % респондентов. Таким образом, каждый второй человек в группе всех обследованных медицинских работников имеет защитные реакции в форме СЭВ в большей или меньшей степени. Эти результаты совпадают с данными многочисленных исследований СЭВ у работников социономических профессий, выполненных в разное время в нашей стране и за рубежом (Бойко, 1999; Водопьянова, Старченкова, 2005; Кобякова и др., 2017; Лукьянов, 2008; Орел, 2005; Shih et al., 2016; Mangione et al., 2018; Wang, 2020 и др.).

При сравнении групп мужчин и женщин выявлены значимые различия по показателю эмоционального выгорания (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика и статистическая оценка различий по показателю эмоционального выгорания между группами мужчин и женщин [Table 1. Means (M), standard deviations (SD) and Mann – Whitney U-test between indicators of emotional burnout in men and women]

Показатель	Мужчины		Женщины		U-критерий	Уровень значимости, <i>p</i>
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>		
Эмоциональное выгорание	74,87	56,88	107,89	66,39	1253.0	0.013

Как следует из табл. 1, показатель эмоционального выгорания выше в группе женщин. Действительно, помимо рабочей нагрузки, женщины выполняют функции по ведению домашнего хозяйства, ухода за детьми и т. п. Часто это трудно сочетать с высокой стрессогенностью работы медперсонала, что ускоряет развитие и усугубляет СЭВ. Как отмечают L. Wang et al. (2020) двойное давление работы и семьи делает женщин-врачей менее счастливыми и более склонными к выгоранию.

Достоверных различий по уровню эмоционального выгорания между респондентами различных возрастов получено не было, но наблюдается тенденция, что выгорание происходит в возрастном диапазоне от 25 до 55 лет. У работников старше 55 лет СЭВ практически отсутствует. Вероятно, работать в области медицины в пенсионном и предпенсионном возрасте остаются только сотрудники, устойчивые к выгоранию. Это свидетельствует о сформированной у них эффективной системе саморегуляции. По данным Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой (2005), влияние возраста на эффект выгорания неоднозначно. К нему предрасположены лица не только старшего, но и молодого возраста.

При сравнении групп медицинских работников, занимающих разные должности (немедицинский специалист, младший медицинский персонал, средний медицинский персонал, врачебный персонал, руководители), наибольший уровень выгорания выявлен среди медицинских сестер. Этот факт согласуется с данными многих исследователей (Золотухина, Шадрина, 2007; Christley et al., 2012; Haggerty, Grace, 2008; Matney et al., 2014 и др.) и объясняется чрезвычайно неблагоприятными внешними детерминантами деятельности этой группы работников.

У медицинских работников, имеющих разный стаж работы, значимых различий в показателях эмоционального выгорания выявлено не было. Аналогичные данные получены и в других исследованиях (Абдуллаева, 2013). По всей видимости, продолжительность работы не определяет СЭВ, он может наступить и в начале, и в середине трудовой деятельности, в большей мере на это влияют другие факторы.

Анализ результатов по опроснику «Уровень мудрости» показал, что при сравнении групп мужчин и женщин выявлены значимые различия по показателю мудрости (табл. 2).

Таблица 2

Описательная статистика и статистическая оценка различий по показателю мудрости между группами мужчин и женщин
 [Table 2. Means (M), standard deviations (SD) and Mann – Whitney U-test between indicators of wisdom in men and women]

Показатель	Мужчины		Женщины		U-критерий	Уровень значимости, p
	M	SD	M	SD		
Уровень мудрости	239,61	26,66	229,91	22,95	1267.50	0.016

Результаты, представленные в табл. 2, свидетельствуют о том, что показатель мудрости выше в группе мужчин. Большинство мужской группы 82,6 % составляют врачи. В женской группе большая часть 65,8 % представлена средним медицинским персоналом. Поскольку группа мужчин и женщин

неравнозначна по количеству и разнородна по составу, для более точного сравнения уровня мудрости по полу мы взяли две идентичные по должности группы из нашей выборки «Врачи мужчины» – 19 человек и «Врачи женщины» – 25 человек. В группе врачей так же, как и в общей группе, результаты распределения по уровню мудрости говорят о том, что среди мужчин обладателей высокого уровня мудрости больше, чем среди женщин. Данный факт не соответствует данным, выявленным ранее в исследованиях отечественных ученых (Мехтиханова, 2010). Обсуждение гендерных аспектов проблемы мудрости в зарубежных эмпирических работах практически отсутствуют.

При сравнении групп респондентов разного возраста значимых различий по показателю мудрости выявлено не было. Это еще раз подтверждает многократно выявленный наукой, однако противоречащий житейским представлениям факт, что мудрость присуща не только людям старшего возраста, но может проявляться в любом возрасте (Мехтиханова, Смутьсон, 2013; Baltes, Smith, 2008). Мудрость, как и кристаллический интеллект, удерживает свой уровень, начиная с ранней зрелости и вплоть до глубокой старости. Пожилой возраст не может ни приносить мудрость, ни отбирать ее.

Множественное сравнение с помощью *H*-критерия Краскела – Уоллиса показало, что группы медицинских работников, занимающих разные должности (немедицинский специалист, младший медицинский персонал, средний медицинский персонал, врачебный персонал, руководители) значимо различаются по показателю мудрости (табл. 3).

Таблица 3

Описательная статистика и статистическая оценка различий по показателю мудрости между группами медицинских работников, занимающих разные должности
 [Table 3. Means (M), standard deviations (SD) and Kruskal – Wallis *H*-test between indicators of wisdom in medical workers holding different positions]

Показатель	Немедицинский специалист		Младший медицинский персонал		Средний медицинский персонал		Врачебный персонал		Руководители		<i>H</i> -критерий, уровень значимости, <i>p</i>	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>		
Уровень мудрости	232,17	23,80	230,42	12,87	227,45	21,60	234,74	28,91	248,50	20,36	13,29	0,01

Проведенное далее попарное сравнение по *U*-критерию Манна – Уитни (табл. 4) выявило различия по показателю мудрости между группами младшего медицинского персонала и руководителей ($U = 31.00$, $p = 0.007$), а также между группами среднего медицинского персонала и руководителей ($U = 326.00$, $p < 0.001$).

Из данных табл. 4 следует, что показатель мудрости в обоих случаях выше у группы руководителей. Вместе с тем между группой врачей и группой руководителей значимых различий установлено не было. Выявленные нами факты могут быть объяснены спецификой выборки – группу руководителей и врачей составили лица с высшим профессиональным образованием. В работах Р.В. Baltes и J. Smith (2008) однозначно установлена положительная связь мудрости и интеллекта, который, в свою очередь, коррелирует с уровнем образования.

Таблица 4

Описательная статистика и статистическая оценка различий по показателю мудрости между группами медицинских работников, занимающих разные должности [Table 4. Means (M), standard deviations (SD) and Mann – Whitney U-test between indicators of wisdom in medical workers holding different positions]

Уровень мудрости младшего медицинского персонала		Уровень мудрости руководителей		Уровень мудрости среднего медицинского персонала		Сравниваемые группы	U-критерий, уровень значимости, p
M	SD	M	SD	M	SD		
230,42	12,87	248,50	20,36	227,45	21,60	Младший медицинский персонал и руководители	U = 31.00, p = 0.007
						Средний медицинский персонал и руководители	U = 326.00, p < 0.001

Таблица 5

Описательная статистика и статистическая оценка различий по показателю мудрости между группами медицинских работников, занимающих разные должности [Table 5. Means (M), standard deviations (SD) and Kruskal – Wallis H-test between indicators of wisdom in medical workers with different levels of emotional burnout]

Показатель	Группа с высоким уровнем эмоционального выгорания		Группа со средним уровнем эмоционального выгорания		Группа с низким уровнем эмоционального выгорания		H-критерий, уровень значимости, p
	M	SD	M	SD	M	SD	
Уровень мудрости	219,29	24,13	230,44	21,00	244,05	18,65	H = 33.10, p < 0.001

Таблица 6

Описательная статистика и статистическая оценка различий по показателю мудрости между группами медицинских работников с разным уровнем эмоционального выгорания [Table 6. Means (M), standard deviations (SD) and Mann – Whitney U-test between indicators of wisdom in medical workers with different levels of emotional burnout]

Уровень мудрости группы с низким уровнем выгорания		Уровень мудрости группы со средним уровнем выгорания		Уровень мудрости группы с высоким уровнем выгорания		Сравниваемые группы	U-критерий, уровень значимости, p
M	SD	M	SD	M	SD		
						Группы с низким и средним уровнем эмоционального выгорания	U = 1201.00, p = 0.001
244,05	18,65	230,44	21,00	219,29	24,13	Группы с низким и высоким уровнем эмоционального выгорания	U = 758.00, p < 0.001
						Группы со средним и высоким уровнем эмоционального выгорания	U = 1365.00, p = 0.008

Сопоставление групп медицинских работников, имеющих разный уровень эмоционального выгорания (низкий, средний, высокий) по H-критерию Краскела – Уоллиса выявило значимые различия по показателю мудрости (табл. 5).

При попарном сравнении по U-критерию Манна – Уитни (табл. 6) установлены различия по показателю мудрости между группами с высоким и средним уровнем эмоционального выгорания, средним и низким уровнем эмоционального выгорания, высоким и низким уровнем эмоционального выгорания.

Как следует из табл. 6, выше всего показатель мудрости у группы медицинских работников с низким уровнем эмоционального выгорания, ниже всего показатель мудрости у работников с высоким уровнем эмоционального выгорания. Это согласуется с данными исследования Н.Н. Мехтихановой (2013). Было доказано, что испытуемые с высоким уровнем мудрости обладают высокой нервно-психологической, эмоциональной устойчивостью, уравновешенностью, эффективной поведенческой регуляцией, умением управлять своими эмоциями, адекватной самооценкой и восприятием действительности. Они легко и адекватно ориентируются в ситуации, вырабатывают стратегию своего поведения и социализации, быстро адаптируются в новых условиях. Отмечается коммунибельность, умение взаимодействовать с окружающими, социальная направленность. Все это помогает избегать конфликтных ситуаций, справляться с возникающими трудностями и не терять работоспособность.

Анализ корреляций между показателями эмоционального выгорания и уровнем мудрости (табл. 7) выявил, что уровень мудрости отрицательно связан с эмоциональным выгоранием по всей выборке. Кроме этого, показатель мудрости отрицательно связан с показателем эмоционального выгорания в группе с высоким уровнем выгорания и в группе с низким уровнем выгорания, а также в группе врачебного персонала ($r = -0.76, p = 0.002$).

Таблица 7

**Значимые коэффициенты корреляций Спирмена
между показателями мудрости и эмоционального выгорания в разных группах**
[Table 7. Significant Spearman's correlations
between the indicators of wisdom and emotional burnout in different groups]

Группа испытуемых	Показатель корреляции, уровень значимости, p
Вся выборка	$r = -0.48, p < 0.001$
Группа испытуемых с низким уровнем эмоционального выгорания	$r = -0.36, p = 0.003$
Группа испытуемых с высоким уровнем эмоционального выгорания	$r = -0.29, p = 0.025$
Врачебный персонал	$r = -0.76, p = 0.002$
Работники со стажем работы 10–15 лет	$r = -0.78, p = 0.001$
Работники со стажем работы 20 лет и более	$r = -0.65, p = 0.012$

В группе руководителей и младшего медицинского персонала значимые корреляции мудрости и эмоционального выгорания отсутствуют. Причины отсутствия корреляции мудрости и эмоционального выгорания в «полярных» группах «Руководители» и «Младший медицинский персонал» мы видим в некоторых когнитивных, поведенческих особенностях их представителей. У руководителей меньше непосредственных контактов с больными, больше осознанности в работе, большая вариабельность принятия решений, меньше рутины и есть возможность переключиться на другой вид работы, чтобы снять эмоциональное напряжение. Для них характерна более творческая деятельность, больше ресурсов для исполнения решений и обязанностей. Высокий доход позволяет использовать более широкий спектр копинг-стратегий для поддержания эмоционального баланса. Мудрость руководителя будет проявляться, скорее всего, в принятии решений, а не в урегулировании своего эмоционального состояния. Поскольку мудрость не всегда может влиять на эмо-

циональную саморегуляцию, нередким фактом является злоупотребление руководителями своим положением, проявляющееся в негативных эмоциональных реакциях в адрес подчиненных. Вероятно, у мудрого руководителя есть подсознательное понимание того, что защита в форме эмоционального выгорания (негативные эмоциональные реакции в адрес деловых партнеров, деперсонализация, тревога, депрессия, эмоциональная отстраненность и т. д.) приведет его к провалу в карьере.

В ситуации с младшим медицинским персоналом происходит противоположное: труд рутинный, исполнительский, низкооплачиваемый, ответственность только за свой объем работы. У большинства нет никаких экзистенциальных установок, связанных с профессиональной деятельностью. Они не сильно дорожат своим местом работы, меняя его с целью уйти от негативных влияний.

Заключение

Как показал теоретический анализ, важными ресурсами профилактики эмоционального выгорания медицинских работников являются позитивные характеристики личности, в частности мудрость. В отечественной науке и практике работа в этом направлении только начинается.

Анализ и обобщение результатов проведенного нами эмпирического исследования позволил сформулировать следующие **выводы**:

1) синдром эмоционального выгорания характерен более чем для половины обследованных медицинских работников, при этом он не зависит от возраста и стажа работы; более выражен у женщин, у группы среднего медицинского персонала (медицинских сестер);

2) уровень мудрости работников медицинской сферы не связан с возрастом, стажем работы; более высокий уровень мудрости характерен для руководителей медицинского учреждения, а также для мужской части выборки;

3) уровень мудрости и эмоциональное выгорание специалистов медицинской сферы являются взаимосвязанными феноменами – как правило, с повышением уровня мудрости происходит снижение уровня выраженности СЭВ.

Вместе с тем необходимо отметить некоторую *ограниченность* полученных выводов о характеристиках руководителей медицинского учреждения. Для повышения достоверности результатов в дальнейшем необходимо увеличить объем выборки управленцев.

Проведенное нами исследование показало, что чем более высоким уровнем мудрости обладает сотрудник медучреждения, тем меньше вероятность подверженности синдрому эмоционального выгорания. Мудрость помогает медицинскому персоналу противостоять синдрому эмоционального выгорания в любых его проявлениях, избегать защитных реакций, приводящих к негативным последствиям в работе, утрате здоровья, разочарованию в жизни, способствует преодолению стрессовых ситуаций в профессиональной среде.

В настоящее время сложилась уникальная ситуация, когда высочайшая нагрузка на сотрудников медицинских учреждений может вызывать эмоциональное выгорание в гораздо больших масштабах, чем ранее. Именно поэтому для профилактики кризисной ситуации главным врачам и организаци-

онным психологам медучреждений необходимо задействовать не только внешние, например материальные, но и внутренние личностные ресурсы. Возможно, что именно мудрость будет важным фактором сохранения психического здоровья и профессионального долголетия. Не исключено, что и сама сложная ситуация пандемии окажет воздействие на становление или редукцию мудрости. Только дальнейшие эмпирические исследования позволят раскрыть динамику возникновения и развития мудрости, возможности ее целенаправленного формирования у медицинских работников.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, в рамках научного проекта № 19-013-00849 «Мудрость как детерминанта решения сложных жизненных проблем».

Список литературы

- Абдуллаева М.М.* Личностные и организационные ресурсы профилактики выгорания медицинских работников хосписа // Выгорание и профессионализация: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Лукьянова, А.Б. Леоновой, А.А. Обознова, А.С. Чернышева, Н.Е. Водопьяновой. Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. С. 269–294.
- Бектасова М.В., Кацков В.А., Шенарев А.А.* Распространенность и характеристика синдрома «эмоционального выгорания» у медицинского персонала онкологических, фтизиатрических учреждений Приморского края // Гигиена и санитария. 2016. № 5. С. 60–62.
- Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 1999.
- Борисова О.Н., Токарев А.Р., Троицкий М.С.* Профессиональный стресс у врачей (краткий обзор отечественной литературы) // Вестник новых медицинских технологий. 2019. № 6. <https://doi.org/10.24411/2075-4094-2019-16569>
- Водопьянова Н.Е.* Теория и практика противодействия синдрому выгорания // Выгорание и профессионализация: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Лукьянова, А.Б. Леоновой, А.А. Обознова, А.С. Чернышева, Н.Е. Водопьяновой. Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. С. 294–324.
- Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
- Водопьянова Н.Е., Шестакова К.Н.* Позитивный подход к противодействию профессиональному выгоранию // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 3 (35). С. 24.
- Говорин Н.В., Бодагова Е.А.* Синдром эмоционального выгорания у врачей // Оргздрав: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2016. № 1 (3). С. 98–106.
- Золотухина Л.В., Шадрин И.В.* Синдром профессионального выгорания у психиатров и медперсонала психиатрических учреждений // Проблемы исследования синдрома «выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий (в медицинской, психологической и педагогической практике). Курск: КГУ, 2007. С. 62–65.
- Зыкова З.Н., Горбунова Л.А.* Исследование синдрома эмоционального выгорания в группе врачей-стоматологов // Новая Наука: стратегии и векторы развития. 2016. № 118(3). С. 71–74.
- Кобякова О.С., Деев И.А., Куликов Е.С., Хомяков К.В., Тюфиллин Д.С., Загрямова Т.А., Балаганская М.А.* Профессиональное выгорание врачей различных специальностей // Здравоохранение Российской Федерации. 2017. Т. 61. № 6. С. 322–329. <http://dx.doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-6-322-329>
- Леонтьев Д.А.* Мудрость как интегральная характеристика личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 92–106.

- Лукьянов В.В. Синдром выгорания и его взаимосвязь со структурой личности у врачей-наркологов // *Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий*. Курск: КГУ, 2008. С. 198–213.
- Мехтиханова Н.Н. Мудрость как научная категория // *Психологические исследования интеллекта и творчества: материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина (ИП РАН, 7–8 октября 2010 г.)*. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 230–233.
- Мехтиханова Н.Н., Смольсон М.Л. Мудрость – свойство пожилых и адаптированных? // *Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова*. 2013. № 3. С. 36–40.
- Мурашкин М.С., Шаршакова Т.М. Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности врачей // *Проблемы здоровья и экологии*. 2020. Т. 64. № 2. С. 119–123.
- Обознов А.А., Доценко О.Н. Эмоциональная направленность как фактор выгорания // *Выгорание и профессионализация: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Лукьянова, А.Б. Леоновой, А.А. Обознова, А.С. Чернышева, Н.Е. Водопьяновой*. Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. С. 164–178.
- Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности. М.: ИП РАН, 2005. 330 с.
- Панкова С.Н., Азарова О.А., Кумирова О.А. Синдром эмоционального выгорания у врачей-стоматологов // *Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья*. 2019. № 76. С. 102–108.
- Полунина О.В. К вопросу взаимосвязи профессионального выгорания и увлеченности работой // *Выгорание и профессионализация: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Лукьянова, А.Б. Леоновой, А.А. Обознова, А.С. Чернышева, Н.Е. Водопьяновой*. Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. С. 255–269.
- Семенова Н.В., Вяльцин А.С., Авдеев Д.Б., Кузюкова А.В., Мартынова Т.С. Эмоциональное выгорание у медицинских работников // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 2. С. 231–245.
- Чутко Л.С., Козина Н.В. Синдром эмоционального выгорания: клинические и психологические аспекты. М.: МЕДпресс-информ, 2013. 256 с.
- Ardelt M. Empirical assessment of a three-dimensional wisdom scale // *Research on Aging*. 2003. Vol. 25. No 3. Pp. 275–324. <https://doi.org/10.1177/0164027503025003004>
- Baltes P.B., Smith J. The Fascination of Wisdom: Its Nature, Ontogeny, and Function // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. Vol. 3. No 1. Pp. 56–64. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2008.00062.x>
- Benner P. The wisdom of our practice // *American Journal of Nursing*. 2000. Vol. 100. No. 10. Pp. 99–105. <https://doi.org/10.2307/3522335>
- Budziński W., Walkiewicz M., Tartas M. The system of values and styles of success in the medical career: A longitudinal study // *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*. 2018. Vol. 31. No. 6. Pp. 823–835. <https://doi.org/10.13075/ijom.1896.01298>
- Christley Y., McMillan L., McCallum L., O'Neill A. Practical wisdom in nursing practice: A concept analysis. 2012. URL: https://www.rcn.org.uk/_data/assets/pdf_file/0010/445816/Research2012Mo15.pdf
- Clouston T.J. Pearls of wisdom: using the single case study or gem to identify strategies for mediating stress and work-life imbalance in healthcare staff // *Journal of Research in Nursing*. 2019. Vol. 24. No. 1–2. Pp. 61–72. <https://doi.org/10.1177/1744987118809506>
- Csikszentmihalyi M., Seligman M.E. Positive psychology: An introduction // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. No. 1. Pp. 5–14.
- Haggerty L.A., Grace P. Clinical wisdom: The essential foundation of “good” nursing care // *Journal of Professional Nursing*. 2008. Vol. 24. No. 4. Pp. 235–240. <https://doi.org/10.1016/j.profnurs.2007.06.010>
- Hall G.S. Senescence: The last half of life. New York: D. Appleton and Company, 1922.
- Kulatunga-Moruzi C., Norman G.R. Validity of admissions measures in predicting performance outcomes: The contribution of cognitive and non-cognitive dimensions // *Teaching and Learning in Medicine*. 2002. Vol. 14. Pp. 34–42.

- Levey J., Levey M. Mindful leadership for personal and organizational resilience // *Clinical Radiology*. 2019. Vol. 74. Pp. 739–745. <https://doi.org/10.1016/j.crad.2019.06.026>
- Mangione S., Chakraborti C., Staltari G., Harrison R., Tunkel A.R., Liou K.T., ... Kahn M.J. Medical students' exposure to the humanities correlates with positive personal qualities and reduced burnout: a multi-institutional US survey // *Journal of General Internal Medicine*. 2018. Vol. 33. No. 5. Pp. 628–634. <https://doi.org/10.1007/s11606-017-4275-8>
- Matney S.A., Brewster P.J., Sward K.A., Cloyes K.G., Staggers N. Philosophical approaches to the nursing informatics data-information-knowledge-wisdom framework // *Advances in Nursing Science*. Vol. 34. No. 1. Pp. 6–18. <https://doi.org/10.1097/ANS.0b013e3182071813>
- Matney S.A., Maddox L.J., Staggers N. Nurses as knowledge workers: Is there evidence of knowledge in patient handoffs? // *Western Journal of Nursing Research*. 2014. Vol. 36. No. 2. Pp. 171–190. <https://doi.org/10.1177/0193945913497111>
- Medical Professionalism: Best Practices / ed. by R.L. Byyny, M.A. Papadakis, D.S. Paauw. Menlo Park, CA: Alpha Omega Alpha Honor Medical Society, 2015. URL: <http://alphaomegaalpha.org/pdfs/2015MedicalProfessionalism.pdf>
- Papagiannis A. Eliot's Triad: Information, Knowledge and Wisdom in Medicine // *Hektoen International Journal of Medical Humanities*. 2014. URL: <http://hekint.org/2017/01/29/eliot-triad-information-knowledge-and-wisdom-in-medicine/>
- Price P.B., Lewis E.G., Loughmiller G.C., Nelson D.E., Murray S.L., Taylor C.W. Attributes of a good practicing physician // *Academic Medicine*. 1971. Vol. 46. No. 3. Pp. 229–237.
- Rogers J.C., Coutts L. Do students' attitudes during preclinical years predict their humanism as clerkship students? // *Academic Medicine*. 2000. Vol. 75. No. 10. Pp. 74–77.
- Shih E.C., Hou W.L., Lin P.L., Hsiao S.M., Sun C.A., Chou Y.C., Yang T. Personal Characteristics, Workplace Stressors, and Occupational Burnout among Psychiatric Nurses in Southern Taiwan – A Cross-sectional Study // *Nursing and Health*. 2016. Vol. 4. No. 2. Pp. 15–23. <https://doi.org/10.13189/nh.2016.040201>
- Smith J.M. Surgeon Coaching: Why and How // *Journal of Pediatric Orthopaedics*. 2020. Vol. 40. Pp. 33–37. <https://doi.org/10.1097/BPO.0000000000001541>
- Wang L., Wang H., Shao S., Jia G., Xiang J. 2020. Job Burnout on Subjective Well-Being Among Chinese Female Doctors: The Moderating Role of Perceived Social Support // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00435>

История статьи:

Поступила в редакцию: 7 сентября 2020 г.

Принята к печати: 15 ноября 2020 г.

Для цитирования:

Мехтиханова Н.Н., Мурзина Ю.С., Русакова Ю.Е. Мудрость как фактор предотвращения эмоционального выгорания медицинских работников // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 4. С. 685–704. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-685-704>

Сведения об авторах:

Мехтиханова Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1531-6265>; eLIBRARY SPIN-код: 4878-2248. E-mail: natnik1@list.ru

Мурзина Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8616-4422>; eLIBRARY SPIN-код: 2882-6129; Scopus Author ID: 583010. E-mail: j.s.murzina@yandex.ru

Русакова Юлия Евгеньевна, студентка Института психологии и педагогики, проходящая обучение по программе профессиональной переподготовки «Практический психолог», Тюменского государственного университета; специалист по кадрам сектора управления персоналом Областной клинической больницы (Тюмень, Россия). E-mail: yuliya-rus@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-685-704

Research article

Wisdom as a Factor in Preventing Emotional Burnout among Medical Professionals

Natalya N. Mekhtikhanova¹, Julia S. Murzina², Julia E. Rusakova²

¹Yaroslavl Demidov State University
14 Sovetskaya St, Yaroslavl, 150003, Russian Federation

²Tyumen State University
6 Volodarsky St, Tyumen, 625003, Russian Federation

Abstract. The authors of this article examine wisdom as an internal resource in a sample of medical workers that can prevent the development of unhealthy deviations and preserve professional and life longevity. The aim of this work was to study the relationship between wisdom and emotional burnout in medical personnel. The article provides a theoretical analysis of the study of emotional burnout in medical workers, offers a description of the phenomenon of wisdom, and describes foreign empirical research on wisdom in the medical field. To collect data, the authors used *The Level of Wisdom Questionnaire* by N.N. Mehtikhanova and *The Inventory for Diagnosing Emotional Burnout* by V.V. Boyko. An empirical study conducted with 184 employees of the Tyumen Regional Clinical Hospital found signs of emotional burnout in 53.8% of the respondents. A comparison of groups of the surveyed medical workers having different levels of emotional burnout revealed significant differences in terms of wisdom. A correlation analysis showed a negative relationship between wisdom and emotional burnout of the medical personnel ($r_s = -0.48$, $p < 0.001$). A comparison between the groups of male and female respondents showed significant differences in terms of wisdom ($U = 1267.50$, $p = 0.016$) and in terms of emotional burnout ($U = 1253.00$, $p = 0.013$): wisdom was higher in the group of men, while emotional burnout was higher in the group of women. A pairwise comparison using the Mann – Whitney U -test revealed differences in wisdom between the groups of junior medical personnel and managers ($U = 31.00$, $p = 0.007$) as well as between the groups of nurses and managers ($U = 326.00$, $p < 0.001$). Wisdom in both cases was higher for the group of managers. In sum, results of this study found that wisdom helps medical personnel resist burnout syndrome. The formation of this quality will help medical workers to better preserve their mental health and professional longevity.

Key words: wisdom, emotional burnout, age differences, gender differences, senior and junior medical personnel

Acknowledgements and Funding. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, as part of the scientific project No. 19-013-00849 “Wisdom as a determinant of solving complex life problems”.

References

- Abdullayeva, M.M. (2013). Personal and organizational resources for prevention of burnout of hospice medical workers. In V.V. Lukyanov, A.B. Leonova, A.A. Oboznov, A.S. Chernyshev, & N.E. Vodopyanova (Eds.), *Burnout and professionalization* (pp. 269–294). Kursk: Kursk State University Publ. (In Russ.)
- Ardelt, M. (2003). Empirical assessment of a three-dimensional wisdom scale. *Research on Aging*, 25(3), 275–324. <https://doi.org/10.1177/0164027503025003004>
- Baltes, P.B., & Smith, J. (2008). The Fascination of Wisdom: Its Nature, Ontogeny, and Function. *Perspectives on Psychological Science*, 3(1), 56–64. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2008.00062.x>
- Bektasova, M.V., Kaptsov, V.A., & Sheparev, A.A. (2016). Prevalence and characteristics of the “emotional burnout” syndrome in medical personnel of oncological and phthisiological institutions of the Primorsky territory. *Hygiene and Sanitation*, (5), 60–62. (In Russ.)
- Benner, P. (2000). The wisdom of our practice. *American Journal of Nursing*, 100(10), 99–105. <https://doi.org/10.2307/3522335>
- Borisova, O.N., Tokarev, A.R., & Troitsky, M.S. (2019). Professional stress in doctors (a brief review of domestic literature). *Bulletin of New Medical Technologies. Journal of New Medical Technologies*, (6). (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2075-4094-2019-16569>
- Boyko, V.V. (1999). *Burnout syndrome in professional communication*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Budziński, W., Walkiewicz, M., & Tartas, M. (2018). The system of values and styles of success in the medical career: A longitudinal study. *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*, 31(6), 823–835. <https://doi.org/10.13075/ijomeh.1896.01298>
- Byyny, R.L., Papadakis, M.A., & Paauw D.S. (Eds.). (2017). *Medical professionalism: Best practices*. Menlo Park, CA: Alpha Omega Alpha Honor Medical Society. Retrieved from <http://alphaomegaalpha.org/pdfs/2015MedicalProfessionalism.pdf>
- Christley, Y., McMillan, L., McCallum, L., & O’Neill, A. (2012). *Practical wisdom in nursing practice: A concept analysis*. Retrieved from https://www.rcn.org.uk/_data/assets/pdf_file/0010/445816/Research2012Mo15.pdf
- Chutko, L.S., & Kozina, N.V. (2013). *Emotional burnout Syndrome. Clinical and psychological aspects*. Moscow: Medpress-inform Publ. (In Russ.)
- Clouston, T.J. (2019). Pearls of wisdom: Using the single case study or gem to identify strategies for mediating stress and work-life imbalance in healthcare staff. *Journal of Research in Nursing*, 24(1–2), 61–72. <https://doi.org/10.1177/1744987118809506>
- Csikszentmihalyi, M., & Seligman, M.E. (2000). Positive psychology: An introduction. *American Psychologist*, 55(1), 5–14.
- Govorin, N.V., & Bodagova, E.A. (2016). Burnout syndrome in doctors. *Orgzdrav: News. Opinions. Training. Bulletin VSHOUZ*, 1(3), 98–106. (In Russ.)
- Haggerty, L.A., & Grace, P. (2008). Clinical wisdom: The essential foundation of “good” nursing care. *Journal of Professional Nursing*, 24(4), 235–240. <https://doi.org/10.1016/j.profnurs.2007.06.010>
- Hall, G.S. (1922). *Senescence: The last half of life*. New York: D. Appleton and Company.
- Kobyakova, O.S., Deev, I.A., Kulikov, E.S., Khomyakov, K.V., Tyufilin, D.S., Zagromova, T.A., & Balaganskaya, M.A. (2017). Professional burnout of doctors of various specialties. *Healthcare of the Russian Federation*, 61(6), 322–329. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-6-322-329>
- Kulatunga-Moruzi, C., & Norman, G.R. (2002). Validity of admissions measures in predicting performance outcomes: The contribution of cognitive and non-cognitive dimensions. *Teaching and Learning in Medicine*, 14(1), 34–42.
- Leontiev, D.A. (2011). Wisdom as an integral characteristic of personal potential. In D.A. Leontiev (Ed.), *Personal potential: structure and diagnostics* (pp. 92–106). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Levey, J. & Levey, M. (2019). Mindful leadership for personal and organizational resilience. *Clinical Radiology*, 74, 739–745. <https://doi.org/10.1016/j.crad.2019.06.026>

- Lukyanov, V.V. (2008). Burnout Syndrome and its relationship with the personality structure of narcologists. In *Modern problems of research of burnout syndrome in specialists of communicative professions* (pp. 198–213). Kursk: Kursk State University Publ. (In Russ.)
- Mangione, S., Chakraborti, C., Staltari, G., Harrison, R., Tunkel, A.R., Liou, K.T., ... & Kahn M.J. (2018). Medical students' exposure to the humanities correlates with positive personal qualities and reduced burnout: a multi-institutional US survey. *Journal of General Internal Medicine*, 33(5), 628–634. <https://doi.org/10.1007/s11606-017-4275-8>
- Matney, S.A., Brewster, P.J., Sward, K.A., Cloyes, K.G., & Staggers, N. (2011). Philosophical approaches to the nursing informatics data-information-knowledge-wisdom framework. *Advances in Nursing Science*, 34(1), 6–18. <https://doi.org/10.1097/ANS.0b013e3182071813>
- Matney, S.A., Maddox, L.J., & Staggers, N. (2014). Nurses as knowledge workers: Is there evidence of knowledge in patient handoffs? *Western Journal of Nursing Research*, 36(2), 171–190. <https://doi.org/10.1177/0193945913497111>
- Mekhtikhanova, N.N. (2010). Wisdom as a scientific category. In *Psychological research of intelligence and creativity: Proceedings of conference dedicated to the memory of Y.A. Ponomarev and V.N. Druzhinin* (pp. 230–233). Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (In Russ.)
- Mekhtikhanova, N.N., & Smulson, M.L. (2013). Is wisdom a property of the elderly and the adapted? *Bulletin of the Kostroma State University*, (3), 36–40. (In Russ.)
- Murashkin M.S., & Sharshakova, T.M. (2020). Emotional burnout Syndrome in the professional activity of doctors. *Health and Environmental Issues*, 64(2), 119–123. (In Russ.)
- Oboznov A.A., & Dotsenko, O.N. (2013). Emotional orientation as a burnout factor. In V.V. Lukyanov, A.B. Leonova, A.A. Oboznov, A.S. Chernyshev, N.E. Vodopyanova (Eds.), *Burnout and professionalization* (pp. 164–178). Kursk: Kursk state University Publ. (In Russ.)
- Orel, V.E. (2005). *Syndrome of mental burnout of the personality*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (In Russ.)
- Pankova, S.N., Azarova, O.A., & Kumirova, O.A. (2019). Syndrome of emotional burnout in dentists. *Scientific and Medical Bulletin of the Central Chernozem region*, (76), 102–108. (In Russ.)
- Papagiannis, A. (2017). Eliot's Triad: Information, Knowledge and Wisdom in Medicine. *Hektoen International Journal of Medical Humanities*. <http://hekint.org/2017/01/29/eliot-triad-information-knowledge-and-wisdom-in-medicine/>
- Polunina, O.V. (2013). On the relationship between professional burnout and work passion. In V.V. Lukyanov, A.B. Leonova, A.A. Oboznov, A.S. Chernyshev, & N.E. Vodopyanova (Eds.), *Burnout and professionalization* (pp. 255–269). Kursk: Kursk State University Publ. (In Russ.)
- Price, P.B., Lewis, E.G., Loughmiller, G.C., Nelson, D.E., Murray, S.L., & Taylor, C.W. (1971). Attributes of a good practicing physician. *Academic Medicine*, 46(3), 229–237.
- Rogers J.C., & Coutts, L. (2000). Do students' attitudes during preclinical years predict their humanism as clerkship students? *Academic Medicine*, 75(10), 74–77.
- Semenova, N.V., Vyaltsin, A.S., Avdeev, D.B., Kuzyukova, A.V., & Martynova, T.S. (2017). Emotional burnout in medical workers. *Modern Problems of Science and Education*, (2), 231–245. (In Russ.)
- Shih, E.C., Hou, W.L., Lin, P.L., Hsiao, S.M., Sun, C.A., Chou, Y.C., & Yang, T. (2016). Personal Characteristics, Workplace Stressors, and Occupational Burnout among Psychiatric Nurses in Southern Taiwan – A Cross-sectional Study. *Nursing and Health*, 4(2), 15–23. <https://doi.org/10.13189/nh.2016.040201>
- Smith, J.M. (2020). Surgeon Coaching: Why and How. *Journal of Pediatric Orthopaedics*, 40, 33–37. <https://doi.org/10.1097/BPO.0000000000001541>
- Vodopyanova, N.E. (2013). Theory and practice of countering burnout syndrome. In V.V. Lukyanov, A.B. Leonova, A.A. Oboznov, A.S. Chernyshev, & N.E. Vodopyanova (Eds.), *Burnout and professionalization* (pp. 294–324). Kursk: Kursk State University Publ. (In Russ.)

- Vodopyanova, N.E., & Shestakova, K.N. (2014). Positive approach to counteracting professional burnout. *Modern Research on Social Problems*, 3(35), 24. (In Russ.)
- Vodopyanova, N.E., & Starchenkova, E.S. (2005). *Burnout Syndrome: Diagnostics and prevention*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Wang, L., Wang, H., Shao, S., Jia, G., & Xiang, J. (2020). Job Burnout on Subjective Well-Being Among Chinese Female Doctors: The Moderating Role of Perceived Social Support. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00435>
- Zolotukhina, L.V., & Shadrina, I.V. (2007). Professional burnout syndrome in psychiatrists and medical staff of psychiatric institutions. In *Problems of research of "burnout" syndrome and ways of its correction in specialists of "helping" professions (in medical, psychological and pedagogical practice)* (pp. 62–65). Kursk: Kursk State University Publ. (In Russ.)
- Zykova, Z.N., & Gorbunova, L.A. (2016). Study of emotional burnout syndrome in a group of dentists. *New Science: Strategies and Vectors of Development*, 118(3), 71–74. (In Russ.)

Article history:

Received: 7 September 2020

Revised: 30 October 2020

Accepted: 15 November 2020

For citation:

Mekhtikhanova, N.N., Murzina, J.S., & Rusakova, J.E. (2020). Wisdom as a Factor in Preventing Emotional Burnout among Medical Professionals. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 685–704. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-685-704>

Bio notes:

Natalya N. Mekhtikhanova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor of the General Psychology Department of Yaroslavl Demidov State University (Yaroslavl, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1531-6265>; eLIBRARY SPIN-code: 4878-2248. E-mail: natnik1@list.ru

Julia S. Murzina, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor of Department of General and Social Psychology of University of Tyumen (Tyumen, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8616-4422>; eLIBRARY SPIN-code: 2882-6129; Scopus Author ID: 583010. E-mail: j.s.murzina@yandex.ru

Julia E. Rusakova is student of the professional retraining program “Practical Psychologist” at the Institute of Psychology and Pedagogy of Tyumen State University; HR specialist of the Personnel Management Department of the Regional Clinical Hospital (Tyumen, Russia). E-mail: yuliya-rus@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-705-718

UDC 316.6

Research article

The Relationships between Moral Foundations, Social Beliefs and Attitudes towards Economic Inequality among Russian Youth: A Case Study of Altai Krai

Oleg A. Sychev, Irina N. Protasova

*Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy
53 Korolenko St, Biysk, 659333, Russian Federation*

Abstract. This article presents the results of an empirical study on the relationships between moral foundations, social beliefs and attitudes towards economic inequality among young people. The topic of attitudes towards economic inequality has primarily been considered by sociologists and economists in the context of group differences, while its psychological factors and correlations have remained understudied. Different negative consequences of economic inequality can be mediated by such psychological mechanisms as subjective perception of existing inequality or personal attitudes towards it, which indicate the significance of this problem. In our study, we put forward a hypothesis that attitudes towards economic inequality among young people are related to moral foundations and social beliefs. To test this hypothesis, a study was conducted with a sample of 215 students (21% of the sample were male). The subjects completed *The Scales of Dangerous World Beliefs* and *Jungle World Beliefs* by J. Duckitt, *The Moral Foundations Questionnaire* by J. Graham and colleagues, and *The Scale of Beliefs about Inequality* by J. Kluegel and E. Smith. One of the objectives of this study was the development of a Russian version of the questionnaire by J. Kluegel and E. Smith, which full version is given in the appendix of the article. The correlations revealed that attitudes towards inequality are related to moral foundations (fairness, purity, and loyalty) and beliefs in a jungle world. Additionally, structural equation modeling has shown that approval of equality and inequality is most closely related to family welfare. Furthermore, this study found that the relationship between attitudes towards inequality and individualizing moral foundations is mediated by beliefs in a jungle world. Thus, sense of fairness and the value of caring for the weak and defenseless is opposed to beliefs in a jungle world and approval of inequality.

Key words: economic inequality, moral foundations theory, fairness, social beliefs, beliefs in a jungle world

Introduction

Economic inequality has attracted considerable attention of economists, sociologists and, more recently, psychologists due to the many negative consequences of excessive inequality (Norton, Ariely, 2011; Telin, 2019; Zhuravlev, Yurevich,

---

© Sychev O.A., Protasova I.N., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

2018). The danger of excessive inequality was recently analyzed in detail by A.L. Zhuravlev and A.V. Yurevich (2018), who not only listed its consequences in various spheres of public life but also raised the question of their socio-psychological mediation. Inequality is a concern not only for scientists: according to a study conducted by Ipsos Group S. A. in 28 countries (March 2018), poverty and social inequality are among the most worrisome threats in these countries and, very significantly, our compatriots mentioned this threat much more often than most others did (see Nestik, Zhuravlev, 2018. P. 27). One of the difficulties in the study of economic inequality is that it is not limited to economic indicators but also includes the subjective aspect of perception or assessment of inequality (Telin, 2019), so the growing interest in this problem on the part of psychologists seems to be quite natural.

Perceptions of and attitudes towards inequality have been studied primarily in economics and sociology, with a focus on the differences between various social groups. In particular, it has been found that wealthy people treat income inequality better than poor people do (Roex et al., 2019). Along with the level of welfare, attitudes towards inequality are influenced by myths or narratives that reflect ideas about the causes of wealth, inequality and social order. For example, a positive attitude towards inequality in society is supported by the narratives of “procedural justice” (the poor and the rich have equal rights and opportunities) and “middle class” (the growth of the middle class eliminates the contradiction between the poor and the rich) (Larsen, 2016). In the context of attitudes towards inequality, the meritocratic beliefs are also important, implying that wealth and status are deservedly acquired. It is known that such perceptions in society reinforce the polarisation of views on inequality between the rich and the poor (Roex et al., 2019). This is explained in terms of social identity theory by the fact that it is difficult for the poor to maintain a positive identity by accepting such beliefs; therefore, they are more likely to reject them and less likely to justify inequality.

In the subjective dimension of inequality, different aspects can be distinguished, whereas most of the research is centred on two sides of it, designated by the concepts of ‘perceived inequality’ and ‘attitudes towards inequality’. Perceived inequality characterises an individual’s perception of how unequally resources are distributed within society (Kim et al., 2018). To assess this aspect, questionnaires (García-Castro et al., 2019) or various less formalised procedures are used, including graphical scales, diagrams, and questions that reveal ideas about the distribution of resources in society (Norton, Ariely, 2011). Using these methods, it is possible to obtain data only on how great, according to respondents, the differences in the level of welfare in society are, but their attitudes towards these differences is not the subject of assessment. Another subjective aspect of inequality, in contrast, reflects not the perceived distribution of resources, but how people treat economic inequality, i.e. whether they support or reject it. Attitudes towards inequality are also measured using standardized questionnaires, the content of which is directly related to support or rejection of inequality (Kluegel, Smith, 1986; Wiwad et al., 2019) or questions that require respondents to express their preferences, choosing a more or less equal distribution of income in society (Norton, Ariely, 2011).

In various sciences, important information has been obtained describing the perception of inequality and attitudes towards it in various social groups; however, individual differences in attitudes towards inequality associated with psy-

chological characteristics remain poorly understood. Among the probable psychological factors that determine attitudes towards inequality are social beliefs reflecting a person's ideas about what the essence of other people is, how they behave in relation to others and how to respond to their actions (Gulevich et al., 2014). Social beliefs mediate the relationship between personality traits and personal attitudes, influencing socio-political views in relation to a variety of social objects, phenomena and the choice of life goals.

In the context of the problem of economic inequality, the most interesting social belief is the belief in a competitive (jungle) world, which includes the belief that other people are rivals and, in order to win the competition, it is necessary to use all opportunities, not limiting oneself by moral norms, since others behave in a similar way. The belief in a jungle world is the basis of a social dominance orientation that includes approval of social inequality and intragroup hierarchy (Duckitt et al., 2002). In the available literature, we failed to find studies of the relationship between social beliefs and attitudes towards income inequality, but we can assume the existence of this relationship, given the similar content of the constructs 'attitude to inequality' and 'commitment to social dominance'. Less relevant to the problem of attitudes towards inequality is another social belief, namely, the belief in a dangerous world, which implies that society is chaotic, unpredictable and unsafe (Duckitt et al., 2002).

Inequality is often frowned upon because it contradicts some moral norms and ideas about a just society. In this regard, among the factors influencing attitudes towards inequality, we should take into account the peculiarities of a person's moral sphere, which can be characterised in terms of Moral Foundations Theory (MFT) (Haidt, Bjorklund, 2008; Graham et al., 2013). The founder of this theory, a prominent representative of positive psychology, J. Haidt, repeatedly drew attention to the fact that deep differences in the moral sphere are hidden behind political and economic discussions (Haidt et al., 2009; Randazzo, Haidt, 2015).

According to MFT, there are five main 'dimensions' of morality, reflecting the generalised criteria of moral assessment, namely *Care*, *Fairness*, *Loyalty*, *Authority* and *Purity* (or *Sanctity*). The first two dimensions are called 'individualizing' moral foundations, since they mainly concern the relationship between individuals, while the other three are 'binding', since they are more concerned with the relationship between individuals and society. This approach is quite fully both in English-language (Haidt, Bjorklund, 2008; Haidt et al., 2009; Graham et al., 2011; Graham et al., 2013) and Russian-language publications (Zaikin, 2017; Kozlova, Kozlov, 2016; Sychev et al., 2016), so there is no need for its detailed consideration. Note that in a recent MFT-based study conducted by A. Franks and K. Scherr data were obtained that attitudes towards inequality are indeed associated with the characteristics of the moral sphere (Franks, Scherr, 2019). The greatest contribution to attitudes towards inequality was shown by the moral foundations of Fairness and Purity. In addition, their work fully confirmed the conclusions of M. Norton and D. Ariely that most Americans significantly underestimate the real degree of inequality existing in their country but still believe that inequality must be reduced (Norton, Ariely, 2011).

Thus, based on a review of past research, it has been suggested that young people's attitudes towards economic inequality are related to moral foundations and social beliefs, with the latter acting as a mediator of the relationship between

the moral sphere and attitudes towards inequality. Among the factors, the influence of which on attitudes towards inequality must be controlled, we took into account *Gender*, *Age* and *Material Welfare*. Since there is no reliable instrument for measuring attitudes towards inequality, one of our tasks was to develop a Russian version of *The Scale of Beliefs about Inequality* by J. Kluegel and E. Smith (Kluegel, Smith, 1986) with a preliminary analysis of its psychometric characteristics. This questionnaire was chosen due to its good theoretical validity and a long history of use in combination with acceptable psychometric characteristics.

Methods

Participants. The study involved 215 full-time and part-time students of Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy at the age from 18 to 35 years, the average age = 25.37, the standard deviation = 5.41, the proportion of men in the sample = 21%. The sample composition of young and middle-aged people was one of the reasons for using Age as a control variable in data analysis.

Research methods. To assess attitudes towards social inequality, we used an adapted version of *The Scale of Beliefs about Inequality* (Kluegel, Smith, 1986). When developing the questionnaire, the authors relied on the concept of inequality arising from three main socio-economic approaches: (1) *structural functionalism* (considering inequality as a natural consequence of different contributions made by different people to society), (2) *A. Smith's classical political economy* (interpreting inequality as a consequence of actions of capital owners) and (3) *Marxist theory* (considering inequality as a factor in class struggle, social conflict). This questionnaire includes 11 statements: seven of them measure the degree of acceptance of income inequality in society and the remaining four assess the preference for more equality. Previous studies have shown a two-factor structure of the questionnaire, corresponding to the equality and inequality scales with satisfactory reliability of each of the scales (0.65 and 0.88, respectively) (Bullock et al., 2003). While developing the Russian-language version, two specialists (a psychologist and a linguist) independently prepared a translation of the text of the items, which was then discussed in terms of its compliance with the original, on the one hand, and the realities of Russian society, on the other hand. After the wording was clarified, the text was used for the survey (see the full Russian version in Appendix). Data on the factor structure and reliability of the scales for the proposed version of the questionnaire are given below in the “Results” section. In a quantitative assessment of the results, the average values of estimates were calculated for the statements included in the factors ‘approval of equality’ (Statements 1–4, all direct, see the text in Table 2) and ‘approval of inequality’ (Statements 5–11, all direct).

Social beliefs were measured using J. Duckit’s scales designed to diagnose dangerous world belief and jungle world beliefs, as adapted by O.A. Gulevich, O.A. Anikeenok and I.A. Bezmenova (Gulevich et al., 2014). Each of the scales includes 12 statements, agreement with which must be assessed on a five-point scale. The reliability coefficient values (hereinafter, Cronbach’s α are given) in this study were 0.69 for the scale of beliefs in a dangerous world and 0.77 for the scale of beliefs in a jungle world.

To diagnose the moral sphere, we used *The Moral Foundations Questionnaire* by J. Graham and others (Graham et al., 2011) adapted by O.A. Sychev, I.N. Pro-

tasova and K.I. Belousov (Sychev et al., 2018). The questionnaire consists of 30 tasks (two parts of 15 items each), forming five scales, namely *Care*, *Fairness*, *Loyalty*, *Authority* and *Purity*. The processing of the results included the calculation of the mean scores for each respondent on the scales as well as the mean scores on the second-level scales: *Individualizing moral foundations*, including the scales of Care and Fairness, and *Binding moral foundations*, formed by the scales of Loyalty, Authority and Purity. Besides that, an additional indicator was used, i.e., *the coefficient of progressivism*, which characterises the balance between the individualizing and binding moral foundations and is calculated as the difference between them.

The reliability coefficients of the five first-level scales in this study ranged from 0.67 to 0.74; for the individualizing and binding moral foundations, they were 0.83 and 0.85, respectively.

To assess material welfare, we used the *Index of Current Family Welfare* scale from the questionnaire of subjective economic welfare by V.A. Khashchenko (Khashchenko, 2011), which includes four items with a five-point scale of answers. This questionnaire is the only Russian-language tool for assessing subjective economic welfare with proven validity and reliability. The reliability coefficient of the scale in our study was 0.84.

In the process of quantitative data processing, the methods of correlation analysis (Pearson correlation coefficient), comparative analysis (Mann – Whitney *U*-test) and exploratory factor analysis were applied using the Jamovi 1.0.7 statistical software. In addition, a confirmatory factor analysis and structural linear modelling were carried out in the Mplus 7 program using the robust maximum likelihood (MLR) algorithm. To assess the statistical significance of media effects in the structural model, a bootstrap analysis (5000 samples) was performed in the Mplus 7 program using the “Model indirect” function (Wang J., Wang X., 2020).

Results

The study of the structure of the questionnaire of attitudes towards inequality began with an exploratory factor analysis (EFA). The suitability of the data for the EFA is evidenced by the values of Bartlett’s ($\chi^2(55) = 686, p < 0.001$) and Kaiser – Meyer – Olkin (KMO = 0.815) tests. Table 1 shows the results of the EFA presented by the “Minimum Residuals” method with the oblique rotation of the “Oblimin” factors. Based on the results of a parallel analysis, two correlating factors were identified (the correlation coefficient between the factors was 0.48), explaining 44% of the variance. The first factor included all the seven items on the Inequality Approval Scale, while the second factor was formed by the four items on the Equality Approval Scale.

For a further analysis of the structure of the questionnaire of attitudes towards inequality, a confirmatory factor analysis was carried out. The one-factor model showed unsatisfactory fit to the data: $\chi^2 = 157.07; df = 42; p < 0.001; CFI = 0.766; TLI = 0.693; RMSEA = 0.113; 90\% \text{ confidence interval for RMSEA: } 0.094\text{--}0.132; PCLOSE = 0.000; N = 215$. The two-factor model with two correlating factors corresponding to the equality and inequality approval scales, showed significantly better, although still not entirely acceptable fit indices: $\chi^2 = 96.73; df = 43; p < 0.001; CFI = 0.891; TLI = 0.860; RMSEA = 0.076; 90\% \text{ confidence interval for RMSEA: } 0.056\text{--}0.097; PCLOSE = 0.018; N = 215$.

Table 1

Factor loadings of items in *The Scale of Beliefs about Inequality* (N = 215)

Items	Factor 1	Factor 2
1. More income equality would allow my family to live better	0.03	0.71
2. More income equality would avoid conflicts between people at different levels	-0.05	0.71
3. Incomes should be more equal, because every family's needs for food, housing, and so on, are the same	0.02	0.84
4. Incomes should be more equal, because everybody's contribution to society is equally important	-0.13	0.58
5. If incomes were more equal, nothing would motivate people to work hard	0.56	0.04
6. Incomes cannot be made more equal since people's abilities and talents are unequal	0.55	-0.02
7. Incomes should not be more equal since the rich invest in the economy, creating jobs and benefits for everyone	0.43	-0.23
8. If incomes were more equal, life would be boring because people would all live in the same way	0.63	0.01
9. Incomes cannot be made more equal since it's human nature to always want more than others have	0.57	0.23
10. Incomes should not be made more equal, since that would keep people from dreaming of someday becoming a real success	0.74	-0.03
11. Making incomes more equal means socialism, and that deprives people of individual freedoms	0.67	-0.12

Note. Factor loadings greater than 0.40 are shown in boldface.

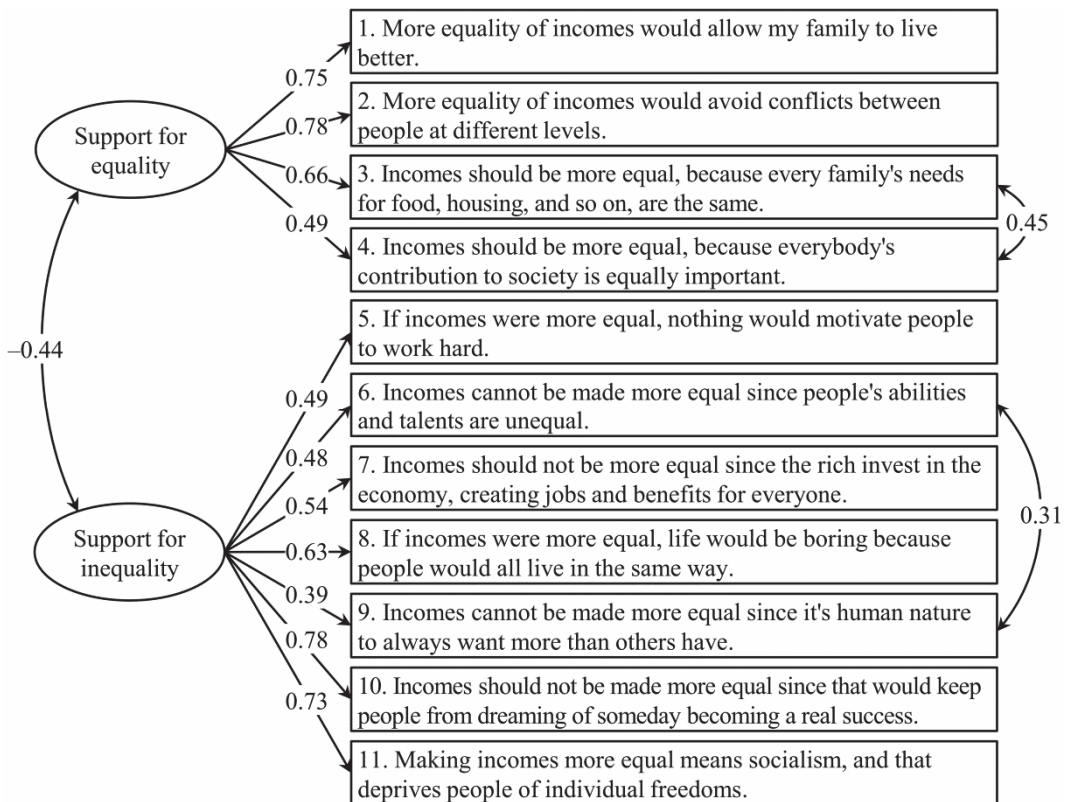

Figure 1. Russian version of *The Scale of Beliefs about Inequality*

An analysis of the Lagrange Multiplier Test values showed that two covariances can be added to the model between the items with similar contents, in which similar formulations are used (see Figure 1). After these covariances were added to the model, the values of fit indices became quite acceptable: $\chi^2 = 57.61$; $df = 41$; $p < 0.044$; CFI = 0.966; TLI = 0.955; RMSEA = 0.043; 90% confidence Interval for RMSEA: 0.007–0.068; PCLOSE = 0.641; $N = 215$.

Given in Table 2 Cronbach's α of the equality and inequality approval scales indicate their high reliability (α not less than 0.78). The analysis of descriptive statistics suggests a weak asymmetry of the distribution by the scales (the absolute values of skewness does not exceed 0.13), confirming the admissibility of using parametric methods in the analysis of these scales.

Table 2

Descriptive statistics and correlations of attitude toward inequality, social beliefs and moral foundations (N = 215)

Scales and indicators	1. AE	2. AI	3. BDW	4. DJW	5. FW
1. Approval of equality (AE)	–				
2. Approval of inequality (AI)	–0.35***	–			
3. Belief in a dangerous world (BDW)	0.20**	–0.12	–		
4. Belief in a jungle world (BJW)	–0.16*	0.19**	–0.03	–	
5. Index of current family welfare (FW)	–0.20**	0.29***	–0.15*	0.01	–
6. Coefficient of progressivism	0.07	–0.05	0.14*	–0.30***	–0.12
7. Individualizing moral foundations	0.19**	–0.09	0.09	–0.38***	–0.12
8. Binding moral foundations	0.12	–0.04	–0.06	–0.09	–0.01
9. Care	0.14*	–0.02	0.05	–0.36***	–0.09
10. Fairness	0.22**	–0.15*	0.12	–0.36***	–0.14*
11. Loyalty	0.13*	–0.05	–0.12	–0.09	0.04
12. Authority	0.02	0.02	–0.02	0.05	0.03
13. Purity	0.16*	–0.06	0.00	–0.17*	–0.08
14. Age	–0.08	0.00	–0.12	–0.04	–0.38***
Cronbach's α	0.79	0.80	0.69	0.77	0.84
Mean	3.57	3.05	3.24	2.45	2.83
Standard deviation	0.76	0.71	0.46	0.53	0.69
Skewness	–0.13	0.09	–0.06	–0.12	0.13
Kurtosis	0.35	0.63	1.39	–0.07	–0.09

Note. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. The number of variables in columns corresponds to the numbers of variables in rows.

Pearson's correlation coefficients between the measured indicators (see Table 2) suggest the presence of significant association between the approval scales for equality and inequality, both with social beliefs and with moral foundations as well as with the family welfare index. In particular, the approval of equality shows a direct statistically significant correlation with the belief in a dangerous world (0.20; $p < 0.01$) and inverse – with the belief in a jungle world (–0.16; $p < 0.05$). The approval of inequality demonstrates a direct significant relationship only with the belief in a jungle world (0.19; $p < 0.01$). Consequently, people who believe in the danger of the world around them are more likely to prefer social equality, while those who believe in a jungle world are less likely to approve of equality and more likely to prefer inequality.

The expected correlations were obtained between the indicators of attitudes towards inequality and the index of family welfare: the inverse – for the approval

of equality (-0.20 ; $p < 0.01$) and the direct – for the approval of inequality (0.29 ; $p < 0.001$). These correlations mean that people who assess their family's welfare relatively highly tend to prefer inequality to equality.

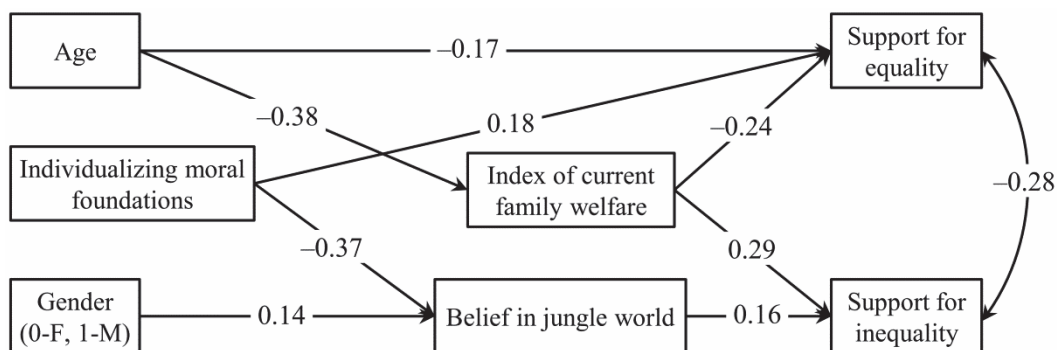
The correlations of the indicators of attitudes towards inequality with the coefficient of progressivism are not statistically significant, however, a significant relationship with the approval of equality was found for the individualizing moral foundations in general (0.19 ; $p < 0.01$), as well as the scales of *Care* (0.14 ; $p < 0.05$), *Fairness* (0.22 ; $p < 0.01$), *Loyalty* (0.13 ; $p < 0.05$) and *Purity* (0.16 ; $p < 0.05$). The approval of inequality showed the only weak inverse relationship with *Fairness* (-0.15 ; $p < 0.05$). Thus, the only moral foundation associated with both scales of attitudes towards inequality, was *Fairness*, and it also demonstrates the strongest connection with the approval of equality. The binding moral foundations – *Loyalty* and *Purity* – are also correlated with a positive attitude towards equality, but the association is rather weak.

The results of the correlation analysis also indicate the presence of a relationship between the moral foundations and beliefs in a jungle world: significant negative correlations were found for the moral foundations *Care* (-0.36 ; $p < 0.001$) and *Fairness* (-0.36 ; $p < 0.001$), a weak but significant relationship was also shown by *Purity* (-0.17 ; $p < 0.05$). The belief in a jungle world also showed a significant inverse relationship with the scale of the individualizing moral foundations (-0.38 ; $p < 0.001$) and the coefficient of progressivism (-0.30 ; $p < 0.001$). The correlations of the moral foundations with the belief in a dangerous world are not statistically significant, although the coefficient of progressivism showed a weak direct relationship with it (0.14 ; $p < 0.05$). Of interest is also the revealed weak feedback between the moral foundation *Fairness* and the family welfare index, which means that people with a lower level of material welfare show greater concern for fairness.

The correlations of attitudes towards inequality with *Age* are not statistically significant. According to the Mann – Whitney *U*-test, no statistically significant differences were found in attitudes towards inequality between men and women. *Age* showed a significant inverse correlation with current family welfare (-0.38 ; $p < 0.001$). The analysis of the differences between men and women using the Mann – Whitney *U*-test shows that men are more likely to believe in a jungle world ($U = 3109$; $Z = 2.65$; $p < 0.01$) while women are more likely to believe in a dangerous world ($U = 3233$; $Z = 2.39$; $p < 0.05$). In addition, the coefficient of progressivism is slightly higher in women ($U = 3468.5$; $Z = 2.14$; $p < 0.05$).

Taking into account the identified correlations and on the basis of theoretically substantiated hypotheses, a structural model was built in which the individualizing moral foundations, beliefs in a jungle world and family welfare were considered as the main predictors of attitudes towards equality and inequality. Moreover, demographic characteristics of the respondents (*Gender* and *Age*) were also included in the model for control. The relationships between the variables were set based on the identified significant correlations, the path coefficients that did not show statistical significance were removed from the model. Based on the analysis of the Lagrange Multiplier Test, the path from *Age* to the approval of equality was added to the model, where it is significant, but the corresponding pair correlation is insignificant (see Table 2). The resulting structural model (see Figure 2) showed excellent fit to the data: $\chi^2 = 17.33$; $df = 12$; $p < 0.138$; CFI = 0.957; TLI = 0.935; RMSEA = 0.045; 90% confidence Interval for RMSEA: 0.000–0.089; PCLOSE = 0.516; $N = 215$.

Figure 2. Structural model of relationships between the moral foundations and social beliefs in a dangerous and jungle world with attitudes towards equality and inequality (all the standardized path coefficients are significant at $p < 0.05$; for the sake of parsimony, the residuals are missed).

The analysis of mediation effects showed that the effects of age on the approval of equality (standardized path coefficient $r = 0.09$; $p < 0.01$) and inequality ($r = -0.11$; $p < 0.01$) mediated through family welfare are statistically significant. The effect of the individualizing moral foundations on the approval of inequality, mediated through the belief in a jungle world, is also statistically significant ($r = -0.06$; $p < 0.05$). The effect of gender on the approval of inequality mediated by the belief in a jungle world is not significant.

Discussion

In the course of the study, we translated and tested the questionnaire for assessing attitudes towards inequality, the results of the approbation testify to its fairly good psychometric characteristics and a factor structure corresponding to our expectations. At the same time, the rather moderate inverse correlation of the factors of attitudes towards equality and inequality indicates that their content is not close enough to consider them as poles of a single construct. In this regard, it is necessary to improve the questionnaire in order to be able to measure the attitude towards equality/inequality as a single construct. The constructive validity of the Russian version of the questionnaire is supported by the expected (based on previous studies (Roex et al., 2019)) relationship between the factors of attitudes towards inequality and the family welfare index, as well as the fact that the closest correlation with attitudes towards inequality (with both its factors) is shown by the moral foundation *Fairness*.

In the course of structural modelling, the dual effect of age on the approval of equality was revealed: the direct effect is inverse, while the one mediated through the current family welfare index is direct. Consequently, if the more mature respondents have a relatively low level of family material welfare, then they are more inclined to approve of equality than younger respondents are. Otherwise, they are less inclined to approve of equality.

The effect of the individualizing moral foundations on the approval of inequality, mediated through the belief in a jungle world, is rather weak, despite the fact that the relationship between the belief in a jungle world and moral foundations is quite significant. Approval of inequality depends more on family welfare than on beliefs in a jungle world and moral foundations. It is not surprising that the attitude towards inequality primarily depends on material welfare, but the results of the study indicate that the characteristics of a person's moral sphere and social beliefs also matter.

The main conclusion that follows from the resulting structural model is that approval of inequality is supported by beliefs in a jungle world, which, in turn, is associated with a “deficiency” of individualizing moral foundations: care and fairness. A keen sense of fairness, coupled with the value of caring for the weak and defenceless, opposes the notion of a ruthless competitive society and approval of inequality. This conclusion is complemented by a psychological portrait of persons holding different positions in relation to economic inequality: staunch supporters and implacable opponents of inequality. The practical significance of the obtained results is associated with more effective party propaganda activities, taking into account the psychological characteristics of target groups.

The limitations of our study include the impossibility of generalization the results to the population of our country, since the sample consisted exclusively of students of Altai Krai. It should also be emphasized that the interpretation of the identified relationships in terms of cause-effect relationships is based only on theoretical concepts, since the design of our study does not allow us to confirm or deny the cause-effect nature of the relationships. Another limitation is associated with insufficient knowledge of the validity of the proposed Russian version of the questionnaire on attitudes towards inequality. An in-depth psychometric analysis of this technique with a thorough study of its validity constitutes the prospect for this study.

Conclusion

In the course of the study, the Russian version of *The Questionnaire of Attitudes Towards Inequality* by J. Kluegel and E. Smith was developed and tested, its two-factor structure and reliability in terms of internal consistency was shown as well as preliminary data were obtained in favour of the construct validity of the questionnaire.

The hypothesis of the relationship between attitudes towards inequality, moral foundations and social beliefs was confirmed. The proposed questionnaire made it possible to show, using the sample of young people in Altai Krai, that attitudes towards inequality are associated with current family welfare, beliefs in a jungle world and individualizing moral foundations, including moral norms of care and fairness.

The beliefs in a jungle world mediate the relationships between the individualizing moral foundations and approval of inequality. Beliefs in a jungle world that maintain positive attitudes towards inequality are characteristic of persons who share to a lesser extent the moral values of care and fairness.

Acknowledgements and Funding. The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-013-00119 “Values and moral foundations of the social worldview of youth”.

References

- Bullock, H.E., Williams, W.R., & Limbert, W.M. (2003). Predicting support for welfare policies: The impact of attributions and beliefs about inequality. *Journal of Poverty*, 7(3), 35–56. https://doi.org/10.1300/J134v07n03_03
- Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., & Birum, I. (2002). The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83(1), 75–93. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.83.1.75>

- Franks, A.S., & Scherr, K.C. (2019). Economic Issues Are Moral Issues: The Moral Underpinnings of the Desire to Reduce Wealth Inequality. *Social Psychological and Personality Science*, 10(4), 553–562. <https://doi.org/10.1177/1948550618772821>
- García-Castro, J.D., Willis, G.B., & Rodríguez-Bailón, R. (2019). I know people who can and who cannot: A measure of the perception of economic inequality in everyday life. *The Social Science Journal*, 56(4), 599–608. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2018.09.008>
- Graham, J., Haidt, J., Koleva, S., Motyl, M., Iyer, R., Wojcik, S., & Ditto, P.H. (2013). Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. *Advances in Experimental Social Psychology*, 47, 55–130. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4>
- Graham, J., Nosek, B.A., Haidt, J., Iyer, R., Koleva, S., & Ditto, P.H. (2011). Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101, 366–385. <https://doi.org/10.1037/a0021847>
- Gulevich, O.A., Anikeenok, O.A., & Bezmenova, I.K. (2014). Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt's Scales. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 11(2), 68–89. (In Russ.)
- Haidt, J., & Bjorklund, F. (2008). Social intuitionists' answer six questions about moral psychology. In *Moral psychology*. Vol 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity (pp. 181–217). Cambridge, MA, US: MIT Press.
- Haidt, J., Graham, J., & Joseph, C. (2009). Above and Below Left – Right: Ideological Narratives and Moral Foundations. *Psychological Inquiry*, 20(2–3), 110–119. <https://doi.org/10.1080/10478400903028573>
- Khashchenko, V.A. (2011). Subjective economic well-being and its measurement: Constructing and validating a questionnaire. *Experimental Psychology (Russia)*, 4(1), 106–127. (In Russ.)
- Kim, H., Huh, S., Choi, S., & Lee, Y. (2018). Perceptions of inequality and attitudes towards redistribution in four East Asian welfare states. *International Journal of Social Welfare*, 27(1), 28–39. <https://doi.org/10.1111/ijsw.12266>
- Kluegel, J.R., & Smith, E.R. (1986). *Beliefs about Inequality: Americans' Views of What is and What Ought to be*. Routledge.
- Kozlova, M.A., & Kozlov, A.I. (2016). The origins of individual-oriented and group-oriented morality: Social-psychological and scientific aspects. *Psikhologicheskii zhurnal*, 37(3), 60–70. (In Russ.)
- Larsen, C.A. (2016). How three narratives of modernity justify economic inequality. *Acta Sociologica*, 59(2), 93–111. <https://doi.org/10.1177/0001699315622801>
- Nestik, T.A., & Zhuravlev, A.L. (2018). *Psikhologiya global'nykh riskov*. Moscow: IP RAN Publ. (In Russ.)
- Norton, M.I., & Ariely, D. (2011). Building a better America – One wealth quintile at a time. *Perspectives on Psychological Science*, 6(1), 9–12. <https://doi.org/10.1177/1745691610393524>
- Randazzo, A., & Haidt, J. (2015). The moral narratives of economists. *Econ Journal Watch*, 12(1), 49–57.
- Roex, K.L., Huijts, T., & Sieben, I. (2019). Attitudes towards income inequality: 'Winners' versus 'losers' of the perceived meritocracy. *Acta Sociologica*, 62(1), 47–63. <https://doi.org/10.1177/0001699317748340>
- Sychev, O.A., Bespalov, A.M., Prudnikova, M.M., & Vlasov, M.S. (2016). Features of Moral Foundations in Mongol, German and Russian Adolescents. *Cultural-Historical Psychology*, 12(1), 85–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2016120109>
- Sychev, O.A., Protasova, I.N., & Belousov, K.I. (2018). Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire. *Russian Psychological Journal*, 15(3), 88–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5>
- Telin, K.O. (2019). Divergence in mind: Why inequality devil is as black as he is painted. *Voprosy Ekonomiki*, (4), 107–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-107-123>
- Wang, J., & Wang, X. (2020). *Structural equation modeling: Applications using Mplus*. Chichester: John Wiley & Sons.
- Wiwad, D., et al. (2019). The support for economic inequality scale: Development and adjudication. *PloS One*, 14(6), e0218685. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0218685>

- Zaikin, V.A. (2017). Moral functioning: Socio-psychological approach. Social intuitionist theory of John Haidt. *National Psychological Journal*, 25(1), 32–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0104>
- Zhuravlev, A.L., & Yurevich A.V. (2018). Izbytochnoe neravenstvo dokhodov kak ugroza bezopasnosti sovremennogo obshchestva. In A.L. Zhuravlev, & D.A. Kitova (Eds.), *Psikhologicheskie issledovaniya global'nykh protsessov: Predposylki, tendentsii, perspektivy*. Moscow: IP RAN Publ. (In Russ.)

APPENDIX

**Russian version of *The Scale of Beliefs about Inequality*
by J. Kluegel and E. Smith
[Русскоязычная версия опросника отношения к неравенству
Дж. Клуегеля и Э. Смита]**

Инструкция: оцените, пожалуйста, насколько Вы согласны с каждым из приведенных утверждений.

Утверждения	Совершенно не согласен	Скорее не согласен	Ни то, ни другое	Скорее согласен	Полностью согласен
1. Снижение неравенства в доходах позволит моей семье жить лучше					
2. Снижение разрыва в доходах позволит избежать многих конфликтов из-за различий в уровне достатка					
3. Нужно снижать неравенство в доходах, поскольку все семьи одинаково нуждаются в пище, жилье и других вещах					
4. Нужно снижать неравенство в доходах, поскольку вклад каждого человека в жизнь общества одинаково важен					
5. При равенстве доходов у людей исчезнет стимул лучше работать					
6. Неравенства в доходах избежать невозможно, так как люди изначально неравны по таланту, способностям					
7. Не нужно уравнивать доходы, так как богатые приносят пользу обществу, инвестируя в экономику и создавая рабочие места					
8. При равенстве в доходах все люди жили бы одинаково и жизнь была бы скучной					
9. Обеспечить равенство в доходах невозможно, поскольку в человеческой природе заложено хотеть большего, чем имеют другие					
10. Доходы не следует уравнивать, поскольку это мешает людям мечтать о том, чтобы стать по-настоящему успешными					
11. Уравнивание доходов приведет к ограничению личной свободы					

Шкала «Одобрение равенства»: 1, 2, 3, 4.

Шкала «Одобрение неравенства»: 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.

Для получения итоговых показателей по шкалам вычисляются средние значения оценок (от 1 – «Совершенно не согласен» до 5 – «Полностью согласен») по заданиям, входящим в каждую шкалу.

Article history:

Received: 27 April 2020

Revised: 23 September 2020

Accepted: 15 October 2020

For citation:

Sychev, O.A., & Protasova, I.N. (2020). The Relationships between Moral Foundations, Social Beliefs and Attitudes towards Economic Inequality among Russian Youth: A Case Study of Altai Krai. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 705–718. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-705-718>

Bio notes:

Oleg A. Sychev, Ph.D. in Psychology, is research fellow of Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>; eLIBRARY SPIN-code: 2849-5161. E-mail: osn1@mail.ru

Irina N. Protasova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor of Chair of Pedagogy and Psychology of Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>; eLIBRARY SPIN-code: 1550-7557. E-mail: protasovain@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-705-718

Исследовательская статья

Связь морали и социальных верований с отношением к экономическому неравенству у российской молодежи: на примере Алтайского края

О.А. Сычев, И.Н. Протасова

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, Российская Федерация, 659333, Бийск, ул. Владимира Короленко, 53

Аннотация. В статье приведены результаты эмпирического исследования связи между моральными основаниями, социальными верованиями и отношением к экономическому неравенству. Проблема отношения к экономическому неравенству традиционно рассматривалась преимущественно социологами и экономистами в контексте групповых различий, в то время как его психологические факторы и корреляты остаются недостаточно изученными. Негативные последствия экономического неравенства могут быть опосредованы психологическими механизмами: субъективным восприятием существующего неравенства, отношением к нему, что свидетельствует об актуальности этой проблемы. В исследовании была выдвинута гипотеза о том, что отношение к экономическому неравенству у молодежи связано с моральными основаниями и социальными верованиями. Для ее проверки было проведено исследование на выборке из 215 студентов (21 % мужчин). Испытуемые отвечали на вопросы шкал веры в опасный и конкурентный мир Дж. Даккита, опросника моральных оснований Дж. Грэхема и соавторов, опросника убеждений относительно источников и последствий неравенства в доходах Дж. Клуегеля и Э. Смита. Разработка русскоязычной версии опросника Дж. Клуегеля и Э. Смита, представленной в приложении к статье, стала одной из задач данного исследования. Корреляции показывают, что отношение к неравенству связано с моральными

основаниями (справедливости, чистоты и лояльности) и верой в конкурентный мир. С помощью путевого анализа продемонстрировано, что одобрение равенства и неравенства наиболее тесно связано с благосостоянием семьи. Связь отношения к неравенству с индивидуализирующими моральными основаниями опосредована верой в конкурентный мир. Таким образом, чувство справедливости и ценности заботы о слабых и беззащитных противостоят вере в конкурентный мир и одобрению неравенства.

Ключевые слова: экономическое неравенство, теория моральных оснований, справедливость, социальные верования, вера в конкурентный мир

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00119 «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».

История статьи:

Поступила в редакцию: 27 апреля 2020 г.

Принята к печати: 15 октября 2020 г.

Для цитирования:

Sychev O.A., Protasova I.N. The Relationships between Moral Foundations, Social Beliefs and Attitudes towards Economic Inequality among Russian Youth: A Case Study of Altai Krai // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 705–718. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-705-718>

Сведения об авторах:

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (Бийск, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>; eLIBRARY SPIN-код: 2849-5161. E-mail: osn1@mail.ru

Протасова Ирина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (Бийск, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>; eLIBRARY SPIN-код: 1550-7557. E-mail: protasovain@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-719-737

УДК 316.62

Исследовательская статья

Соотношение перфекционизма и форм социальной активности российской молодежи: на примере Саратовского региона

Е.Е. Бочарова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Аннотация. Феноменология позитивной психологии связана, прежде всего, с оценкой позитивной значимости психических явлений, процессов, состояний, свойств индивида, качественный анализ которых позволяет определить меру реализации личностных возможностей в разных сферах жизнедеятельности, способствующих поддержанию и совершенствованию значимых ресурсов своего Я. В этой связи особый интерес вызывает разработка проблемы соотношения перфекционизма и форм социальной активности личности, поскольку речь идет о роли личности и ее субъектных свойствах как ресурсе не только личностного, но и социального капитала. Таким образом, целью исследования является эмпирическое изучение соотношения перфекционизма и различных форм социальной активности личности. В исследовании приняли участие представители учащейся молодежи ($N = 236$) в возрасте от 16 до 19 лет: старшеклассники общеобразовательных школ ($n = 118$) и студенты вузов ($n = 118$) Саратова и Саратовского региона (Россия). В качестве методического инструментария применены анкета, направленная на регистрацию различных форм социальной активности и степени их выраженности (Р.М. Шамионов, И.В. Арендачук, Е.Е. Бочарова и др.), и многомерная шкала перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта (в адаптации И.И. Грачевой) для исследования соотношения выраженности параметров перфекционизма. Гипотезой исследования выступило предположение о наличии разнонаправленных взаимосвязей между мерами выраженности параметров перфекционизма и самооценками различных форм социальной активности. Установлена доминирующая выраженность интернального локуса перфекционизма. Обнаружено наличие разнонаправленных взаимосвязей перфекционизма и форм социальной активности личности молодежи, позволяющих уточнить специфику его функционального проявления в развертывании (или ограничении) форм социальной активности. Показано, что в случае фиксации интернального локуса перфекционизма наблюдается развертывание социально-экономической активности личности и ограничение образовательной, духовной, протестной и субкультурной форм активности. В случае фиксации экстернального локуса перфекционизма наблюдается инициирование молодежью субкультурной активности на фоне ограничения активности, связанной с учебно-развивающей деятельностью. В прикладном аспекте представленные материалы могут быть реализованы в практике консультативных служб образовательных учреждений и организации социально-полезной деятельности молодежи с учетом ее перфекционистской направленности.

Ключевые слова: личность, перфекционизм, деятельность, социальная активность, формы социальной активности, студенты, молодежь

© Бочарова Е.Е., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Изучение специфики самоопределения и самореализации молодежи в разных сферах социальных практик как субъекта жизнедеятельности приобретает особую значимость в условиях динамично меняющейся социальной реальности, обуславливающей возрастание темпов интеграции человека в систему социальных отношений.

Молодежь представляет собой не только социально-демографическую группу, но и, прежде всего, понимается как субъект социальной активности, реализующей себя в условиях конкурентной и изменяющейся среды, как инновационный потенциал общественного развития (Балог, 2015) и его качественного своеобразия (Лабунская, Волгина, 2016). В этой связи важным является поиск механизмов и факторов регуляции социальной активности молодежи, во многом определяющих и ее позитивное функционирование и в целом перспективы развития современного общества.

Пристальное внимание исследователей к проблеме перфекционизма обусловлено его амбивалентной природой, порождающей как негативные, так и позитивные последствия устремленности личности к совершенству. Не вдаваясь в историко-психологический экскурс развития проблемы, заметим, что данные ряда исследований свидетельствуют о поливариантности концептуализации перфекционизма, связанной с его чрезвычайно сложным компонентным составом и структурой (Flett, Hewitt, 2015). Различные сочетания компонентов в разной степени их выраженности могут вызывать как позитивный, так и негативный эффект (Гао и др., 2017). С одной стороны, перфекционизм определяется как деструктивное, патогенное (невротическое) явление (Shafran, Mansell, 2001; Гаранян и др., 2001; Hesler, 2016 и др.), а с другой – как собственный потенциал саморазвития субъекта посредством обращения действий на себя (Гао и др., 2017; Подбуцкая и др., 2019), результат завышенных стандартов деятельности, предъявляемых себе личностью, аномально стремящейся к совершенству (Талаш, 2012), самодетерминации (Золотарева, 2012; Вьюнова и др., 2014) и пр.

В исследованиях перфекционизма ключевое значение имеют работы, фокус внимания в которых сосредоточен на поиске критериев содержательных признаков нормального и патологического проявления изучаемого феномена. Так, к числу критериев нормального (конструктивного) перфекционизма отнесены стремление к успеху, способность учитывать собственные ресурсы и ограничения, постановка перед собой реалистичных целей и готовность изменять личные стандарты в соответствии с жизненной ситуацией (Namachek, 1978), решимость идти на риск в отсутствие гарантий на успех (Золотарева, 2012), вовлеченность в личностное развитие (Золотарева, 2017), потребность в преодолении несоответствия между реальным и желаемым представлениями о себе (Подбуцкая, Кныш, Богдан, 2019).

Особого внимания в контексте темы исследования заслуживают личностно ориентированные модели перфекционизма «2×2» и трехсторонняя модель перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта. Напомним, что основная идея концепции «2×2» заключается в том, что не составляющие перфекционизма сами по себе (Я-ориентированный и социально предписанный перфекционизм), а их сочетание (соотношение) у индивида определяют «эффекты» или

«издержки» перфекционизма. Трехсторонняя модель перфекционизма включает: *Я-ориентированный перфекционизм*, предполагающий наличие стремления к совершенству, чрезмерно высоких стандартов в оценке собственной деятельности и самоцензурирование; *перфекционизм, направленный на Других*, который связан с наличием высоких стандартов и ожиданий в отношении возможностей окружающих их людей и *социально предписанный перфекционизм*, отражающий потребность личности соответствовать стандартам и ожиданиям значимых Других.

В зависимости от направленности перфекционизма исследователи предлагают его следующую дифференциацию: субъектно-направленный перфекционизм (или Я-ориентированный перфекционизм), соответствующий интернальному локусу перфекционизма как внутренне детерминированного перфекционизма; объектно-направленный перфекционизм (или социально предписанный перфекционизм), соответствующий экстернальному локусу перфекционизма как внешне детерминированного (И.И. Грачева, 2006, Ильин, 2011 и др.).

Примечательна и траектория дальнейшего развития исследований проблемы перфекционизма, нашедшая отражение в современных исследованиях: переход от описания феномена перфекционизма и его составляющих к познанию процессов их эволюции и функционального проявления в разных временных и социальных пространствах жизнедеятельности личности. В этом отношении особую ценность приобретают исследования, направленные на изучение субъекта перфекционизма, в качестве которого в последнее время выступают учащиеся школ, колледжей, вузов, отличающиеся в силу своего социально-возрастного статуса наличием излишнего максимализма, склонности к оценке результата деятельности и ее планированию по принципу «все или ничего» или, иначе говоря, наличием перфекционистского потенциала.

Наше внимание обращено к данным исследований перфекционизма, выполненных в социально-психологическом ракурсе с привлечением к участию представителей студенческой молодежи.

Весьма интересны результаты исследования соотношения перфекционизма и профессионального самоопределения студентов колледжей, проведенного корейскими коллегами (Yoo et al., 2019). Реализация метода множественной регрессии позволила ученым зафиксировать, что проявление Я-адресованного перфекционизма сужает свободу маневра профессионально самоопределяющегося человека. Полагаем, что в этом случае мы можем говорить о Я-адресованном перфекционизме как факторе ограничения активности корейских студентов в сфере профессиональной деятельности.

В работах китайских ученых (Zhang, 2019) уточнено влияние перфекционизма на уровень трудовой занятости студентов. Показано, что Я-адресованный перфекционизм благотворно влияет на формирование профессионально значимых компетенций и в целом на трудовую занятость молодежи, но лишь в определенной – «здоровой мере», как отмечает автор.

Данные исследования роли перфекционизма в предикции межличностных отношений, проведенного иранскими учеными (Ghanbari et al., 2011) на выборке студентов, свидетельствуют о том, что социально-предписанный перфекционизм является позитивным предиктором межличностных отношений,

в то время как Я-адресованный перфекционизм препятствует оптимизации межличностных отношений среди сверстников и семейного окружения. Вполне вероятно, что подобное «долженствование» иранской молодежи соответствовать стандартам, установленным для нее окружающими, в поисках одобрения, собственного подтверждения или избегания негативной оценки с большей долей вероятности объясняется социокультурным фактором.

Весьма интересные данные представлены в работе Т. Curran, А.Р. Hill (2019), предпринявших кросс-культурный метаанализ исследований перфекционизма, выполненных на выборках студентов колледжей разных поколений и разных стран (США, Канада, Англия), с фиксацией произошедших изменений в его структуре в период 1989–2016 гг. Как свидетельствуют полученные результаты, за последние 27 лет интегральный индекс перфекционизма существенно увеличился за счет возрастания социально-предписанного перфекционизма, при этом выраженность переменной Я-адресованного перфекционизма остается константой. Как отмечают авторы исследования, британские студенты колледжа отличаются существенно более низким уровнем перфекционизма, нежели американские и канадские студенты.

Актуальным вопросом для ряда исследователей является изучение перфекционизма и социальной конкурентоспособности студенческой молодежи (Curran, Hill, 2019; Hewitt et al., 2017) в приложении к разным сферам жизнедеятельности: спортивных достижений и физической активности (Anshel, Seipel, 2006; Jara-Moreno et al., 2020), образования (Jerrim, 2014; Hesler, 2016), профессиональной деятельности (Osampo et al., 2019). В целом результаты исследований подтверждают наличие устойчивой взаимосвязи между перфекционизмом и социальной конкурентоспособностью среди студенческой молодежи.

Принимая во внимание накопленный фактологический материал, можно полагать, что перфекционизм является собой интегративное личностное образование, включающее конфигурацию позитивных и негативных проявлений устремленности человека к совершенству, функциональное проявление которого специфицируется в разных сферах социальных практик личности как субъекта жизнедеятельности. В этой связи наше внимание обращено к поиску соотношения перфекционизма и форм социальной активности личности, уточнения меры функционального проявления перфекционизма в актуализации социальной активности.

Данные ранее предпринятого нами цикла исследований (2018–2020), посвященного изучению социальной активности российской молодежи и форм ее проявления, позволяют интерпретировать социальную активность как деятельность, направленную на изменение и преобразование социальных объектов, в результате чего происходит изменение самой личности и всей социальной ситуации (Бочарова, 2018, 2019; Шамионов, 2018 и др.). Она предполагает не только участие в общественной жизни, но прежде всего инициативно-творческое отношение к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также к самой себе как субъекту социального бытия (Арендчук, 2018; Шамионов, 2018). При этом, как подчеркивает К.А. Абульханова-Славская, «не сам субъект есть совершенство, а он постоянно решает задачу совершенствования, и в этом его человеческая специфика и постоянно возобновляю-

щаяся задача» (Абульханова-Славская, 2001. С. 38). Следовательно, в детерминации активности субъекта существенная роль отведена стремлению к разрешению противоречия между своими потребностями и возможностями их удовлетворения. Как отмечает исследователь, именно субъект вырабатывает способ организации своей деятельности, в условиях которой и происходит становление, развитие личности как субъекта жизнедеятельности (Абульханова-Славская, 2001).

Не безынтересны данные исследования субъектно-деятельных детерминант видов социальной активности, проведенного на выборке учащейся молодежи (Арендачук, 2020). Автором исследования показано, что в детерминации видов социальной активности молодежи, различающихся по направленности «на себя» (достижение личных целей) и «на Других» (достижение социально значимых целей), существенная роль отведена субъектным характеристикам деятельности. Детерминация субъектными характеристиками личности социальной активности, направленной «на себя», оказалась существенно выше в сравнении с активностью, направленной «на Других».

В последнее время научные изыскания зарубежных ученых в области социальной активности молодежи связаны, прежде всего, с поиском объяснительных конструкторов актуализации гражданской, политической, протестной активности молодых людей в интернет-сообществах (Jost et al., 2018), изучением эффектов влияния сетевых сообществ на реализуемое протестное поведение молодежи как в виртуальной, так и в реальной среде (Vitak et al., 2011), факторов отказа от традиционных форм гражданской и политической активности (Chan, Guo, 2013), роли межличностного и институционального доверия/недоверия (Yeshpanova et al., 2014; Näsi et al., 2015), субъективного благополучия (Bowins, 2020), миграционного статуса личности (Liu et al., 2014) в развертывании или ограничении ее социальной активности.

Отметим, что на сегодняшний день вопрос о том, как перфекционизм соотносится с формами социальной активности личности, группы остается вне поля активного внимания как российских, так и зарубежных ученых. Полагаем, что разрешение этого вопроса существенно расширит научное знание о механизмах и факторах детерминации социальной активности и форм ее проявления у представителей молодежи, от которых зависят перспективы развития современного общества. Новизна представленного в статье исследования заключается в изучении соотношения перфекционизма и форм социальной активности личности российской молодежи

Цель эмпирического исследования – установить соотношения перфекционизма и форм социальной активности личности учащейся молодежи. **Гипотезой** исследования выступило предположение о наличии разнонаправленных взаимосвязей между мерами выраженности параметров перфекционизма и самооценками различных форм социальной активности.

Процедура и методы исследования

Участники исследования. Выборка исследования представлена учащейся молодежью ($N = 236$): 118 студентов вузов Саратова (СГУ имени Н.Г. Чернышевского и СГТУ имени Ю.А. Гагарина) в возрасте от 17 до 19 лет ($M = 18,22$;

SD = 0,87) и 118 старшекласников общеобразовательных школ Саратова и Саратовской области, средний возраст которых соответствует 16,43; SD = 0,53. Выборки выровнены по полу: женский – 56 %, мужской – 44 %.

Методики. Для изучения различных форм социальной активности и степени их выраженности применена анкета из 12 утверждений (Р.М. Шамионов, И.В. Арендачук, Е.Е. Бочарова, М.В. Григорьева, А.И. Заграничный, М.А. Кленова, Н.В. Усова, О.А. Черкаева, А.А. Шаров). Подробное описание анкеты опубликовано ранее (Бочарова, 2018). Респондентам предлагалось оценить меру своей активности (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная) с приведенными в анкете утверждениями, используя пятибалльную шкалу Ликерта (от 1 – «совершенно неверно» до 5 – «совершенно верно»).

Для фиксации перфекционистских тенденций личности применена многомерная шкала перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта в адаптации И.И. Грачевой (Грачева, 2006), позволяющая измерить уровень перфекционизма и определить характер соотношения трех его составляющих: перфекционизм, ориентированный на себя; перфекционизм, ориентированный на других; социально-предписанный перфекционизм. Каждое утверждение опросника оценивается испытуемым по 7-балльной шкале в соответствии со степенью согласия или несогласия с ним (от 1 – «совершенно не согласен» до 7 – «совершенно согласен»).

Статистические методы. Использование параметрических методов в исследовании обосновано, так как предварительно была доказана нормальность распределения основных переменных. Проверка выборки по статистическому критерию Колмогорова – Смирнова ($K-S d = 0,066$; $p = 0,120$ с учетом поправки Лилефорса) свидетельствовала об отсутствии достоверных различий эмпирического и нормального теоретического распределения.

Первичные данные исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательная статистика, сравнительный (*t-критерий Стьюдента*) и корреляционный (*Pearson's r*) анализ. Все расчетные процедуры выполнялись в статистическом пакете Statistica for Windows.

Результаты

Корректность использования статистических методов исследования связана с требованием приближенности выборки к нормальному распределению, поэтому предварительно была проведена соответствующая проверка. В качестве проверяемого признака был выбран рассчитанный по результатам анкетирования обобщенный показатель социальной активности личности ($N = 236$), отражающий среднее значение оценок молодежью своей деятельности во всех формах социальной активности. Значение статистического критерия Колмогорова – Смирнова ($K-S d = 0,066$; $p = 0,120$ с учетом поправки Лилефорса) свидетельствовало об отсутствии достоверных различий эмпирического и нормального теоретического распределения. Анализ данных описательной статистики показал, что асимметрия и эксцесс не превышают свои стандартные ошибки, имеют тот же порядок, что и их ошибки или, иначе говоря, статистически не значимы, что согласуется с гипотезой о нормальности.

Согласно *описательной статистике*, соотношение выраженности параметров различных форм социальной активности свидетельствует о наибольшей выраженности таких ее форм, как *досуговая, интернет-сетевая, образовательно-развивающая* (табл. 1), что в целом характеризует предпочтения молодежи в инициации своей деятельности. Результаты попарного сравнительного анализа показателей разных форм социальной активности молодежи подтверждают различия и соответствуют *t*-критерию Стьюдента от 2,58 до 3,23; $p \leq 0,01$ (Бочарова, 2018).

Таблица 1

Описательные статистики переменных (N = 236)
 [Table 1. Descriptive statistics of variables (N = 236)]

	Переменные	M	SD
Формы социальной активности	Альтруистическая	2,43	±1,13
	Досуговая	4,00	±0,97
	Социально-политическая	1,5	±0,83
	Интернет-сетевая	3,23	±1,37
	Гражданская	2,00	±1,10
	Социально-экономическая	2,12	±1,33
	Образовательно-развивающая	3,12	±1,32
	Духовная	2,86	±1,37
	Религиозная	1,47	±0,95
	Протестная	1,28	±0,84
	Радикально-протестная	1,35	±0,95
Субкультурная	1,5	1,18	
Перфекционизм	Ориентированный на себя	65,88	±12,22
	Ориентированный на других	55,32	±8,70
	Социально-предписанный	58,20	±9,45
	Интегральная шкала перфекционизма	179,5	±22,57

Как свидетельствуют данные табл. 1, в самооценках меры выраженности предпочитаемых интернет-сетевой (M = 3,23) и образовательно-развивающей (M = 3,12) форм активности наблюдается наибольшее разногласие респондентов, подтверждением тому является вариативность стандартных отклонений (SD = от 1,32 до 1,37). И напротив, единогласно выражено респондентами предпочтение досуговой активности (M = 4,00), оценки предпочтения которой отличаются большей гомогенностью, что подтверждается весьма ограниченным диапазоном вариативности стандартных отклонений (SD = 0,98).

К наименее предпочитаемым формам социальной активности респондентами отнесены социально-политическая, религиозная, протестная, радикально-протестная и субкультурная, оценки которых выражены в баллах от 1,28 до 1,5, что соответствует ответам «совершенно неверно» и «неверно». При этом оценки несогласия отличаются наименьшим диапазоном вариативности стандартных отклонений ($SD =$ от 0,83 до 0,95).

В соотношении выраженности параметров перфекционизма наиболее высоким показателем отличается перфекционизм, ориентированный на себя, который на достоверно значимом уровне превышает показатели перфекционизма, ориентированного на Других (t -критерий Стьюдента = 13,52; $p < .001$), и социально-предписанного перфекционизма (t -критерий Стьюдента = 9,53; $p < .001$). Наибольшее разногласие респондентов наблюдается в самооценках меры выраженности перфекционизма, ориентированного на себя, подтверждением тому является вариативность стандартных отклонений ($SD \pm 12,22$).

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии девяти достоверно значимых взаимосвязей перфекционизма и форм социальной активности (табл. 2), что соответствует 18,72 % от общего возможного количества взаимосвязей исследуемых параметров.

Таблица 2

Взаимосвязь параметров перфекционизма и форм социальной активности учащейся молодежи ($N = 236$)
[Table 2. The relationship of the parameters of perfectionism and the forms of social activity in the students ($N = 236$)]

Параметры перфекционизма	Формы социальной активности
Перфекционизм, ориентированный на себя	Социально-экономическая активность ($r = .139^*$)
	Образовательная активность ($r = -.142^*$)
	Духовная активность ($r = -.166^*$)
	Протестная активность ($r = -.167^*$)
Социально-предписанный перфекционизм	Субкультурная активность ($r = -.150^*$)
	Образовательная активность ($r = -.173^{**}$)
Интегральный индекс перфекционизма	Субкультурная активность ($r = .175^{**}$)
	Образовательная активность ($r = -.150^*$)
	Протестная активность ($r = -.141^*$)

Примечание. Нули в коэффициентах опущены; * – $p < .05$; ** – $p < .01$.

Наибольшее количество достоверно значимых взаимосвязей (пять из девяти) выпадает на *перфекционизм, ориентированный на себя*, из которых одна положительная – с социально-экономической активностью и четыре отрицательных – с образовательной, духовной, протестной, субкультурной формами социальной активности.

Обнаружено наличие двух взаимосвязей между *социально-предписанным перфекционизмом* и образовательной активностью (связь отрицательная) и субкультурной активностью (связь положительная). Очевидно, что в этом случае мы наблюдаем проявление разнонаправленности взаимосвязей *социально-предписанного перфекционизма* с образовательной активностью, с одной стороны, и субкультурной, с другой.

Интегральный индекс перфекционизма отличается наличием двух отрицательных взаимосвязей с образовательной и протестной формами активности.

Достоверно значимых взаимосвязей между параметрами перфекционизма, ориентированного на Других, и форм социальной активности не обнаружено.

При линейной корреляции всех переменных большая часть коэффициентов находится в диапазоне $r = [0,139 - 0,167]$, что указывает на очень слабые связи между параметрами перфекционизма и формами социальной активности в целом. На фоне слабовыраженных связей, однако, можно отметить более тесные, но разнонаправленные связи между *социально-предписанным перфекционизмом* и образовательной активностью и субкультурной активностью до $r = 0,175$; $p < .01$.

Отметим превалирование отрицательных взаимосвязей между параметрами перфекционизма и формами социальной активности (семь отрицательных из девяти выявленных), демонстрирующее, что чем выше показатели параметров перфекционизма, тем ниже показатели активности в разных формах деятельности, и чем выше показатели активности в разных формах деятельности, тем ниже показатели параметров перфекционизма.

Обсуждение

Проведенное исследование показало, что предпочтения молодежи связаны с реализацией *досуговой, интернет-сетевой, образовательно-развивающей* форм социальной активности. Эти данные согласуются с результатами исследования различных форм социальной активности и их выраженности на выборке учащейся и работающей молодежи, предпринятого И.В. Арендачук (Арендачук, 2018). Полагаем, что объяснение данного факта кроется в процессуальных и результативных «эффектах» личностного и социального самоопределения личности учащейся молодежи в сферах деятельности, отличающихся субъективной значимостью.

Соотношение выраженности параметров перфекционизма свидетельствует о наибольшей выраженности перфекционизма, ориентированного на себя в отличие от социально-предписанного перфекционизма и перфекционизма, ориентированного на Других. Подобное соотношение параметров перфекционизма доказывает, что молодые люди в большей степени склонны проявлять стремление к самоизменению, самосовершенствованию, реализации своего личностного потенциала, ориентируясь при этом на субъективно завышенные цели и критерии, оценки (стандарты) их достижения. В меньшей мере наблюдается проявление готовности молодежи следовать и соответствовать ожиданиям и высоким стандартам значимых Других, что, возможно, объясняется «эффектом» предшествующей социализации (Шамионов, 2013), предшествующего опыта субъекта жизнедеятельности (Подбуцкая и др., 2019). Нельзя отрицать и тот факт, что успешность в деятельности (учебной, профессиональной, спортивной и т. д.) так или иначе исторически уже включена в системы социальных оценок, в рамках которых человек выстраивает свою систему оценок (Толочек, 2015). Полагаем, что в этом случае ориентация на «эталон» значимых Других может быть вполне оправдана. Признаем, что остаются открытыми вопросы «Кто они – значимые Другие?» и «Какова «цена» соответствия их эталонам и ожиданиям?».

В наименьшей степени выражен параметр перфекционизма, ориентированного на Других, предполагающий наличие завышенных притязаний и

требований к другим, определяемых человеком для окружающих людей, неготовность принять оплошности и ошибки другого.

Таким образом, личность молодежи в большей мере отличается интернальным локусом перфекционизма, признаваемого исследователями «здоровым» (Frost et al., 1993), нормальным перфекционизмом (Гаранян, 2009; Талаш, 2012; Золотарева, 2016 и др.), проявляющегося в установлении высоких, но находящихся в пределах досягаемости стандартов на фоне отсутствия чрезмерного следования чужим эталонам. Данный факт вполне согласуется с результатами исследований Р. Фроста и его коллег, показавшим, что за стремлением к совершенству могут скрываться две разнонаправленные тенденции: стремление к достижению через развитие и озабоченность оценкой Других (Frost et al., 1990).

Дальнейшего внимания заслуживает еще один важный результат исследования, связанный с фиксацией взаимосвязи параметров перфекционизма и форм социальной активности.

Конstellляция взаимосвязей параметров *перфекционизма, ориентированного на себя* и социально-экономической, образовательной, духовной, протестной, субкультурной форм социальной активности отличается функциональной разнонаправленностью. Можно полагать, что стремление к совершенству, установление личностью для себя высоких стандартов выполнения деятельности *ограничивает или блокирует возможность* инициации активности в образовательно-развивающей деятельности (образовательные инициативы); деятельности, направленной на самоизменение, саморазвитие, расширение своего кругозора; публичного выражения несогласия и участия в оппозиционной деятельности; открытого выражения своей субкультурной приверженности. Однако нельзя не отметить и тот факт, что процесс реализации деятельности в форме социально-экономической активности предполагает стремление молодых людей к самоизменению, самосовершенствованию в ориентации на субъективно завышенные цели и критерии их достижения, что находит отражение в увеличении индекса перфекционизма, ориентированного на себя.

Подчеркнем также, что образовательно-развивающая активность, отличающаяся высоким уровнем предпочтения респондентами, в случае проявления перфекционизма, ориентированного на себя, не находит своего роста. Не исключено, что причиной подобного ограничения может быть излишнее «застревание» на детальном продумывании пошаговых действий в достижении намеченных целей в соответствии со своими чрезмерно высоким притязаниями или фиксированность учащихся и студентов на локальных трудностях и неудачах в реализации образовательной деятельности.

Однако в случае усиления образовательно-развивающей активности наблюдается снижение индекса перфекционизма, ориентированного на себя. Вполне вероятно, что школьники и студенты «увлечены» в большей степени участием, то есть процессуальной стороной образовательно-развивающей деятельности, нежели результативной. Полагаем, что данное объяснение весьма справедливо и в случае усиления духовной активности, предполагающей расширение своего кругозора; протестной активности, связанной с публич-

ным выражением несогласия и участием в оппозиционной деятельности; субкультурной активности, направленной на открытое выражение своей субкультурной приверженности.

Примечательно, что усиление выраженности ориентированного на себя перфекционизма, напротив, связано с инициацией активности в социально-экономической деятельности: поиском дополнительных источников дохода семьи или своей материальной независимости. Вполне очевидно, что в этом случае можно говорить о проявлении эффекта самодетерминации социально-экономической активности: устремленность молодых людей к достижению своих «экономических стандартов» посредством максимальной реализации своего потенциала в их достижении. Полагаем, что возможное объяснение данного факта связано с социальной и экономической нестабильностью современного российского общества: безработица, непостоянная занятость, пониженный уровень доходов, ограниченный доступ к социальным благам и услугам и т. д. Между тем, как показано в ряде работ зарубежных и отечественных исследователей, в студенческой среде перфекционизм положительно связан с чрезмерной социальной конкурентностью (гиперконкурентностью) (Hewitt et al., 2017; Гаранян и др., 2018). Не исключено, что в этом случае экономически высокий статус приобретает для респондентов особую значимость, что является одной из причин инициации активности в социально-экономической деятельности.

Обнаружены разнонаправленные взаимосвязи между *социально-предписанным перфекционизмом* и образовательной активностью (отрицательно) и субкультурной активностью (положительно). Вероятно, что стремление респондентов соответствовать завышенным ожиданиям значимых Других приводит к ограничению образовательных инициатив, но актуализирует открытое выражение приверженности молодых людей к любой из субкультур, очевидно, в надежде получения признания, одобрения и подтверждения своего соответствия ожиданиям и стандартам значимых Других.

Иначе говоря, принимая во внимание социально-возрастной статус респондентов (старшеклассники общеобразовательных школ и студенты вузов), можно полагать, что их стремление к совершенству в реализации деятельности, поддерживающей позиции субкультурного сообщества и соответствующие ему нормы поведения, определяется оценкой признания, принятия этого сообщества, вероятно, не разделяющего проявление образовательных инициатив.

Зафиксированные взаимосвязи между интегральным индексом перфекционизма и образовательной и протестной формами активности, свидетельствуют, на наш взгляд, о наличии перфекционистских тенденций личности в дезактуализации активности в образовательно-развивающей деятельности и деятельности организаций (или объединений) протестной направленности. Чем выше интегральный индекс перфекционистских тенденций личности, тем ниже интенсивность проявления ее образовательных и протестных (опозиционных) инициатив. Возможным объяснением снижения интегрального индекса перфекционистских тенденций личности является ее стремление к участию в совместной деятельности в форме образовательной и протестной активности без постановки высоких целей.

Резюмируя изложенное, отметим наличие разнонаправленных взаимосвязей перфекционизма и форм социальной активности личности молодежи. Так, в случае фиксации интернального локуса перфекционизма наблюдается актуализация социально-экономической активности личности и ограничения образовательной, духовной, протестной и субкультурной форм активности. В случае фиксации экстернального локуса перфекционизма наблюдается инициирование молодежью субкультурной активности на фоне ограничения активности, связанной с учебно-развивающей деятельностью. Кроме того, усиление индекса перфекционистских тенденций личности связано со снижением интенсивности проявления ее образовательных и протестных (оппозиционных) инициатив. В целом полученные результаты свидетельствуют об амбивалентных связях перфекционизма и выраженности различных форм социальной активности молодежи.

Заключение

Изучение соотношения перфекционизма и форм социальной активности молодежи позволило выявить определенные тенденции и закономерности.

Перфекционизм являет собой интегративное личностное образование, включающее конфигурацию позитивных и негативных проявлений устремленности человека к совершенству, функциональное выражение которого специфицируется в разных сферах социальных практик личности как субъекта жизнедеятельности.

Соотношение выраженности различных форм социальной активности у представителей молодежи свидетельствует об их предпочтениях в инициации деятельности в формах *досуговой, интернет-сетевой, образовательно-развивающей* активности.

Анализ соотношения выраженности параметров перфекционизма личности учащейся молодежи продемонстрировал наибольшую выраженность перфекционизма, ориентированного на себя, в отличие от социально-предписанного перфекционизма и перфекционизма, ориентированного на Других. Подобное соотношение параметров перфекционизма соответствуют интернальному локусу перфекционизма.

Установленное количество взаимосвязей между параметрами перфекционизма и формами социальной активности соответствует 18,72 % от общего количества взаимосвязей исследуемых параметров. В целом данный факт подтверждает относительно слабые взаимосвязи изучаемых параметров.

Максимальным количеством взаимосвязей с формами социальной активности отличается *перфекционизм, ориентированный на себя*. Минимальное количество взаимосвязей с формами социальной активности обнаруживает параметр *социально-предписанного перфекционизма*. Взаимосвязи между параметром перфекционизма, ориентированного на Других, и формами социальной активности не обнаружено.

Перспективы исследования заявленной проблематики связаны с уточнением соотношения перфекционизма и форм социальной активности личности в зависимости от ее социально-возрастного статуса или, точнее, в динамике ее социально-возрастной обусловленности.

Полагаем, что прикладной аспект разрабатываемой проблемы может быть реализован в практике консультативных служб образовательных учреждений и организации социально-полезной деятельности молодежи с учетом ее перфекционистской направленности. Прежде всего, необходимо принимать во внимание степень адекватности требований, выдвигаемых субъектом к себе и результатам своей деятельности в разных формах ее активности, его умением объективно оценивать свои возможности и признавать естественные для человека ограничения.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00298.

Список литературы

- Абульханова-Славская К.А.* Проблема определения субъекта в психологии // Субъект действия, взаимодействия, познания: психологические, философские, социокультурные аспекты М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. С. 36–52.
- Арендачук И.В.* Субъектно-деятельностные детерминанты образовательно-развивающей активности учащейся молодежи // Образование и саморазвитие. 2020. Т. 15. № 2. С. 103–119. <https://doi.org/10.26907/esd15.2.09>
- Арендачук И.В.* Ценностно-смысловые факторы социальной активности молодежи в разных условиях жизнедеятельности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 4 (28). С. 346–358. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358>
- Балог А.И.* Социальная активность студенческой молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6–2. С. 143–146.
- Бочарова Е.Е.* Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 4. С. 333–345. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345>
- Бочарова Е.Е.* Типичные сферы проявления социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 359–376. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376>
- Вьюнова Н.И., Ларских М.В., Стребкова И.Н.* Интегративно-дифференцированные аспекты пассионарности и перфекционизма личности: диагностика, проектирование и развитие // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 3–2. С. 13–20.
- Гао Л., Киселева Л.Б., Наследов А.Д., Шамаев А.Н.* Позитивные и негативные аспекты перфекционистских установок студентов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 115–127. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.201>
- Гаранян Н.Г.* Психологические модели перфекционизма // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 74–83.
- Гаранян Н.Г., Клыкова А.Ю., Сорокова М.Г.* Перфекционизм, зависть и конкурентные установки в студенческой среде // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 2. С. 7–32. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260202>
- Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю.* Перфекционизм, депрессия и тревога // Консультативная психология и психотерапия. 2001. № 4. С. 18–48.
- Грачева И.И.* Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 6. С. 73–81.

- Золотарева А.А. Диагностика перфекционизма в кросс-культурной перспективе: психометрические возможности методики ВДПИ // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 1. С. 22–37. <https://doi.org/10.17323/1813-8918.2017.1.22.37>
- Золотарева А.А. Перфекционизм в структуре саморегуляции личности // Психология и психотехника. 2012. Т. 42. № 3. С. 59–68.
- Лабунская В.И., Волгина С.В. Социальная активность молодежи как детерминанта социально-экономического развития среднего города (на примере города Волгодонска) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 3. С. 147–155.
- Подбучкая Н.В., Кныш А.Е., Богдан Ж.Б. Использование профессиональных фотографий для самопрезентации в социальных медиа как показатель личностного перфекционизма // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 112–130. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100408>
- Талаш Е.Ф. Отражение феномена перфекционизма в российских научных публикациях // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2012. № 11. С. 79–87.
- Толочек В.А. Социальная успешность человека: внесубъектные и интерсубъектные ресурсы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. Вып. 2. С. 115–123.
- Шамионов Р.М. Социализация личности: системно-диахронический подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 27. С. 8. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782-shamionov27.html> (дата обращения: 21.04.2020).
- Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>
- Anshel M.H., Seipel S.J. Relationships between dimensions of perfectionism and exercise behavior among college students // International Journal of Sport and Exercise Psychology. 2006. No. 4. Pp. 25–42. <https://doi.org/10.1080/161219X.2006.9671782>
- Bowins B. Activity for Mental Health. New York: Academic Press, 2020. 224 p. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-819625-0.00003-4>
- Chan M., Guo J. The Role of Political Efficacy on the Relationship Between Facebook Use and Participatory Behaviors: A Comparative Study of Young American and Chinese Adults // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2013. Vol. 16. No. 6. <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0468>
- Curran T., Hill A.P. Perfectionism Is Increasing Over Time: A Meta-Analysis of Birth Cohort Differences From 1989 to 2016 // Psychological Bulletin. 2019. Vol. 145. No. 4. Pp. 410–429. <http://dx.doi.org/10.1037/bul0000138>
- Flett G.L., Hewitt P.L. Chapter 21. Measures of Perfectionism // Measures of Personality and Social Psychological Constructs. New York: Academic Press, 2015. Pp. 595–618.
- Frost R.O., Heimberg R.G., Holt C.S., Mattia J.I., Neubauer A.L. A comparison of two measures of perfectionism // Personality and Individual Differences. 1993. No. 14. Pp. 119–126. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(93\)90181-2](https://doi.org/10.1016/0191-8869(93)90181-2)
- Frost R.O., Marten P., Lahart C., Rosenblate R. The dimensions of perfectionism // Cognitive Therapy and Research. 1990. Vol. 14. No. 5. Pp. 449–468.
- Ghanbari S., Javaheri A., Mousavi P.S., Seyed S., Melhi E. Relationship between dimensions of perfectionism in university students and their positive relations with others // Journal of Applied Psychology. 2011. Vol. 4. No. 16. Pp. 72–84.
- Hamachek D.E. Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // Psychology. 1978. No. 15. Pp. 27–33.
- Hesler K. Perfectionism, Social Support, and Social Anxiety in College Students // Proceedings of GREAT Day. 2016. Vol. 2015. Article 9. URL: <https://knightscholar.geneseo.edu/proceedings-of-great-day/vol2015/iss1/9>

- Hewitt P., Flett G. Perfectionism in the Self and Social context: conceptualisation, assessment and association with psychopathology // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 60. No. 3. Pp. 456–470.
- Hewitt P.L., Flett G.L., Mikail S.F. Perfectionism: A relational approach to conceptualization, assessment, and treatment. New York: Guilford Press, 2017. 336 p.
- Jara-Moreno A., González-Hernández J., Gómez-López M. Perfeccionismo y ansiedad competitiva en jóvenes deportistas españoles // *Anuario de Psicología*. 2020. Vol. 50. No. 2. Pp. 57–65. <https://doi.org/10.1344/anpsic2020.50.5>
- Jerrim J. The unrealistic educational expectations of high school pupils: is America exceptional? // *The Sociological Quarterly*. 2014. No. 55. Pp. 196–231. <http://dx.doi.org/10.1111/tsq.12049>
- Jost J.T., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // *Political Psychology*. 2018. Vol. 39. No. 1. Pp. 85–118.
- Liu S., Liang L., Michelson E. Migration and Social Structure: The Spatial Mobility of Chinese // *Lawyers Law & Policy*. 2014. Vol. 36. No. 2. Pp. 165–194. <https://doi.org/10.1111/lapo.12016>
- Näsi M., Räsänen P., Hawdon J., Holkeri E., Oksanen A. Exposure to online hate material and social trust among Finnish youth // *Information Technology and People*. 2015. Vol. 28. No. 3. Pp. 607–622.
- Ocampo A.C.G., Wang L., Kiazad K., Restubog S.L.D., Ashkanasy N.M. The relentless pursuit of perfectionism: A review of perfectionism in the workplace and an agenda for future research // *Journal of Organizational Behavior*. 2020. Vol. 41. No. 2. Pp. 144–168. <https://doi.org/10.1002/job.2400>
- Shafraan R., Mansell W. Perfectionism and psychopathology: a review of research and treatment // *Clinical Psychology Review*. 2001. Vol. 21. No. 6. Pp. 879–906.
- Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C.T., Ellison N., Lampe C. It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 Election // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2011. Vol. 14. No. 3. <https://doi.org/10.1089/cyber.2009.0226>
- Yeshpanova D., Narbekova G., Biyekenova N., Kuchinskaya J., Mukanova O. Social Activity of Youth in Social and Cultural Measurement // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 140. Pp. 109–114. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.394>
- Yoo S.-G., Min K.-O., Park Y.-J. The Influence of perfectionism, career decision, psychological well-being, and university student's career maturity // *The Association of Korea Counseling Psychology Education Welfare*. 2019. No. 6. Pp. 5–19. <https://doi.org/10.20496/cpew.2019.6.3.5>
- Zhang L. Research into the Influence of Perfectionism on University Students' Employment Competence // *Statistics and Application*. 2019. Vol. 8. No. 2. Pp. 288–295. <https://doi.org/10.12677/SA.2019.82033>

История статьи:

Поступила в редакцию: 26 июня 2020 г.

Принята к печати: 15 октября 2020 г.

Для цитирования:

Бочарова Е.Е. Соотношение перфекционизма и форм социальной активности российской молодежи: на примере Саратовского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 719–737. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-719-737>

Сведения об авторе:

Бочарова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>; eLIBRARY SPIN-код: 8715-9400. E-mail: bocharova-e@mail.ru

Relationship between Perfectionism and Forms of Social Activity of Russian Young People: The Case of the Saratov Region

Elena E. Bocharova

Saratov State University
83 Astrakhanskaya St, Saratov, 410012, Russian Federation

Abstract. The phenomenology of positive psychology is associated, first of all, with the assessment of the positive significance of mental phenomena, processes, states and properties of an individual, a qualitative analysis of which makes it possible to determine the degree of realisation of personal capabilities in various spheres of life, contributing to the maintenance and improvement of significant resources of one's own self. In this regard, of particular interest is the development of the topic of the relationship between perfectionism and forms of social activity of an individual, since the case in hand is the role of individuals and their subjective properties as a resource of not only personal, but also social, capital. The purpose of the study presented in the article is to conduct an empirical study regarding the relationship between perfectionism and various forms of personal social activity. The study involved representatives of student youth aged between 16 and 19 years ($N = 236$): high school students ($n = 118$) and university students ($n = 118$) in Saratov and the Saratov region (Russia). The methodological tools included: a questionnaire aimed at registering various forms of social activity and their manifestations (R.M. Shamionov, I.V. Arendachuk, E.E. Bocharova and others) and *The Multidimensional Perfectionism Scale* (P.L. Hewitt, G.L. Flett, adapted by I.I. Gracheva) to study the relationships between the manifestations of the parameters of perfectionism. The hypothesis of the study was the assumption of the presence of multidirectional relationships between the manifestations of the parameters of perfectionism and self-assessments of various forms of social activity. As a result of the study, the authors established the dominant manifestation of the internal locus of perfectionism and identified the presence of multidirectional relationships between perfectionism and forms of social activity of the students, which made it possible to clarify the specifics of its functional manifestation in the deployment (or limitation) of social activities. It was shown that when the internal locus of perfectionism was fixed, the social and economic activities of the students were deployed, while the educational, spiritual, protest and subcultural activities were limited. However, when the external locus of perfectionism was fixed, the young people initiated subcultural activities against the background of limited educational and developmental activities. In sum, findings from this research can be implemented in the practice of advisory services in educational institutions, and in the organization of socially useful activities for young people, by taking into account their perfectionist orientation.

Key words: personality, perfectionism, activity, social activity, forms of social activity, students, Russian youth

Acknowledgements and Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 18-18-00298.

References

- Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (2001). Problema opredeleniya sub"yekt v psikhologii. *Sub"yekt deystviya, vzaimodeystviya, poznaniya: Psikhologicheskiye, filosofskiye, sotsiokul'turnyye aspekty* (pp. 36 – 52). Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO "MODEK" Publ. (In Russ.)

- Anshel, M.H., & Seipe, S.J. (2006). Relationships between dimensions of perfectionism and exercise behavior among college students. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*, (4), 25–42. <https://doi.org/10.1080/161219X.2006.9671782>
- Arendachuk, I.V. (2018). Value-based Meaningful Factors of Social Activity of Youth under Different Conditions of Life Activities. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser.: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(4), 346–358. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358>
- Arendachuk, I.V. (2020). Subject and activity-related determinants of the student youth's educational and developmental activity. *Education and Self Development*, 15(2), 103–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/esd15.2.09>
- Balog, A.I. (2015). Social activity of student youth. *Historical and Social-Educational Idea*, 7(6–2), 143–146. (In Russ.)
- Bocharova, E.E. (2018). Regulatory and Worldview Factors of Various Forms of Social Activity of Young People. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser.: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(4), 333–345. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345>
- Bocharova, E.E. (2019). Typical Spheres of Social Activity Manifestation in Modern Youth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(3), 359–376. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376>
- Bowins, B. (2020). *Activity for Mental Health*. NY: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-819625-0.00003-4>
- Chan, M., & Guo, J. (2013). The Role of Political Efficacy on the Relationship Between Facebook Use and Participatory Behaviors: A Comparative Study of Young American and Chinese Adults. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 16(6). <https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0468>
- Curran, T., & Hill, A.P. (2019). Perfectionism Is Increasing Over Time: A Meta-Analysis of Birth Cohort Differences From 1989 to 2016. *Psychological Bulletin*, 145(4), 410–429. <http://dx.doi.org/10.1037/bul0000138>
- Flett, G.L., & Hewitt, P.L. (2015). Chapter 21. Measures of Perfectionism. *Measures of Personality and Social Psychological Constructs* (pp. 595–618). New York: Academic Press.
- Frost, R.O., Heimberg, R.G., Holt, C.S., Mattia, J.I., & Neubauer, A.L. (1993). A comparison of two measures of perfectionism. *Personality and Individual Differences*, 14, 119–126. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(93\)90181-2](https://doi.org/10.1016/0191-8869(93)90181-2)
- Frost, R.O., Marten, P., Lahart, C., & Rosenblate, R. (1990). The dimensions of perfectionism. *Cognitive Therapy and Research*, 14(5), 449–468.
- Gao, L., Kiseleva, L.B., Nasledov, A.D., & Shamanov, A.N. (2017). Positive and negative aspects of students' perfectionist attitudes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 7(2), 115–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.201>
- Garanian, N.G., Klykova, A.Yu., & Sorokova, M.G. (2018). Perfectionism, envy and hyper-competitiveness among university students. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 26(2), 7–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260202>
- Garanyan, N.G. (2009). Psychological models of perfectionism. *Voprosy Psikhologii*, (5), 74–83. (In Russ.)
- Garanyan, N.G., Kholmogorova, A.B., & Yudeeva, T.Yu. (2001). Perfectionism, Depression and Anxiety. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, (4), 18–48. (In Russ.)
- Ghanbari, S., Javaheri, A., Mousavi, P.S., Seyed, S., & Melhi, E. (2011). Relationship between dimensions of perfectionism in university students and their positive relations with others. *Journal of Applied Psychology*, 4(16), 72–84.
- Gracheva, I.I. (2006). Adaptation of the “Multidimensional Perfectionism Scale” methodology by P. Hewitt and G. Flett. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 27(6), 73–81. (In Russ.)
- Hamachek, D.E. (1978). Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. *Psychology*, 15, 27–33.

- Hesler, K. (2016). Perfectionism, Social Support, and Social Anxiety in College Students, *Proceedings of GREAT Day, 2015*, article 9. Available at: <https://knightscholar.geneseo.edu/proceedings-of-great-day/vol2015/iss1/9>
- Hewitt, P., & Flett, G. (1991). Perfectionism in the Self and Social Context: Conceptualisation, Assessment and Association with Psychopathology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 60(3), 456–470.
- Hewitt, P.L., Flett, G.L., & Mikail, S.F. (2017). *Perfectionism: A relational approach to conceptualization, assessment, and treatment*. New York, NY: Guilford Press.
- Jara-Moreno, A., González-Hernández, J., & Gómez-López, M. (2020). Perfeccionismo y ansiedad competitiva en jóvenes deportistas españoles. *Anuario de Psicología*, 50(2), 57–65. <https://doi.org/10.1344/anpsic2020.50.5>
- Jerrim, J. (2014). The unrealistic educational expectations of high school pupils: Is America exceptional? *The Sociological Quarterly*, 55, 196–231. <http://dx.doi.org/10.1111/tsq.12049>
- Jost, J.T., Barbera, P., Bonneau, R., Langer, M., Metzger M., Nagler, J., Sterling, J., & Tucker, J.A. (2018). How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Political Psychology*, 39(1), 85–118.
- Labunskaya, V.I., & Volgina, S.V. (2016). Youth Social Activity as a Determinant of Socio-Economic Development of the Middle City (on Example of City Volgodonsk). *Proceedings of South-West State University. Series Economy. Sociology. Management*, (3), 147–155. (In Russ.)
- Liu, S., Liang, L., & Michelson, E. (2014). Migration and Social Structure: The Spatial Mobility of Chinese. *Lawyers Law & Policy*, 36(2), 165–194. <https://doi.org/10.1111/lapo.12016>
- Näsi, M., Räsänen, P., Hawdon, J., Holkeri, E., & Oksanen, A. (2015). Exposure to online hate material and social trust among Finnish youth. *Information Technology and People*, 28(3), 607–622.
- Ocampo, A.C.G., Wang, L., Kiazad, K., Restubog, S.L.D., & Ashkanasy, N.M. (2020). The relentless pursuit of perfectionism: A review of perfectionism in the workplace and an agenda for future research. *Journal of Organizational Behavior*, 41(2), 144–168. <https://doi.org/10.1002/job.2400>
- Pidbutska, N.V., Knysh, A.Ye., & Bogdan, Zh.B. (2019). Usage of professional photos for self-presentation in social media as an indicator of personal perfectionism. *Social Psychology and Society*, 10(4), 112–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2019100408>
- Shafraan, R., & Mansell, W. (2001). Perfectionism and psychopathology: A review of research and treatment. *Clinical Psychology Review*, 21(6), 879–906.
- Shamionov, R.M. (2013). Socialization of personality: Systematic-diachronic approach. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 6(27), 8. (In Russ.) Retrieved April 21, 2020, from <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782-shamionov27.html>
- Shamionov, R.M. (2018). Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 379–394. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>
- Talash, Ye.F. (2012). The manifestation of perfectionism phenomenon in Russian research publications. *Vestnik Baltiiskogo Federal'nogo Universiteta imeni I. Kanta*, (11), 79–87. (In Russ.)
- Tolochek, V.A. (2015). Level of Person's Social Success: Outer-Subject and Inter-Subject Resources. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser.: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 4(2), 115–123. (In Russ.)
- Vitak, J., Zube, P., Smock, A., Carr, C.T., Ellison, N., & Lampe, C. (2011). It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 Election. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 14(3). <https://doi.org/10.1089/cyber.2009.0226>
- Vyunova, N.I., Larskikh, M.V., & Strebkova, I.N. (2014). Integrative differential aspects of passionarity and perfectionism of personality: Diagnostics, projecting and development. *Vestnik of Voronezh State Technical University*, 10(3–2), 13–20. (In Russ.)

- Yeshpanova, D., Narbekova, G., Biyekekenova, N., Kuchinskaya, J., & Mukanova, O. (2014). Social Activity of Youth in Social and Cultural Measurement. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 140, 109–114. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.394>
- Yoo, S.-G., Min K.-O., & Park, Y.-J. (2019). The Influence of Perfectionism, Career decision, Psychological well-being, and University student's Career maturity. *The Association of Korea Counseling Psychology Education Welfare*, 6, 5–19. <https://doi.org/10.20496/cpew.2019.6.3.5>
- Zhang, L. (2019). Research into the Influence of Perfectionism on University Students' Employment Competence. *Statistics and Application*, 8(2), 288–295. <https://doi.org/10.12677/SA.2019.82033>
- Zolotareva, A.A. (2012). Perfectionism in the structure of self-identity. *Psychology and Psychotechnics*, 42(3), 59–68. (In Russ.)
- Zolotareva, A.A. (2017). Measuring Perfectionism in Cross-Cultural Perspective: The Psychometric Properties of BDPI Measure. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 14(1), 22–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918.2017.1.22.37>

Article history:

Received: 26 June 2020

Revised: 21 September 2020

Accepted: 15 October 2020

For citation:

Bocharova, E.E. (2020). Relationship between Perfectionism and Forms of Social Activity of Russian Young People: The Case of the Saratov Region. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 719–737. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-719-737>

Bio note:

Elena E. Bocharova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor of the Department of Social Educational and Developmental Psychology at Saratov State University (Saratov, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7814-1581>; eLIBRARY SPIN-code: 8715-9400. E-mail: bocharova-e@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-738-754

УДК 159.9.072

Исследовательская статья

**Адаптация сокращенного варианта
опросника К. Петерсона и М. Селигмана
«Ценности в действии: инвентаризация достоинств»
(Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS)
на русскоязычной выборке**

С.А. Башкатов

Башкирский государственный университет
Российская Федерация, 450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32

Аннотация. В современных психологических исследованиях широко применяется опросник К. Петерсона и М. Селигмана «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» (Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS), включающий 240 вопросов, диагностирующий личностные достоинства человека, определяющие его характерологическую позитивность. В 2002 г. М. Селигман опубликовал англоязычный сокращенный вариант VIA-IS, содержащий те же шкалы, что и полная версия теста, но состоящий из 48 вопросов вместо 240. Не вызывает сомнений удобство применения сокращенного варианта этого опросника для проведения широкомасштабных исследований на больших выборках респондентов. Целью настоящего исследования явилась адаптация сокращенного варианта опросника VIA-IS на русскоязычной выборке. Обработка и интерпретация результатов тестирования 239 респондентов показали достаточную внутреннюю согласованность теста: все шесть шкал продемонстрировали надлежащие значения коэффициентов α Кронбаха. Проверка методики на устойчивость (ретестовая надежность), проведенная через шесть месяцев после первого тестирования, констатировала, что коэффициенты корреляции данных по шкалам находятся в пределах требуемых значений. Хорошие результаты показала проверка конвергентной валидности. Проверка соответствия факторной структуры русскоязычного сокращенного опросника VIA-IS исходному англоязычному сокращенному опроснику, выполненная с применением конфирматорного факторного анализа, также дала положительные результаты. Таким образом, русскоязычный вариант сокращенной методики VIA-IS может быть использован для психологической экспресс-диагностики личностных черт (личностных достоинств человека, рассматриваемых в русле позитивной психологии) психически здоровых респондентов в контексте решения разнообразных задач.

Ключевые слова: позитивная психология, диагностика позитивных черт личности, сокращенная версия опросника Values in Action Inventory of Strengths, русскоязычная адаптация опросника VIA-IS

© Башкатов С.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Позитивная психология представляет собой современное направление психологической науки, основной целью которого выступает выяснение условий благополучия человека, его нравственного развития, подразумевающего гуманизм, духовность, мудрость и справедливость. Выяснилось, что благополучие человека представляет собой психологический конструкт, имеющий сложную структуру. В зарубежной психологии Н. Бредберн определяет благополучие как субъективное ощущение счастья и удовлетворенности жизнью (Bradburn, 1969); Э. Динер – как соотношение негативного и позитивного аффектов, включающее три составляющие: удовлетворение, приятные и неприятные эмоции (Diener, 1984). К. Рифф рассматривает благополучие в качестве позитивной активности личности, в составе которой выделяется шесть блоков: позитивные отношения с другими, автономность, компетентность, цели в жизни, личностный рост и самопринятие (Ryff, Keyes, 1995), а Р. Риан и Е. Деси – в качестве эффективного функционирования, включающего, активность, бодрость, хорошее самочувствие и жизнеспособность (Ryan, Deci, 2000). М. Селигман подчеркивает в благополучии положительную аффективность, сочетающуюся с приносящей удовлетворение деятельностью (Селигман, 2013). В отечественной психологии Л.В. Куликов под благополучием понимает достаточно устойчивое и обобщенное переживание, играющее важную роль для человека, формирующееся из субъективной оценки жизненных ситуаций и включающее две составляющие: познавательную – как представление о своем бытии и эмоциональную – как преобладающий тон отношения к нему (Куликов и др., 1997). С.А. Минюрова и И.В. Заусенко характеризуют благополучие как удовлетворенность своей жизнью, которая является следствием позитивного функционирования, полученного за счет саморазвития (Минюрова, Заусенко, 2013). Р.М. Шамионов считает, что благополучие тесно связано с возможностью удовлетворения потребностей, субъективным отношением личности к этому, а также к событиям жизни, устремлениям, находящим отражение в самосознании (Шамионов, 2008). Т.О. Гордеева связывает благополучие с низким уровнем нейротизма, депрессии и тревожности, ощущением контроля происходящего и высокой самооценкой (Гордеева, 2011); П.П. Фесенко – с переживанием субъектом удовлетворенности своей жизнью, которая выступает следствием анализа ее актуальных и потенциальных феноменов (Фесенко, 2005).

Основные принципы позитивной психологии были сформулированы и декларированы М. Селигманом в 1998 г., в 2001 г. К. Петерсон и М. Селигман создали методику диагностики личностных достоинств, обеспечивающих характерологическую позитивность человека, «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» (Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS,) в виде личностного опросника, включающего 240 вопросов (Peterson, Seligman, 2004). Опросник VIA-IS содержит двадцать четыре субшкалы, которые формируют шесть основных шкал: «Мудрость и знание», «Мужество», «Гуманизм и любовь», «Справедливость», «Умеренность» и «Духовность», названные авторами методики основными личностными достоинствами. В литературе эти шкалы характеризуются следующим образом: шкала «Мудрость и знание»

оценивает когнитивные особенности человека, характеризующие эффективность его работы с актуальной новой информацией; шкала «Мужество» – личностные достоинства, позволяющие достигнуть желаемую цель, преодолеть трудности, в том числе с помощью самоограничений; шкала «Гуманизм и любовь» подразумевает чуткость к окружающим, сопереживание, готовность помочь; шкала «Справедливость» определяет способность к сотрудничеству и формированию конструктивных межличностных отношений; шкала «Умеренность» оценивает сдержанность во взаимоотношениях с другими членами общества; шкала «Духовность» измеряет качества, способствующие реализации смыслов поведения личности (Леонтьев, 2011).

Полная версия опросника VIA-IS в англоязычном варианте прошла проверку на валидность и надежность. По данным литературы, все двадцать четыре субшкалы методики высоко согласованы (значения коэффициентов α Кронбаха больше 0,7), ретестовая надежность шкал, определенная через четыре месяца, оказалась более 0,7 (Леонтьев, 2011). Апробация русскоязычного варианта полной версии опросника VIA-IS для подростков под названием «Профиль личных достоинств» была проведена И.А. Буровихиной и Д.А. Леонтьевым (Буровихина и др., 2007). Выборку этого исследования составили 145 испытуемых: 79 учеников 9–11 классов (средний возраст 15,5 лет) и 66 студентов-гуманитариев 2-го курса (средний возраст 18,5 лет).

В 2002 г. М. Селигман опубликовал англоязычный сокращенный вариант VIA-IS (Seligman, 2002), диагностирующий те же шкалы, что и полная версия теста, но содержащий 48 вопросов вместо 240. Через девять лет в том же виде сокращенный VIA-IS был приведен в работе М. Селигмана Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being (Seligman, 2011).

Не вызывает сомнений удобство применения сокращенного варианта этого опросника для проведения широкомасштабных исследований на больших выборках респондентов. Таким образом, *целью настоящего исследования* явилась адаптация сокращенного варианта опросника VIA-IS на русскоязычной выборке.

Процедура и методы исследования

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 239 человек: 104 женщины и 135 мужчин. Возраст участников исследования варьировал от 18 до 65 лет. Средний возраст $36,17 \pm 12,22$ года: медиана – 35 лет, мода – 23 (частота моды – 15). Участники исследования проживали в городах Республики Башкортостан РФ: Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск, Бирск и в поселке городского типа Чишмы. В психометрической проверке ретестовой надежности участвовали 105 испытуемых из той же выборки.

Организация и процедура исследования. Исследование проводилось в 2009–2012 гг. (Башкатов, 2013). На этом этапе проводилось тестирование респондентов русскоязычной методикой VIA-IS, рассчитывались показатели описательной статистики, коэффициенты α Кронбаха для определения внутренней согласованности теста, выполнялась проверка на устойчивость (ретестовая надежность), оценивалась конвергентная валидность. В 2020 г. ранее полученные данные дополнительно статистически обработали для про-

верки факторной структуры русскоязычной версии опросника VIA-IS с помощью конфирматорного факторного анализа.

Сокращенную русскоязычную версию VIA-IS брали из переведенных на русский язык трудов М. Селигмана: 1) *Authentic happiness: using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment*, русское издание: «Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни» (Seligman, 2002; Селигман, 2006); 2) *Flourish: a visionary new understanding of happiness and well-being*, русское издание: «Путь к процветанию: новое понимание счастья и благополучия» (Seligman, 2011; Селигман, 2013). Также оригинальный англоязычный текст VIA-IS прошел процедуру прямого и обратного перевода. Таким образом, русскоязычная версия сокращенного опросника VIA-IS была взята из трех источников, переведенных различными специалистами: двух литературных и одного вузовского.

Сокращенная версия VIA-IS включает двадцать четыре субшкалы, представляющие собой пары утверждений (прямой и обратный вопросы) А и Б. При ответе на утверждение респондент выбирает один из наиболее подходящих ответов по пятибалльной шкале Ликерта: 1) совершенно не про меня; 2) не про меня; 3) нейтрально; 4) в общем это про меня; 5) точно соответствует истине. При обработке данных суммируются баллы А и Б по каждой субшкале (балл по утверждению А равен порядковому номеру варианта ответа, по утверждению Б порядок баллов обратный). Для получения балла по шкале суммируются баллы входящих в нее субшкал (субшкалы имеют сквозную нумерацию по всему опроснику). В шкалу «Мудрость и знание» входят субшкалы: 1) «Любознательность»; 2) «Любовь к знаниям»; 3) «Способность к суждениям»; 4) «Изобретательность»; 5) «Умение общаться»; 6) «Умение видеть перспективу». В шкалу «Мужество»: 7) «Храбрость»; 8) «Упорство»; 9) «Цельность натуры». В шкалу «Гуманизм и любовь»: 10) «Доброта»; 11) «Способность любить». В шкалу «Справедливость»: 12) «Коллективизм»; 13) «Справедливость»; 14) «Лидерские качества». В шкалу Умеренность»: 15) «Самоконтроль»; 16) «Благоразумие»; 17) «Смирение». В шкалу «Духовность»: 18) «Чувство прекрасного»; 19) «Благодарность»; 20) «Надежда»; 21) «Осмысленность жизни»; 22) «Прощение»; 23) «Юмор»; 24) «Увлеченность».

Для проверки конвергентной валидности сокращенной версии VIA-IS использовали личностный опросник NEO PI-R, авторами которого являются П. Коста и Р. Мак-Крей (P. Costa, R. McCrae) (Науменко, 2010; Эйдман, 2010; McCrae et al., 2005; Novikova, Vorobyeva, 2019). Сокращение NEO PI-R расшифровывается как Revised NEO Personality Inventory (пересмотренный личностный опросник NEO). Аббревиатура NEO обозначает три основных измерительных шкалы опросника: neuroticism (нейротизм), extraversion (экстраверсия), openness (открытость). Авторами русскоязычной версии методики являются В.Е. Орел, А.А. Рукавишников, И.Г. Сенин, Т.А. Мартин (Орел, Сенин, 2004).

Опросник NEO PI-R измеряет пять основных личностных показателей («Большая пятерка»), выступающих базовыми шкалами методики, каждая из которых включает по шесть более частных субшкал (фасеток), общее количество которых равно тридцати. Полная форма теста включает 240 утверждений, которые оценивают выраженность признака по пятибалльной шкале.

Базовые шкалы опросника NEO PI-R включают следующие субшкалы. В шкалу «Нейротизм» (N) входят: N1 – тревожность; N2 – враждебность; N3 – депрессия; N4 – рефлексия; N5 – импульсивность; N6 – ранимость. В шкалу «Экстраверсия» (E): E1 – сердечность; E2 – общительность; E3 – настойчивость; E4 – активность; E5 – поиск возбуждения; E6 – позитивные эмоции. В шкалу «Открытость опыту» (O): O1 – фантазия; O2 – эстетика; O3 – чувства; O4 – действия; O5 – идеи; O6 – ценности. В шкалу «Сотрудничество» (A): A1 – доверие; A2 – честность; A3 – альтруизм; A4 – уступчивость; A5 – скромность; A6 – чуткость. В шкалу «Добросовестность» (C): C1 – компетентность; C2 – организованность; C3 – послушность долгу; C4 – стремление к достижениям; C5 – самодисциплина; C6 – обдумывание поступков (Науменко, 2010; Эйдман, 2010; McCrae et al., 2005; Novikova, Vorobyeva, 2019).

Выбор русскоязычной версии опросника NEO PI-R для проверки конвергентной валидности русскоязычной сокращенной версии опросника VIA-IS был обусловлен двумя причинами. Во-первых, тем обстоятельством, что большое количество шкал и субшкал NEO PI-R фактически измеряют позитивные характеристики личности. В качестве примера можно назвать такие шкалы, как экстраверсия, открытость опыту, сотрудничество, добросовестность, и субшкалы – сердечность, позитивные эмоции, эстетика, чувства, ценности, честность, альтруизм, чуткость, послушность долгу, стремление к достижениям и др. Во-вторых, по данным литературы, англоязычная версия NEO PI-R использовалась для определения конвергентной валидности полной англоязычной версии VIA-IS (Леонтьев, 2011). В частности, Д.А. Леонтьев пишет (с. 85): «Обнаружены высокие и осмысленные корреляции шкал VIA с со шкалами “большой пятерки”, что подтверждает валидность первых. Например, шкала открытости “большой пятерки” коррелирует с чувством прекрасного, а также с любопытством и интересом к учению. Фактор дружелюбия “большой пятерки” коррелирует с причастностью общему делу, а фактор добросовестности – с упорством и самоконтролем».

Результаты статистически обрабатывали с помощью пакетов компьютерных программ Statistica 10, Jamovi (Браун, 2020) и компьютерной среды R (Revelle, 2019). Так как проверка распределения на нормальность с использованием различных критериев (тест Шапиро – Уилка, χ^2 Пирсона и др.) показала, что данные всех шкал опросника имеют распределение, отличное от нормального, использовались непараметрические методы. Рассчитывали показатели описательной статистики, согласованности, проводили корреляционный анализ и подтверждающий факторный анализ.

Результаты и их обсуждение

После обследования респондентов сокращенной русскоязычной методикой VIA-IS и получения данных *определили внутреннюю согласованность методики*. Для этого рассчитали значения коэффициентов α Кронбаха (табл. 1).

Из табл. 1 следует, что значения коэффициентов α Кронбаха больше 0,6. В «Стандарте требований к психодиагностическим методикам» Н.А. Батурин отмечает, что при разработке шкал теста можно ориентироваться на до-

стижение значений коэффициентов внутренней согласованности пунктов в шкале от 0,7 до 0,9; при этом для личностно-характерологических методик допустимы несколько более низкие значения 0,6–0,8 (Батурин, Мельникова, 2012. С. 126). В наших исследованиях (табл. 1) коэффициенты α Кронбаха демонстрируют достаточную внутреннюю согласованность всех шкал VIA-IS.

Таблица 1

Значения коэффициентов α Кронбаха для шкал сокращенной русскоязычной версии VIA-IS
[Table 1. Cronbach's α coefficients for the Russian abridged VIA-IS scales]

Шкалы VIA-IS	α Кронбаха
Мудрость и знание	0,74
Мужество	0,62
Гуманизм и любовь	0,77
Справедливость	0,81
Умеренность	0,71
Духовность	0,72

Проверка методики на устойчивость (ретестовая надежность) проводилась на 105 респондентах из исходной выборки. Промежуток времени между первым и повторным тестированиями составил 6 месяцев. Для каждой шкалы рассчитывали коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Полученные результаты приведены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты изучения ретестовой надежности русскоязычной версии сокращенного опросника VIA-IS с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена
[Table 2. Retest reliability of the Russian abridged VIA-IS: Spearman's correlation coefficient]

Шкалы VIA-IS	Коэффициент корреляции Спирмена, r_s	p
Мудрость и знание	0,62	<0,001
Мужество	0,63	<0,001
Гуманизм и любовь	0,65	<0,001
Справедливость	0,75	<0,001
Умеренность	0,62	<0,001
Духовность	0,73	<0,001

В «Стандарте требований к психодиагностическим методикам» Н.А. Батурин отмечает, что надежность по ретестовой стабильности должна находиться в пределах коэффициентов корреляции от 0,6 до 0,8; в случае высокой зависимости измеряемого свойства (феномена) от изменчивых ситуационных или внутренних факторов допускается корреляция в интервале 0,4–0,6 (Батурин, Мельникова, 2012. С. 128). Из данных табл. 2 следует, что коэффициенты корреляции находятся в диапазоне 0,6–0,8, что позволяет сделать вывод о нахождении ретестовой надежности шкал сокращенной методики VIA-IS в допустимых пределах.

Проверка конвергентной валидности сокращенной версии VIA-IS. На выборке 239 человек были рассчитаны коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между шкалами методик VIA-IS и NEO PI-R, представленные в табл. 3.

Из данных табл. 3 следует, что шкала VIA-IS «Мудрость и знание» статистически значимо коррелирует ($p < 0,001$) со шкалами NEO PI-R, имею-

щими в своих характеристиках позитивные составляющие: «Экстраверсия», «Открытость опыту» и «Добросовестность». Шкала «Мужество» – со шкалами «Экстраверсия» и «Добросовестность». Шкала «Гуманизм и любовь» – со шкалами «Экстраверсия» и «Добросовестность». Шкала «Справедливость» – со шкалами «Экстраверсия», «Сотрудничество», «Добросовестность». Шкала «Умеренность» – со шкалами «Сотрудничество» и «Добросовестность». Шкала «Духовность» – со шкалами «Экстраверсия», «Открытость опыту», «Добросовестность».

Таблица 3

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между шкалами методик VIA-IS и NEO PI-R
 [Table 3. Spearman's correlation coefficients between the Russian abridged VIA-IS and NEO PI-R scales]

Шкалы VIA-IS	Шкалы NEO PI-R				
	Нейротизм	Экстраверсия	Открытость опыту	Сотрудничество	Добросовестность
Мудрость и знание	-0,37	0,41	0,38	0,14	0,37
Мужество	-0,44	0,42	-0,03	0,21	0,55
Гуманизм и любовь	-0,22	0,35	0,27	0,19	0,27
Справедливость	-0,40	0,37	0,03	0,35	0,40
Умеренность	-0,35	0,06	-0,001	0,31	0,32
Духовность	-0,39	0,50	0,33	0,26	0,46

Примечание. Жирным шрифтом выделены статистически значимые корреляции ($p < 0,001$).

Анализ корреляций субшкал NEO PI-R, имеющих в своих характеристиках позитивные составляющие, и показателей VIA-IS выявил большое количество статистически значимых связей ($p < 0,001$). В частности, субшкала «Сердечность» (NEO PI-R) коррелирует с «Мудростью и знанием» ($r_s = 0,39$), «Мужеством» ($r_s = 0,34$), «Гуманизмом и любовью» ($r_s = 0,37$), «Справедливостью» ($r_s = 0,42$), «Чувством прекрасного» ($r_s = 0,35$), «Духовностью» ($r_s = 0,54$). Субшкала «Позитивные эмоции» (NEO PI-R) коррелирует с «Мудростью и знанием» ($r_s = 0,40$), «Способностью любить» ($r_s = 0,39$), «Чувством прекрасного» ($r_s = 0,37$), «Осмысленностью жизни» ($r_s = 0,35$), «Духовностью» ($r_s = 0,52$). Субшкала «Альтруизм» (NEO PI-R) коррелирует с «Храбростью» ($r_s = 0,32$), «Благодарностью» ($r_s = 0,37$), «Прощением» ($r_s = 0,33$), «Увлеченностью» ($r_s = 0,42$), «Духовностью» ($r_s = 0,46$).

Выявленные связи между шкалами VIA-IS и NEO PI-R свидетельствуют о достаточной конвергентной валидности сокращенной версии VIA-IS.

Проверка факторной структуры. Для проверки соответствия полученных данных структуре шкал сокращенного опросника VIA-IS провели непараметрический конфирматорный факторный анализ в среде R, использовали робастный эстиматор DWLS (диагонально взвешенный метод наименьших квадратов). Полученные результаты приведены в табл. 4.

Из данных табл. 4 видно, что из двадцати четырех субшкал теста VIA-IS двадцать три субшкалы вошли в соответствующие шесть шкал, за исключением субшкалы «Смирение» ($p = 0,518$). Значения RMSEA и CFI соответствуют предъявляемым методическим требованиям. Из этого следует, что конфирматорный факторный анализ подтверждает факторную структуру шкал

сокращенного опросника VIA-IS. В то же время полученные результаты свидетельствуют о необходимости исключения субшкалы «Смирение» из структуры адаптируемой методики и, соответственно, требуют повторного проведения конфирматорного факторного анализа без этой субшкалы для доказательства соответствия полученных данных структуре шкал сокращенного оригинального опросника VIA-IS. Результаты повторного конфирматорного анализа приведены в табл. 5.

Из данных табл. 5 видно, что все двадцать три субшкалы опросника VIA-IS вошли в свои соответствующие шесть шкал. Значения RMSEA и CFI соответствуют предъявляемым методическим требованиям. Следовательно, конфирматорный факторный анализ подтверждает факторную структуру шкал сокращенного опросника VIA-IS, которую образуют шесть шкал, в состав которых входят двадцать три субшкалы.

Таблица 4

**Результаты конфирматорного факторного анализа субшкал
русскоязычной версии сокращенного опросника VIA-IS**
[Table 4. Results of the confirmatory factor analysis of the Russian abridged VIA-IS subscales]

Факторы	Показатели	Оценка (стандарт)	SE	Z	P
Factor 1	1. Любознательность	0,525	0,0811	8,06	< ,001
	2. Любовь к знаниям	0,443	0,1391	6,84	< ,001
	3. Способность к суждениям	0,456	0,2268	4,29	< ,001
	4. Изобретательность	0,422	0,1900	5,21	< ,001
	5. Умение общаться	0,566	0,1814	6,99	< ,001
	6. Умение видеть перспективу	0,643	0,2272	6,81	< ,001
Factor 2	7. Храбрость	0,791	0,0808	12,39	< ,001
	8. Упорство	0,631	0,1089	8,38	< ,001
	9. Цельность натуры	0,484	0,1175	5,51	< ,001
Factor 3	10. Доброта	0,255	0,1660	2,47	0,014
	11. Способность любить	0,352	0,4659	3,17	0,002
Factor 4	12. Коллективизм	0,409	0,1191	5,27	< ,001
	13. Справедливость	0,350	0,1586	4,92	< ,001
	14. Лидерские качества	0,528	0,2392	5,78	< ,001
Factor 5	15. Самоконтроль	0,457	0,1626	4,65	< ,001
	16. Благоразумие	0,335	0,1764	3,95	0,000
	17. Смирение	-0,049	0,1686	-0,65	0,518
Factor 6	18. Чувство прекрасного	0,482	0,0993	7,76	< ,001
	19. Благодарность	0,534	0,1371	6,61	< ,001
	20. Надежда	0,668	0,1603	8,04	< ,001
	21. Осмысленность жизни	0,595	0,2105	6,61	< ,001
	22. Прощение	0,274	0,2141	2,63	,009
	23. Юмор	0,438	0,1979	4,67	< ,001
	24. Увлеченность	0,700	0,2086	6,40	< ,001

Примечание. Test for Exact Fit: $\chi^2 = 258,541$ ($df = 236$, $p = 0.15$). Fit Measures: CFI = 0.991, TLI = 0.989, RMSEA = 0.02, RMSEA 90% CI: lower < 0.001, upper = 0.034.

**Результаты конфирматорного факторного анализа субшкал
русскоязычной версии сокращенного опросника VIA-IS без субшкалы «Смирение»**
[Table 5. Results of the confirmatory factor analysis of the Russian abridged VIA-IS subscales
without “Humility”]

Факторы	Показатели	Оценка (стандарт)	SE	Z	P
Factor 1	1. Любознательность	0,525	0,0811	8,06	< ,001
	2. Любовь к знаниям	0,443	0,1391	6,86	< ,001
	3. Способность к суждениям	0,459	0,2268	4,30	< ,001
	4. Изобретательность	0,421	0,1900	5,20	< ,001
	5. Умение общаться	0,565	0,1814	6,99	< ,001
	6. Умение видеть перспективу	0,642	0,2272	7,00	< ,001
Factor 2	7. Храбрость	0,791	0,0808	12,39	< ,001
	8. Упорство	0,630	0,1089	8,38	< ,001
	9. Цельность натуры	0,485	0,1175	5,52	< ,001
Factor 3	10. Доброта	0,257	0,1660	2,47	0,014
	11. Способность любить	0,349	0,4659	3,16	0,002
Factor 4	12. Коллективизм	0,409	0,1191	5,27	< ,001
	13. Справедливость	0,351	0,1586	4,93	< ,001
	14. Лидерские качества	0,527	0,2392	5,80	< ,001
Factor 5	15. Самоконтроль	0,469	0,1626	4,65	< ,001
	16. Благоразумие	0,343	0,1764	3,95	< ,001
Factor 6	17. Чувство прекрасного	0,482	0,0993	7,76	< ,001
	18. Благодарность	0,535	0,1371	6,61	< ,001
	19. Надежда	0,668	0,1603	8,04	< ,001
	20. Осмысленность жизни	0,594	0,2105	6,62	< ,001
	21. Прощение	0,276	0,2141	2,65	,008
	22. Юмор	0,437	0,1979	4,66	< ,001
	23. Увлеченность	0,699	0,2086	6,40	< ,001

Примечание. Test for Exact Fit: $\chi^2 = 210,751$ ($df = 214$, $p = 0.55$). Fit Measures: CFI = 1.000, TLI = 1.002, RMSEA = 0.001, RMSEA 90% CI: lower < 0.001, upper = 0.026.

М. Селигман описывает шкалу «Умеренность» следующим образом: «Одна из основных добродетелей, умеренность, состоит в самоограничении, сдерживании своих желаний и appetитов. Умеренный человек не подавляет своих желаний – он ждет удобного момента их удовлетворить, не нанеся при этом ущерба ни себе, ни окружающим» (Селигман, 2006. С. 203–204). В шкалу «Умеренность» входят субшкала «Самоконтроль», которую М. Селигман характеризует как способность контролировать свои желания, потребности и порывы, воплощать в жизнь свои представления о том, что хорошо, а что – дурно (Селигман, 2006. С. 204), и субшкала «Благоразумие», подразумевающая обладание такими качествами, как осторожность, рассудительность, дальновидность, целеустремленность (Селигман, 2006. С. 204–205). Очевидно, такое описание субшкал «Самоконтроль» и «Благоразумие» свидетель-

ствуется о достаточной презентации ими шкалы «Умеренность» как психологического конструкта, разработанного М. Селигманом.

Исключенную нами из методики по результатам конфирматорного анализа субшкалы «Смирение» М. Селигман характеризует следующим образом: «Вы не считаете себя особенным, и окружающие ценят вашу скромность. <...> Вы действительно смиренны, если для вас все это не показная скромность, а стиль жизни» (Селигман, 2006. С. 205). В этой субшкале прямой вопрос, на который отвечает респондент, звучит следующим образом: «Я меняю тему, когда люди начинают говорить мне комплименты», а обратный – «Я часто рассказываю о своих успехах».

На наш взгляд, для русскоязычной выборки эти вопросы больше характеризуют успешность и скромность, а не скромность и смирение, как следовало бы по замыслу М. Селигмана. Очевидно, этим обусловлено выпадение этой субшкалы из структуры адаптируемого теста. Тем не менее еще раз подчеркнем, что шкала «Умеренность» в достаточной мере описывается содержательными характеристиками субшкал «Самоконтроль» и «Благоразумие», представленными в русскоязычной версии сокращенной методики VIA-IS.

Таким образом, сокращенный русскоязычный вариант методики К. Петерсона и М. Селигмана VIA-IS содержит двадцать три пары утверждений (прямой и обратный вопросы), согласие/несогласие с которыми респонденты выражают с использованием пятибалльной шкалы Ликерта. Итоговый текст методики, инструкция и процедура обработки результатов представлены в Приложении.

Характеристики описательной статистики данных обследования испытуемых сокращенным вариантом опросника VIA-IS на русскоязычной выборке приведены в табл. 6.

Таблица 6

Характеристики описательной статистики данных обследования 239 испытуемых сокращенным опросником VIA-IS (тестовые баллы)
 [Table 8. Descriptive statistics for the Russian abridged VIA-IS (test scores), N = 239]

Показатели	Мудрость и знание	Мужество	Гуманизм и любовь	Справедливость	Умеренность	Духовность
Медиана	43	22	14	21	14	52
Мода	43	22	–	21	14	53
Частота моды	28	39	41	44	44	24
25 перцентиль	40	20	13	19	12	48
75 перцентиль	46	24	16	22	15	54
Минимум	26	11	8	8	7	19
Максимум	59	30	20	30	20	70
Среднее	42,82	21,79	14,03	20,49	13,52	51,58
Стандартное отклонение	5,25	3,16	2,25	3,13	2,31	6,25
Дисперсия	27,57	9,97	5,07	9,77	5,35	39,12
Асимметрия	–0,232	–0,314	–0,082	–0,033	0,066	–0,386
Эксцесс	1,027	0,820	0,047	1,049	–0,199	3,426

Данные табл. 6 содержат основные характеристики описательной статистики шести шкал сокращенной версии VIA-IS и выступают в качестве *тестовых норм* адаптируемой методики VIA-IS.

Заключение

Целью настоящего исследования явилась адаптация сокращенного варианта опросника VIA-IS на русскоязычной выборке. Обработка и интерпретация результатов тестирования 239 респондентов показала достаточную внутреннюю согласованность теста: все шесть шкал продемонстрировали надлежащие значения коэффициентов α Кронбаха.

Проверка устойчивости сокращенной методики VIA-IS (ретестовая надежность), проведенная через 6 месяцев после первого тестирования, констатировала, что коэффициенты корреляции данных по шкалам находятся в пределах требуемых значений. Также хорошие результаты показала проверка конвергентной валидности, для проведения которой использовали личностный опросник NEO PI-R («Большая пятерка») П. Косты и Р. Мак-Крея.

Проверка соответствия факторной структуры русскоязычного сокращенного опросника VIA-IS исходному англоязычному сокращенному опроснику, выполненная с применением непараметрического конфирматорного факторного анализа дала положительные результаты. Факторное решение выявило такие же шесть факторов, как в исходной англоязычной методике. При этом сохранились двадцать три субшкалы из двадцати четырех: из шкалы «Умеренность» пришлось вывести субшкалу «Смирение», что не отражается на качестве интерпретации этой шкалы и психодиагностической методики в целом.

Таким образом, для русскоязычной выборки подходит шестифакторная модель сокращенного опросника VIA-IS, включающая шкалы «Мудрость и знание», «Мужество», «Гуманизм и любовь», «Справедливость», «Умеренность» и «Духовность» (см. Приложение).

Результаты исследования имеют ряд *ограничений*. Прежде всего, они связаны с тем, что данные собирались несколько лет назад и только в одном из регионов России; для первичной и последующей обработки данных использовались различные статистические пакеты и программы; не удалось полностью воспроизвести факторную структуру англоязычного варианта опросника (из опросника выведена одна из субшкал). Соответственно, *перспективы* дальнейшей работы мы связываем с продолжением сбора первичных данных, расширением выборки, использованием современных средств психометрической проверки методики (например, коэффициента ω Мак-Дональда). Возможно, потребуется удаление или переформулировка некоторых пунктов опросника.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать *вывод* о том, что русскоязычный вариант сокращенного опросника К. Петерсона и М. Селигмана VIA-IS (Ценности в действии: инвентаризация достоинств) прошел основные процедуры адаптации и психометрической проверки на российской выборке и может быть использован для экспресс-диагностики основных личностных достоинств человека, рассматриваемых в русле позитивной психологии.

Благодарности и финансирование. Автор благодарит кандидата психологических наук, доцента, доцента кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов Дмитрия Александровича Шляхту за помощь в проведении статистических расчетов в компьютерной среде R.

Список литературы

- Батурин Н.А., Мельникова Н.Н.* Временный стандарт требований к психодиагностическим методикам и процедура сертификации методик // Технология разработки психодиагностических методик. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. С. 126–128.
- Башкатов С.А.* Разноуровневые факторы личностного благополучия: дис. ... канд. психол. наук. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2013. 179 с.
- Браун Г.* Исследование структуры данных и оценка размерности: эксплораторный и конфирматорный факторный анализ // Теория и практика разработки тестов: прикладная психометрика в психологии и образовании. М.: Высшая школа экономики, 2020. 3 с. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2019/05/07/1502507409/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B8%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86%20%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7.pdf> (дата обращения: 15.10.2020).
- Буровихина И.А., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Силы характера как ресурсы личности подростка: опыт применения профиля личных достоинств // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 107–127.
- Гордеева Т.О.* Оптимизм как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 131–177.
- Куликов Л.В., Дмитриева М.С., Долина М.Ю., Иванов О.В., Розанова М.А., Тимошенко Т.Г.* Факторы психологического благополучия личности // Теоретические и прикладные вопросы психологии: материалы юбилейной конференции «Ананьевские чтения – 97». СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. Вып. 3. Ч. 1. С. 342–350.
- Леонтьев Д.А.* Подход через позитивные черты личности: от психического благополучия к добродетелям и силам характера // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 76–91.
- Минюрова С.А., Заусенко И.В.* Личностные детерминанты психологического благополучия педагога // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 94–101.
- Науменко А.С.* Личностный опросник NEO PI-R: рецензия // Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения / под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. С. 43–49.
- Орел В.Е., Сенин И.Г.* Личностные опросники NEO PI-R и NEO FFI: руководство по применению. 2-е изд. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2008. 40 с.
- Селигман М.* Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни / пер. с англ. М.: София, 2006. 368 с.
- Селигман М.* Путь к процветанию: новое понимание счастья и благополучия / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 440 с.
- Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2002. С. 31.
- Фесенко П.П.* Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: РГГУ, 2005. 26 с.
- Шамионов Р.М.* Самосознание и субъективное благополучие личности // Проблемы социальной психологии личности / под ред. Р.М. Шамионова. Саратов: СГУ имени Н.Г. Чернышевского, 2008. С. 36–41.
- Эйдман Е.В.* Личностный опросник NEO PI-R: рецензия // Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения / под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. С. 37–43.
- Bradburn N.* The Structure of Psychological well-being. Chicago: Aldene Pab, 1969. 269 p.

- Diener E., Seligman M.E.P.* Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. 1984. No. 95. Pp. 542–575.
- McCrae R.R., Costa P.T., Martin T.A.* The NEO-PI-3: A more readable Revised Neo Personality Inventory // *Journal of Personality Assessment*. 2005. Vol. 84. No. 3. Pp. 261–270. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa8403_05
- Novikova I.A., Vorobyeva A.A.* The Five-Factor Model // *Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives* / ed. by K.D. Keith. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell. Pp. 685–706. <https://doi.org/10.1002/9781119519348.ch33>
- Peterson C., Seligman M.E.P.* Character strengths and virtues: a handbook and classification. N.Y.: Oxford Press, 2004. 800 p.
- Revelle W.* psych: Procedures for Psychological, Psychometric, and Personality Research (R package). 2019. URL: <https://cran.r-project.org/package=psych>
- Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. Pp. 68–78.
- Ryff C.D., Keyes C.L.M.* The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. No. 69. Pp. 719–727.
- Seligman M.E.P.* Authentic happiness: using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment. N.Y.: Free Press, 2002. 321 p.
- Seligman M.E.P.* Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. N.Y.: Free Press, 2011. 351 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сокращенный русскоязычный вариант опросника К. Петерсона и М. Селигмана «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» (Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS)

Инструкция. Ниже приведены 23 пары утверждений А и Б. При ответе на каждое утверждение выберите один из наиболее подходящих ответов: 1 – совершенно не про меня; 2 – не про меня; 3 – нейтрально; 4 – в общем это про меня; 5 – точно соответствует истине.

- 1А. Я всегда любознателен.
1Б. Мне все быстро надоедает.
- 2А. Я с удовольствием узнаю что-то новое.
2Б. Я не посещаю ни музеев, ни другие культурные учреждения.
- 3А. В случае необходимости я способен мыслить критически.
3Б. Я склонен к скоропалительным выводам.
- 4А. Мне нравится все делать по-новому.
4Б. Большинство моих друзей гораздо более творческие личности, чем я сам.
- 5А. Я могу приспособиться к любой ситуации.
5Б. Я плохо улавливаю чувства других людей.
- 6А. Я всегда способен взглянуть на происходящее в целом, с учетом перспективы.
6Б. Ко мне редко обращаются за советом.
- 7А. Я всегда выполняю свой долг несмотря на любые трудности и опасности.
7Б. Я часто падаю духом перед лицом серьезных трудностей или опасностей.
- 8А. Я всегда довожу начатое дело до конца.
8Б. Занимаясь каким-либо делом, я часто отвлекаюсь от основной цели.
- 9А. Я всегда исполняю обещания.

- 9Б. Мне еще никто не говорил, что я реалист.
- 10А. Я недавно помог соседу, причем добровольно.
- 10Б. Я очень редко принимаю близко к сердцу судьбы других людей.
- 11А. Среди моих друзей есть те, кто заботится обо мне не меньше, чем о себе.
- 11Б. Я не часто позволяю себя любить.
- 12А. Лучше всего я работаю в команде.
- 12Б. Я еще подумаю, прежде чем решиться пожертвовать собственными интересами в пользу моего коллектива.
- 13А. Я одинаково отношусь ко всем людям независимо от их положения.
- 13Б. Если я кого-то недолюбливаю, мне трудно относиться к нему объективно.
- 14А. Я способен организовать работу коллектива, не изводя сотрудников.
- 14Б. Я плохо умею организовать работу коллектива.
- 15А. Я контролирую свои эмоции.
- 15Б. Я с трудом выдерживаю диету.
- 16А. Я избегаю занятий, угрожающих здоровью.
- 16Б. Я часто ошибаюсь, выбирая друзей и знакомых.
- 17А. Недавно я испытал восторг, созерцая произведение искусства (слушая музыку, наслаждаясь спектаклем, спортивным зрелищем, изучая достижения науки).
- 17Б. За последний год я не создал ничего прекрасного.
- 18А. Я всегда благодарю людей, даже за мелочи.
- 18Б. Я редко задумываюсь над тем, кому и за что должен быть благодарен.
- 19А. Я всегда и во всем пытаюсь отыскать положительную сторону.
- 19Б. Я редко думаю о том, что хотел бы сделать в будущем.
- 20А. Моя жизнь подчинена великой цели.
- 20Б. Я не знаю, в чем мое призвание.
- 21А. Я живу под девизом: «Кто прошлое помянет – тому глаз вон».
- 21Б. Я всегда свожу счеты с обидчиками.
- 22А. Я всегда по возможности перемежаю работу шуткой и веселостью.
- 22Б. Я редко говорю смешные вещи.
- 23А. Я всецело отдаюсь всему, что делаю.
- 23Б. Я нередко бываю подавлен и ко всему безучастен.

Обработка результатов. Суммируются баллы А и Б по каждой субшкале (балл по утверждению А равен порядковому номеру варианта ответа, по утверждению Б порядок баллов обратный). Для получения балла по шкале суммируются баллы входящих в нее субшкал согласно таблице.

Шкала	Номера и наименования субшкал
Мудрость и знание	1) Любознательность; 2) Любовь к знаниям; 3) Способность к суждениям; 4) Изобретательность; 5) Умение общаться; 6) Умение видеть перспективу
Мужество	7) Храбрость; 8) Упорство; 9) Цельность натуры
Гуманизм и любовь	10) Доброта; 11) Способность любить
Справедливость	12) Коллективизм; 13) Справедливость; 14) Лидерские качества
Умеренность	15) Самоконтроль; 16) Благоразумие
Духовность	17) Чувство прекрасного; 18) Благодарность; 19) Надежда; 20) Осмысленность жизни; 21) Прощение; 22) Юмор; 23) Увлеченность

История статьи:

Поступила в редакцию: 21 сентября 2020 г.

Принята к печати: 15 ноября 2020 г.

Для цитирования:

Башкатов С.А. Адаптация сокращенного варианта опросника К. Петерсона и М. Селигмана «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» (Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS) на русскоязычной выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 738–754. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-738-754>

Сведения об авторе:

Башкатов Сергей Александрович, доктор биологических наук, кандидат психологических наук, профессор, декан биологического факультета Башкирского государственного университета (Уфа, Россия). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7181-9230>, eLIBRARY SPIN-код: 5982-6798. E-mail: s_bashkatov@list.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-738-754

Research article

Adaptation of a shortened version of Peterson and Seligman's Values in Action Inventory of Strengths (VIA-IS) with a Russian-language sample

Sergey A. Bashkatov

Bashkir State University
32 Zaki Validi St, Ufa, 450076, Russian Federation

Abstract. *The Values in Action Inventory of Strengths (VIA-IS) designed by C. Peterson and M. Seligman is in widespread use in modern psychological research. It includes 240 questions aimed at describing personal qualities relating to a person's strengths and virtues of character. In 2002, M. Seligman published an abridged version of the VIA-IS in English, measuring the same strengths as the full version of the inventory, but containing 48 items instead of 240. There is no doubt about the convenience of using the abridged version of this questionnaire for conducting large-scale studies on large samples of respondents. Following this logic, the purpose of this research was to adapt this shortened version of the VIA-IS for a Russian-speaking sample. Examination of data gathered from 239 respondents revealed sufficient internal consistency of the inventory: all six of the scales demonstrated sufficient values of Cronbach's alpha coefficients. Verification of the inventory for retest reliability, carried out six months after the first testing, yielded positive results: it was determined that the correlation coefficients of the data on the scales were within required values for adequate test-retest reliability. A convergent validity test also showed good results. The conformity of the factor structure of the Russian-language abbreviated VIA-IS to the original English-language abbreviated inventory was verified using confirmatory factor analysis. In conclusion, the Russian-language version of the abridged VIA-IS can be used for the psychological measurement of personality strengths of mentally healthy Russian respondents within the context of the positive psychology framework.*

Key words: positive psychology, diagnostics of positive personality traits, personality strengths, Values in Action Inventory of Strengths, VIA-IS, Russian-language adaptation of the VIA-IS

Acknowledgements and Funding. The author is grateful to Dmitry A. Shlyakhta, Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Department (RUDN University), for his help with data proceeding in R Environment for Statistical Computing.

References

- Baturin, N.A., & Melnikova, N.N. (2012). Vremennyi standart trebovaniy k psikhodiagnosticheskim metodikam i procedura sertifikacii metodik. *Tekhnologiya razrabotki psikhodiagnosticheskikh metodik*. Chelyabinsk: YUUrGU Publ. (In Russ.)
- Bashkatov, S.A. (2013). *Raznourovnevye faktory lichnostnogo blagopoluchiya. Ph.D. in Psychology Thesis*. Chelyabinsk: South Ural State University. (In Russ.)
- Bradburn, N. (1969). *The Structure of Psychological well-being*. Chicago: Aldene Pab.
- Braun, G. (2020). Issledovanie struktury dannyh i ozenka razmernosti: Eksploratornyy i konfirmatornyy faktorny analiz. *Teoriya i praktika razrabotki testov: Prikladnaya psihometrika v psikhologii i obrazovanii*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ. (In Russ.) Retrieved October 15, 2020, from <https://ioe.hse.ru/data/2019/05/07/1502507409/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B8%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B8%CC%86%20%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7.pdf>
- Burovihina, I.A., Leontyev, D.A., & Osin, E.N. (2007). Sily kharaktera kak resursy lichnosti podrostka: Opyt primeneniya profilya lichnykh dostoinstv. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, (1), 107–127. (In Russ.)
- Diener, E., & Seligman, M.E.P. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95, 542–575.
- Eidman, E.V. (2010). Lichnostnyy oprosnik NEO PI-R: Retenziya. *Ezhegodnik professional'nykh recenzij i obzorov. Metodiki psikhologicheskoi diagnostiki i izmereniya* (pp. 37–43). Chelyabinsk: YUUrGU Publ. (In Russ.)
- Fesenko, P.P. (2005). *Osmyslennost' zhizni i psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti. Ph.D. in Psychology Thesis*. Moscow: RSHU Publ. (In Russ.)
- Gordeeva, T.O. (2011). Optimizm kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala. In D.A. Leontyev (Ed.), *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* (pp. 131–177). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Kulikov, L.V., Dmitrieva, M.S., Dolina, M.Yu., Ivanov, O.V., Rozanova, M.A., & Timoshenko, T.G. (1997). Faktory psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti. *Anan'evskie chteniya – 97: Conference Proceeding*, 3(1), 342–350. Saint Petersburg: SPbSU Publ. (In Russ.)
- Leontyev, D.A. (2011). Podhod cherez pozitivnye cherty lichnosti: Ot psikhicheskogo blagopoluchiya k dobrodetelyam i silam kharaktera. In D.A. Leontyev (Ed.), *Lichnostnyy potentsial: Struktura i diagnostika* (pp. 76–91). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- McCrae, R.R., Costa, P.T., & Martin, T.A. (2005). The NEO-PI-3: A more readable Revised Neo Personality Inventory. *Journal of Personality Assessment*, 84(3), 261–270. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa8403_05
- Minyurova, S.A., & Zausenko, I.V. (2013). Personal determinants of psychological well-being of a teacher. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii*, (1), 94–101. (In Russ.)
- Naumenko, A.S. (2010). Lichnostnyy oprosnik NEO PI-R: Recenziya. *Ezhegodnik professional'nykh recenzij i obzorov. Metodiki psikhologicheskoi diagnostiki i izmereniya* (pp. 43–49). Chelyabinsk: YUUrGU Publ. (In Russ.)
- Novikova, I.A., & Vorobyeva, A.A. (2019). The Five-Factor Model. In K.D. Keith (Ed.), *Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives* (pp. 685–706). Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781119519348.ch33>

- Orel, V.E., & Senin, I.G. (2008). *Lichnostnye oprosniki NEO PI-R i NEO FFI: Manual*. Yaroslavl: NPC “Psihodiagnostika” Publ. (In Russ.)
- Peterson, C., & Seligman, M.E.P. (2004). *Character strengths and virtues: A handbook and classification*. New York: Oxford Press.
- Revelle, W. (2019). *psych: Procedures for Psychological, Psychometric, and Personality Research (R package)*. Retrieved from <https://cran.r-project.org/package=psych>
- Ryan, R.M., & Deci, E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55, 68–78.
- Ryff, C.D., & Keyes, C.L.M. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 719–727.
- Seligman, M.E.P. (2002). *Authentic happiness: Using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment*. New York: Free Press.
- Seligman, M. (2006). *Novaya pozitivnaya psihologiya: Nauchnyj vzglyad na schast'e i smysl zhizni*. Moscow: Sofiya Publ. (In Russ.)
- Seligman, M.E.P. (2011). *Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being*. New York: Free Press.
- Seligman, M. (2013). *Put' k protsvetaniyu: Novoe ponimanie schast'ya i blagopoluchiya*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ. (In Russ.)
- Sidorenko, E.V. (2002) *Metody matematicheskoy obrabotki v psihologii*. Saint Petersburg: Rech Publ. (In Russ.)
- Shamionov, R.M. (2008). Samosoznanie i sub"ektivnoe blagopoluchie lichnosti. In R.M. Shamionov (Ed.), *Problemy social'noj psihologii lichnosti*. Saratov: SGU Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 21 September 2020

Revised: 10 November 2020

Accepted: 15 November 2020

For citation:

Bashkatov, S.A. (2020). Adaptation of a shortened version of Peterson and Seligman's Values in Action Inventory of Strengths (VIA-IS) with a Russian-language sample. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 738–754. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-738-754>

Bio note:

Sergey A. Bashkatov, Sc. Doctor of Biology, Ph.D. in Psychology, Professor, is Dean of the Biology Department of Bashkir State University (Ufa, Russia). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7181-9230>, eLIBRARY SPIN-code: 5982-6798. E-mail: s_bashkatov@list.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-755-758

Book review

Book Review of
Lambert, L., & Pasha-Ziadi, N. (Eds.). (2019).
Positive Psychology in the Middle East/North Africa:
Research, Policy, and Practice.
Cham, Switzerland: Springer

Grant J. Rich

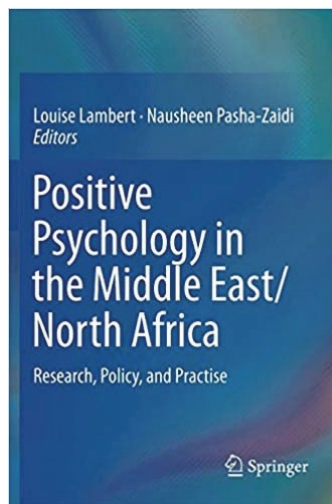
Walden University

100 Washington Ave South, suite 900, Minneapolis, MN 55401, United States of America

Psychology is developing more quickly outside the USA and Europe than within it, with recent estimates indicating over 75% of the world's one million psychologists live outside the USA (Zoma, Gielen, 2015). However, most of psychology's textbooks and research remain focused on Western Europe and the United States (e.g., Henrich et al., 2010; Rich et al., 2017; Rich et al., 2020).

Positive psychology, which originated in the late 1990s with work by Martin Seligman and Mihaly Csikszentmihalyi (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000) also has typically been heavily centered on positivistic methodological approaches by researchers based in these regions utilizing samples from these regions. Recently however there has been a surge of activity towards internationalizing psychology, including positive psychology. One instance of work internationalizing positive psychology is Brown, Lomas and Eiroa-Orosa's 2018 volume *The Routledge International Handbook of Positive Psychology*, which offers diverse methodological approaches as well as an international approach to the topic.

Another welcome addition to the international positive psychology literature is a new edited book by Louise Lambert and Nausheen Pasha-Zaidi, entitled *Positive Psychology in the Middle East/North America* (2019). The book editors are experienced and well-qualified for the present role. Lambert has lived in the United Arab Emirates for nine years and is the Founder and Editor in Chief of the *Middle East Journal of Positive Psychology*. Pasha-Zaidi has worked as an international educator for twenty years, and has worked in the UAE for eight years and now is

© Rich G.J., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

based at the University of Houston-Downtown and serves on the Board of the Chicago School of Professional Psychology. Together these editors have assembled a well-written and informative set of chapters on a unified theme. In the book's introduction the editors note the need to develop an indigenous positive psychology across the Middle East/North Africa (MENA) region to "not only counter the indiscriminate use of Western positive psychological models and interventions in the region, but equally, to encourage the growth of this new science of wellbeing by offering a platform for regional research to be showcased" (p. 1). Furthermore, the editors aim to include focus of recent developments in positive psychology overall, such as emerging trends in Big Data, community level positive psychology as in developing thriving cities, and the implementation and application of positive psychology research to inform decision making by policymakers. The editors have crafted a book that brings together authors who have lived, worked or conducted research in a range of nations in the region including the UAE, Saudi Arabia, Jordan, Lebanon, Egypt, Bahrain, Qatar, and more.

The book is sensibly organized in five parts: 1) government and policy, 2) education and the workplace, 3) measurement: research trends and challenges, 4) culture and religion, and 5) physical and psychological health. As the editors note in their introductory chapter, one emphasis in the book are efforts to ensure that the science component of positive psychology is present, and is not lost among calls by consultants for positivity that make lack evidence bases.

In the first section one finds chapters on the pursuit of national wellbeing policies across the Gulf Cooperation Council (GCC), on the private sector's contribution to wellbeing, and on happiness and the built environment. The book's second section includes chapters on taking positive psychology to Gulf Cooperation Council universities, on positive psychology education and research in Saudi Arabia, and on resolving possibly contradictory agendas while promoting positivity in the workplace. The third section of the book is devoted to measure issues, and includes helpful chapters on the utilization of Big Data for wellbeing research in the Arab world, developing a meaningful and significant research agenda for positive psychology (with an aptly titled chapter called "Because a citation and a contribution are not the same"), and a chapter on the challenging issues of how and why to appropriately measure wellbeing. The fourth section of the book focuses on culture and religion and includes chapters focused on Islamic perspectives on wellbeing, on developing a positive Islamic identity, and on advances in wellbeing in the MENA region. These chapters are especially must-reading for psychologists less familiar with religious perspectives on human affect, cognition, and behavior and seek to understand the implications of such worldviews on psychological wellbeing and distress. The final fifth section includes a variety of chapters focused on physical and psychological health, including contributions focused on incorporating positive health into health promotion initiatives from the UAE's physically active, cross-cultural application issues in positive psychotherapy, and repercussions of individual and societal valuing of happiness. The book ends with a final summative chapter from the book's two co-editors synthesizing the status of positive psychology in the Middle East/North Africa, and aiming to include roles for a range of professions and organizations, from educational institutions and ministries to non-profits and other stakeholders. In particular the editors

advocate for a balance between positive psychology and work on psychological disorders and distress; for instance they are concerned about “smiling fascism” where at its worst, a naïve positive psychology may be too much like Pollyanna and too much focused on seeing the world through rose-colored glasses to be effective (p. 396).

Taken as a whole, this book is a critical addition to international psychology, positive psychology, and indeed to psychology in general, as it offers a glimpse of diverse human functioning around the globe and offers both empirical research and theory-based analysis that in sum will help bring psychology and psychologists to the next step in their evolution.

References

- Brown, N.J., Lomas, T., & Eiroa-Orosa, F.J. (Eds.). (2018). *The Routledge international handbook of critical positive psychology*. NY: Routledge.
- Henrich, J., Heine, S.J., & Norenzayan, A. (2010). Beyond WEIRD: Toward a broad-based behavioral science. *Behavioral and Brain Sciences*, 33, 111–135.
- Rich, G., Ebersöhn, L., Morrissey, S., Padilla-Lopez, A., & Taylor, J. (Eds.). (2020). *Teaching psychology around the world* (vol. 5). Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing.
- Rich, G., Gielen, U., & Takooshian, H. (Eds.). (2017). *Internationalizing the teaching of psychology*. Forewords by Jaan Valsiner, David Myers, and Saths Cooper. Charlotte, NC: Information Age Publishing.
- Seligman, M.E.P., & Csikszentmihalyi, M. (2000). Positive psychology: An introduction. *American Psychologist*, 55, 5–14.
- Zoma, M., & Gielen, U. (2015). How many psychologists are there in the world? *International Psychology Bulletin*, 19(1), 47–50.

Article history:

Received: 23 May 2020

Revised: 25 July 2020

Accepted: 15 September 2020

For citation:

Rich, G.J. (2020). Book Review of Lambert, L., & Pasha-Ziadi, N. (Eds.). (2019). *Positive Psychology in the Middle East/North Africa: Research, Policy, and Practice*. Cham, Switzerland: Springer. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 755–758. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-755-758>

Bio note:

Grant J. Rich, Ph.D., LMT BCTMB, Fellow of the American Psychological Association, is Senior Contributing Faculty at Walden University. He received his Ph.D. in Psychology (Human Development) from the University of Chicago. His work focuses on optimal cross-cultural human development and international positive psychology. Dr. Rich is senior editor of six books, including *Pathfinders in International Psychology* (2015), *Internationalizing the Teaching of Psychology* (2017), *Human Strengths and Resilience: Developmental, Cross-Cultural, and International Perspectives* (2018), *Teaching Psychology Around the World – Volume 4* (2018) and *Volume 5* (2020), *Psychology in Southeast Asia: Sociocultural, Clinical and Health Perspectives* (2020). His peer reviewed research has appeared in journals including *American Psychologist* and *Journal of Positive Psychology*. Dr. Rich has taught at institutions around the globe, recently in Alaska, Cambodia, and India, and lives in Juneau (Alaska, USA). Since 2016, he is member of the Edito-

rial Board of *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Dr. Rich's website may be found at <http://rich.socialpsychology.org/>. Scopus Author ID: 36841136900. E-mail: optimalex@aol.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-755-758

Рецензия на книгу

**Рецензия на книгу:
Positive Psychology in the Middle East/North Africa:
Research, Policy, and Practice /
ed. by L. Lambert, N. Pasha-Ziadi.
Cham, Switzerland: Springer, 2019. 404 p.**

Г.Дж. Рич

Уолденский университет

Соединенные Штаты Америки, MN 55401, Миннеаполис, Washington Ave South, 100, suite 900

История статьи:

Поступила в редакцию: 23 мая 2020 г.

Принята к печати: 15 сентября 2020 г.

Для цитирования:

Rich G.J. Book Review of Lambert, L., & Pasha-Ziadi, N. (Eds.). (2019). *Positive Psychology in the Middle East/North Africa: Research, Policy, and Practice*. Cham, Switzerland: Springer // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 4. С. 755–758. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-755-758>

Сведения об авторе:

Рич Грант Дж., Ph.D., постоянный член Американской психологической ассоциации, заслуженный профессор Уолденского университета. Получил докторскую степень по психологии развития в Чикагском университете. Его научные интересы связаны с изучением оптимального развития человека в кросс-культурном контексте и развитием международной позитивной психологии. Является главным редактором издания *Pathfinders in International Psychology* (2015) и ведущим соредактором пяти книг, изданных в 2017–2020 гг.: *Internationalizing the Teaching of Psychology* (2017), *Human Strengths and Resilience: Developmental, Cross-Cultural, and International Perspectives* (2018), *Teaching Psychology Around the World – Volume 4* (2018) и *Volume 5* (2020), *Psychology in Southeast Asia* (2020). Его научные статьи публиковались в ведущих рецензируемых журналах США, включая *American Psychologist* и *Journal of Positive Psychology*. Доктор Рич является сертифицированным специалистом по терапевтическому массажу (National Certification Board for Therapeutic Massage and Bodywork, NCBTMB) и редактором научного издания, посвященного количественным исследованиям в сфере массажной терапии – *Massage Therapy: The Evidence for Practice* (2002). Преподавал в учебных заведениях разных стран мира, в том числе (в последнее время) на Аляске, в Камбодже и Индии. В настоящее время живет в Джуно (Аляска, США). С 2016 года является членом редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика». Персональный сайт: <http://rich.socialpsychology.org/>. Scopus Author ID: 36841136900. E-mail: optimalex@aol.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-759-763

Book review

Book Review of
Congress, E.P., Takooshian, H., & Asper, A. (Eds.). (2020).
Behavioral Science in the Global Arena. Vol. 1.
Addressing Timely Issues at the United Nations and Beyond.
Charlotte NC: Information Age Publishing

Roswith Roth

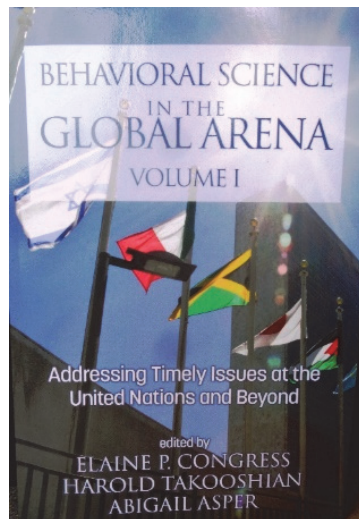
University of Graz
3 Universitaetsplatz, Graz, 8010, Republic of Austria

This book tells many stories about Behavioral Sciences at the United Nations (UN). It gives insights in important issues of the UN's 17 "Sustainable Developmental Goals (SDGs)" (United Nations General Assembly, 2015) and how behavioral science contributes to these goals. It addresses different readers in various contexts, professionals and students. It is an excellent and exorbitant educational textbook for students and interested readers who want to know more about the projects and accomplishments of the UN.

The editors are three UN representatives, most of the chapters are authored by a leading expert in that specialty, together with a student intern working with the UN, so a profound insight of UN issues is provided.

The book contains 16 chapters, divided in five sections. Each chapter follows a common format: an overview of its timely issue, individual and community interventions and the contribution of global interventions based on treaties, recommendations and the SDGs of the UN, a glossary of key concepts, study questions, and a list of references.

A doyen of psychology and representative of the UN in NY *Florence Denmark* wrote the foreword and the editors *Harold Tokooshian* and *Elaine P. Congress* gave in the preface an overview about the Behavioral Sciences at the UN. The UN was formed June 26, 1945 by 51 nations in San Francisco, and has since 1947 his headquarters in New York. The structure of the UN is a composition of three parts: governments, agencies, like the World Health Organization (WHO),

© Roth R., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

International Labor Organization (ILO), United Nations International Children’s Emergency Fund (UNICEF), International Monetary Fund (IMF) and “civil society”, means volunteer experts to actively support the UN agenda. This includes non-governmental organizations (NGOs). Much of the work of NGOs is done through the standing committees of the commissions on NGO (CoNGO). Since 2015, the attention of the UN and its NGOs has focused on the 17 SDGs for year 2030 an issue permeating all UN goals.

Section A “Serving Current Populations” deals with the challenges of aging people, children, migrants and gender equality in four chapters.

Global aging, gender differences in aged, ageism (age discrimination) and physical and mental health of elderly people, like dementia are important matters. Multi-level interventions were provided at the governmental level documented in the MIPAA (Madrid International Plan of Action on Aging) but like some of the UN forward-looking plans, even if the governments sign, the plan was “not-binding”.

Child welfare and well-being of the world’s 2.3 billion children below the age of 18, focusing especially on low-and-lower-middle-income countries are discussed. UNICEF is custodian or co-custodian for 17 SDG global indicators related to children. Selectively the progress for SDG targets concerned with poverty, under-five mortality, education and child marriage are dealt with in this chapter, it gives also a list of international organizations promoting children.

In 2017, there were approximately 258 million migrants around the world, an increase of almost 50% since the turn of the millennium. It is vital that we understand how to thrive within cultures other than that of our country of origin and promote the integration of migrants wherever they settle.

Despite progress made toward gender equity around the world, gender disparities in political power, economic opportunity, education, and health persist. The status of gender equity through the lenses of reproductive rights and reproductive justice, including the intersectionality of gender issues, behavioral research on gender-based discrimination, and the progress of interventions at the United Nations, at the community and individual levels are presented.

Section B “Upholding Social Justice” contains four chapters about poverty and inequality, social protection, freedom and democracy and human rights.

In 2015, poverty has affected 736 million people around the world. 22,000 people die every day due to poverty-related causes. Poverty is a global problem and number 1 of the SDGs. It is important to understand how poverty is defined and how poverty can be eliminated or reduced. This chapter reviews the different types of poverty, challenges impacted by poverty due to inequality and lack of poverty measures.

Social protection has been an important element of intergovernmental policy discourse at the UN aimed at finding an appropriate response to major challenges of poverty, vulnerability and exclusion that many countries are striving.

Democracy offers freedom of expression and action, human rights protections, access to diverse sources of information, political inclusion and social equality, government responsiveness and transparency, economic growth, and sustained peace. Freedom and democracy can appear differently in countries where they are situated and are determined contextually by cultural norms, economic systems (free-market, centrally planned), geography, national history, and class structure.

The Universal Declaration of Human Rights (United Nations General Assembly, 1948) asserts that democracy reflects a basic human right for self-determination and full participation in all aspects of living.

Human rights are core to the United Nations system and embodied in the Charter of the UN that was adopted by the General Assembly in 1945. Human rights laws applying to all individuals throughout the world and encompass specific standards for women, children, persons with disabilities, minorities and other vulnerable groups to protect them from discrimination. The mechanisms established by UN to promote and protect these rights and to assist states in carrying out their responsibilities are presented.

Section C “Promoting Harmony” contains two moving and important chapters about Counter Terrorism and Crime Prevention and Control.

Terrorism is arguably the most dangerous phenomenon facing the world in the 21st century and may be the biggest challenge to be addressed. There are more terrorist groups today than ever before, and they are more extreme and brutal. Groups such as Taliban and al-Qaeda in Afghanistan, ISIL/ISIS in Iraq, AL-Nusra Front in Syria, Al-Shabab in Somalia, and Boko Haram in Nigeria remain a serious threat. Steps the UN, state governments, and civil society can take to counteract the growing number of organized terrorist groups, the rise of lone wolves, and curtail radicalization and how behavioral science contributes to the war on terrorism are examined.

The total reported crime in the world has steadily increased from 2,300 incidents per 100,000 people in 1980 to over 3,000 in 2000. Many SDGs directly relate to the mission of crime prevention and control. One example, SDG 5 is gender equity, which is important for crime prevention and control to ensure women and girls are protected and safe in their communities.

Section D “Improving Human Health” contains three chapters, dealing with mental health, physical health and disasters and trauma interventions.

While mental health disorders constitute 14% of global illness worldwide, almost three quarters of this burden occurs in lower income countries, where a shortage of trained personnel and other resources leave enormous populations with little or no access to mental illness treatment. WHO’s Global Mental Health Action Plan, adopted in 2013 by all 194 member states, has been a major step in recognizing formally the importance of mental health, and pushing forward the agenda of suicide prevention globally (World Health Organization, 2013).

Physical health was first defined as a central component of the Right to Health, which was further codified as a human right in the 25th Article of the 1948 Universal Declaration of Human Rights. The physical health encompassed under the UN framework, as well as global efforts by the UN, with an emphasis on the UN SDGs, to improve the human condition as it relates to physical health (UN General Assembly, 2015) are focused on.

The impact of natural or human-made disasters on life, property and livelihood are highly disruptive and can result in permanent changes. Disaster preparedness becomes much more imperative as the frequency of disasters and their effects are increasing yearly. Disaster risk management can be used to refer to both risk reduction (prevention, preparedness and mitigation) and humanitarian action (response, relief and reconstruction). The work of NGOs, and the UN, is to complement government efforts in bringing rapid relief to those affected.

Section E “Supporting Environmental Health” includes two chapters – “Promoting Environmental Health: Challenges and Successes”, “Reducing Urban Noise” and a conclusion (by the editors).

Promoting environmental health is a major focus for all concerned about the future of our world. The unmet needs of humanity as identified in the SDGs are health, food, water, income, gender equality, social equity, energy, jobs, voice, resilience, and education, and these goals are to reach: climate change, freshwater use, nitrogen and phosphate cycles, ocean acidification, chemical pollution, atmospheric aerosol loadings, ozone depletion, biodiversity loss, and land use change.

Many studies have linked noise to cardiovascular disorders, learning deficits and a diminished quality of life. Looking at how noise is linked to disease could be used to explain why noise may be identified as a menace. The burden of disease is calculated, in a single measure of disability-adjusted life-years (DALYs), as the sum of the years of life lost from premature mortality and the years lived with disability for people living with the disease or health condition or its consequences in the general population.

Conclusion: “This is the best of times, but also the worst of times” (Dickens, 1859) for the 7.7 billion people who live in our world today (World Population, 2020) is the resume of the editors – and it represents the view we see the world today – including the insecure times of COVID-19 and the efforts to build a “new normal”.

Congratulation to the editors and contributors of this book. We are looking forward to the continuation of this informative, enlightening and instructive book series.

References

- Dickens, Ch. (1859). *A Tale of Two Cities*. In C. Dickens (Ed.), *All the Year Round. A Weekly Journal*. London: Chapman & Hall.
- United Nations General Assembly. (1948). *Universal declaration of human rights*. GA resolution 217A. <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>
- United Nations General Assembly. (2015). *Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*. Retrieved from <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld/publication>
- World Health Organization. (2013). *Comprehensive Mental Health Action Plan 2013–2020*. Geneva: World Health Organization. Retrieved from http://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA66/A66_R8-en.pdf
- World Population. (2020). *Current World Population*. Retrieved from: [https://www.worldometers.info/world-population/#:~:text=7.8%20Billion%20\(2020\),Nations%20estimates%20elaborated%20by%20Worldometer](https://www.worldometers.info/world-population/#:~:text=7.8%20Billion%20(2020),Nations%20estimates%20elaborated%20by%20Worldometer)

Article history:

Received: 7 July 2020

Revised: 20 July 2020

Accepted: 15 September 2020

For citation:

Roth, R. (2020). Book Review of Congress, E.P., Takooshian, H., & Asper, A. (Eds.). (2020). *Behavioral Science in the Global Arena. Vol. 1. Addressing Timely Issues at the United Nations and Beyond*. Charlotte NC: Information Age Publishing. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 759–763. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-759-763>

Bio note:

Roswith Roth, Ph.D., is a University Professor ret. at the University of Graz (Graz, Austria). She is a licensed clinical and health psychologist and psychotherapist. Since 1983 – member of the International Council of Psychologists and area chair of Austria, she edited 10 Proceedings of the Annual Conventions of ICP. During 2000–2001, she was President of ICP and she is representative of ICP at the UN in Vienna since 1994. From 2010 to 2012 she was chair of the NGO Committee on the Family and since 2012 she is member of the NGO Committee on the Status of Women. Website: <https://homepage.uni-graz.at/roswith.roth/>. E-mail: roswith.roth@uni-graz.at

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-759-763

Рецензия на книгу

Рецензия на книгу:
Behavioral Science in the Global Arena. Vol. 1.
Addressing Timely Issues at the United Nations and Beyond /
ed. by E.P. Congress, H. Takooshian, A. Asper.
Charlotte NC: Information Age Publishing, 2020. 238 p.

Р. Рот

Университет Граца
Австрийская Республика, 8010, Грац, Universitaetsplatz, 3

История статьи:

Поступила в редакцию: 7 июля 2020 г.

Принята к печати: 15 сентября 2020 г.

Для цитирования:

Roth R. Book Review of Congress, E.P., Takooshian, H., & Asper, A. (Eds.). (2020). Behavioral Science in the Global Arena. Vol. 1. Addressing Timely Issues at the United Nations and Beyond. Charlotte NC: Information Age Publishing // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 759–763. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-759-763>

Сведения об авторе:

Rot Roswit, Ph.D., профессор в отставке Университета Граца (Грац, Австрия), лицензированный клинический психолог и психотерапевт. С 1983 г. является членом Международного совета психологов (International Council of Psychologists, ICP), главой регионального представительства ICP в Австрии, редактором 10 сборников материалов ежегодных съездов ICP. В 2000–2001 гг. была президентом ICP, с 1994 г. является представителем ICP при ООН в Вене. С 2010 по 2012 г. возглавляла негосударственный Комитет по вопросам семьи, в настоящее время член негосударственного Комитета по положению женщин. Вебсайт: <https://homepage.uni-graz.at/roswith.roth/>. E-mail: roswith.roth@uni-graz.at

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-764-769

UDC 159.99

Scientific report

United Nations Psychology Day 2020 focused on Multilateralism

Priyadharshany Sandanapitchai¹, Harold Takooshian²

¹Rutgers University

65 Bergen St, Newark, New Jersey, 07107, United States of America

²Fordham University

113 W. 60th St, New York, NY, 10023, United States of America

Abstract. As the United Nations marks its 75th anniversary in 2020, psychologists are increasingly involved in the work of the UN since 1945. This reached new heights on May 27, 2020, as the 13th annual Psychology Day at the United Nations drew a record attendance of 1,271 participants from 104 nations, to hear four international psychologists describe different aspects of their work on “multilateralism.” This report offers a summary of the Day, including its four messages by Drs. Fathali Moghaddam, Susan Michie, Michele Gelfand, and Sarah Lyons-Padilla.

Key words: United Nations, Psychology Day, international, multilateralism, NGOs

On May 27, 2020, the thirteenth annual Psychology Day at the United Nations, brought together over 1,271 participants from 104 nations to celebrate the 75th anniversary of the UN. This year’s focus was on “UN75: *The multilateralism we want: Psychological contributions to building bridges among and within nations.*”

The first Psychology Day at the UN was in 2007. Based on its success, this has become an annual event each April in New York City (Takooshian, 2020a), now attracting over 500 attendees (Feher, 2017). UN Psychology Day (UNPD) 2020 was unusual in at least four ways:

(1) **Theme.** Since this was the 75th year of the UN, the theme focused on the mission of the UN itself: “UN75” and multilateralism (<https://www.un.org/en/un75>).

(2) **Sponsorship** of UNPD shifted from the American Psychological Association (APA) and its Office of International Affairs (<https://www.apa.org/international/united-nations/>) to the Psychology Coalition at the UN (PCUN, <http://psychologycoalitionun.org/>). PCUN is a coalition of psychology NGOs, formed in New York City in 2011 (Okorodudu, 2013), which has been expanding despite a few challenges – and now numbers about 150 psychologists and interns representing nine psychology NGOs (Takooshian, 2020b). Many PCUN members recently contributed to volume 1 of a new book series on “Behavioral science in the global arena” (Congress et al., 2020; <https://www.unpsychologyday.com/>).

© Sandanapitchai P., Takooshian H., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

(3) **Virtual.** Since New York City is the U.S. epicenter for the coronavirus, the United Nations building is closed. Rather than cancel UNPD, PCUN requested and received APA cooperation to hold the first virtual UNPD, using the “Go To Meetings” platform (Figure 1).

(4) **Participants.** Instead of 400 participants in one room in New York City, this UNPD drew 2,763 registrants, and 1,271 of these were able to participate online from 104 nations. Only 25% of these were in the USA.

As in the past, UNPD was kindly hosted by the diplomatic community – this year including the Missions of Palau, Dominican Republic, and Mexico.

On May 27 at 11 am, the 130-minute forum was welcomed by its two hosts: Drs. Leslie Popoff, the President of PCUN, and Rashmi Jaipal, Head of the APA team at the UN.

Figure 1. Announcing UNPD 2020 world-wide (source: <https://www.unpsychologyday.com/>)

The first of two 45-minute panels was moderated by Dr. Walter Reichman, Chair of the PCUN Program Committee, who introduced his two speakers, and moderated a lively Q & A. The second panel was moderated by Dr. Maysa Akbar, who introduced her two speakers, and moderated a lively Q & A. The four experts’ presentations appear below.

In the final 20-minute Q & A, all six experts fielded several online questions from colleagues and students from as far as Nepal.

A video recording of the entire 130-minute UNPD is now available online¹ (Figure 2), as are recordings of past UNPDs in 2019² (Figure 3) and 2018³.

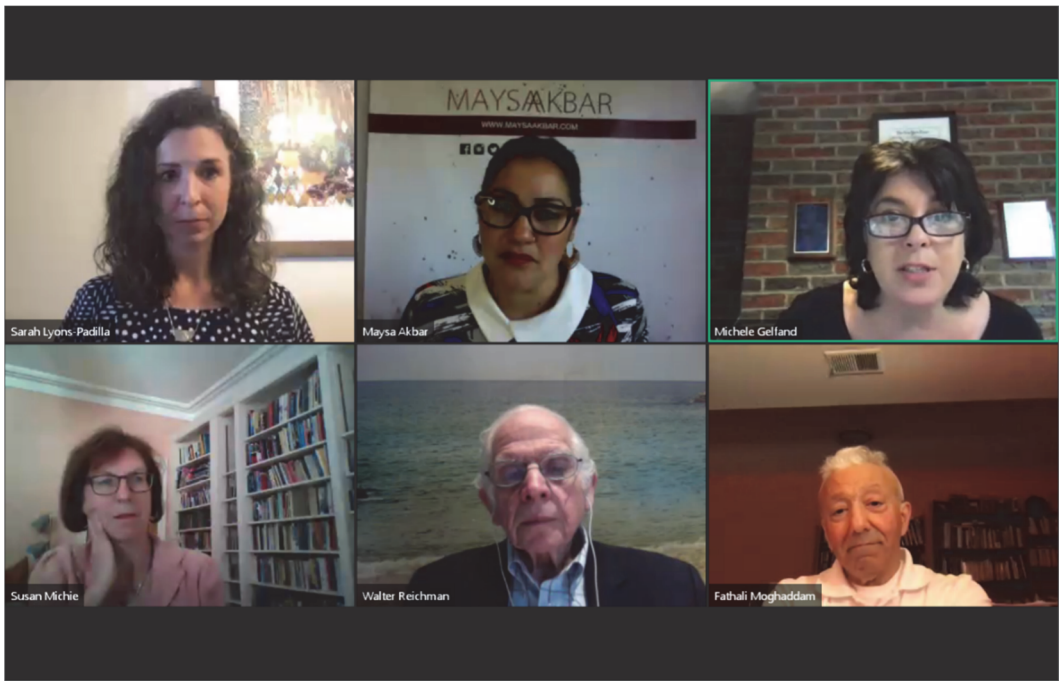
¹ UNPD 2020. Retrieved from

<https://register.gotowebinar.com/recording/viewRecording/6161065434192697099/5678870212515006466/takoosh@aol.com?registrantKey=3357184339558304524&type=ATTENDEEMAILRECORDINGLINK>

² UNPD 2019. Retrieved from <http://webtv.un.org/search/the-time-is-now-psychological-contributions-to-global-gender%20equality-12th-annual-psychology-day-at-the-united-nations/6030064139001/?term=psychology%20day&sort=date>

³ UNPD 2018. Retrieved from <http://webtv.un.org/search/11th-annual-psychology-day-at-the-united-nations/5769788009001/?term=psychology%20day&sort=date>

Figure 2. A scene from UNPD 2020
(photo from personal archive of authors)

Figure 3. By contrast, a scene from UNPD 2019
(photo from personal archive of authors)

PCUN President Leslie Popoff noted that especially in 2020, the hosting of UNPD required the coordination of many dedicated volunteers. She thanked the speakers and moderators, the nine cosponsoring groups, the team at the APA (Sally Leverty, Juliana Mayhew, Jung-Yun Min, Drs. Gabriel Twose, Amanda Clinton, Nelida Quintero), the three UN missions (Palau, Mexico, Dominican Republic), the PCUN program committee (Drs. Walter Reichman, Maysa Akbar, Comfort Asanbe, Rashmi Jaipal, Sonia Suchday, Michelle Bell, Vera Araujo Soares, Laura Lopez-Aybar, Ayorkor Gaba, Cynthia Grguric, Carmen I. Vazquez), and outreach team (Priyadarshiny Sandanapitchai, Harold Takooshian, Elaine P. Congress).

For any details on UNPD or PCUN, check the links above, or contact UNPD at unpsychday@gmail.com, or PCUN President Leslie Popoff at drLPopoff@gmail.com

Summaries of the four UNPD messages

Fathali Moghaddam, Ph.D., Professor of Psychology, Georgetown University and Director of Interdisciplinary Program in Cognitive Science started the panel discussion with his presentation on *The Role of Psychological Science in Better*

Understanding and Strengthening Open Societies and Multilateralism. He discussed one of his research areas, ‘political plasticity’, that explores the political conduct from a psychological lens; it examines to what extent and how fast we can change political behaviors. He further elaborated on the need to recognize social and cognitive capacities at the citizen level to achieve what he terms as ‘actualized democracy’. Psychologists play a significant role in understanding the characteristics of democratic citizenship at the individual and macro levels to help achieve and sustain democracy across borders. To strengthen multilateralism, he emphasized the recent approach towards ‘omniculturalism’ that focuses on human commonalities rather than the exaggeration of group differences. He highlighted that psychologists can educate the nations to understand their perception on the threat of invasions and its consequences as a result of rapidly increasing globalization.

Susan Michie, Ph.D., Director of UCL Centre for Behaviour Change and Professor, Department of Clinical, Educational and Health Psychology, University College London presented on *Limiting COVID-19 Transmission: A Psychological Perspective*. As a member of the UK government behavioral advisory group and WHO COVID-19 consultant advisor on behavioral science, she translates evidence-based knowledge to guide policy-making decisions. She highlighted that behavior is at the heart of the current pandemic, and psychologists can contribute towards behavioral changes to limit the transmissions. There are numerous challenges that psychologists face when working with policymakers due to different agendas and terminology. However, using simple and comprehensible frameworks that can be easily translated into potential recommendations can overcome such challenges. She further stated that even smaller behavior changes such as washing hands, wearing masks and social distancing can make a significant impact on the suppression of the pandemic and how psychological knowledge can assist in developing different interventions specific to each behavior.

Michele Gelfand, Ph.D., Distinguished University Professor, Department of Psychology, University of Maryland focused on *The Culture of Populism*. She discussed how some deep-rooted cultural dynamics become the driving force in the rise of populism and intolerance across nations. Tight culture has strong norms and punishments, whereas loose culture has weak norms and highly permissive. Findings have shown that groups who experience continuous threats from natural disasters to pathogen outbreaks tend to be tighter compared to groups with lesser threats. In addition, tight cultures have more order, higher self-control and uniformity, while loose cultures are comparatively disorganized and more open to creativity and change. She reported her findings on how perceived threats determine leadership preferences and the inclination towards either tight or loose group norms. Besides, political leaders have also exploited this mechanism and frequently use threatening words in their narratives to attract voters. To quantify these languages, she has developed a threat dictionary using words used in social media platforms to track threats over time. She suggested that when dealing with objective and exaggerated threats, showing empathy and developing partnerships across governments and local organizations to help understand ‘others’ can mitigate the roots of populism.

Sarah Lyons-Padilla, Ph.D., UX Researcher, Tech Industry, focused on *When Disconnection Breeds Extremism: Marginalization, Discrimination and Risk*

for Radicalization. She talked about the psychology behind radicalization, specifically on how one's identity conflict plays a crucial role in violent extremism. Some immigrants may feel culturally homeless as they are unable to develop a sense of belonging to any ethnocultural group. She described that discrimination experienced by immigrants could exacerbate the impact of cultural homelessness on significant loss and leads to increased support for extremist ideologies to restore a sense of purpose and direction. Thus, fostering refugees' integration, funding community buildings and counter-radicalization programs, and exploring cultural homelessness with significant loss and extremism outside minority communities are some of the fundamental measures in preventing extremism.

References

- Congress, E.P., Takooshian, H., & Asper, A. (2020). *Behavioral science in the global arena. Vol. 1. Addressing timely issues at the UN and beyond*. Charlotte NC: Information Age Publishing. Retrieved from www.infoagepub.com/products/Behavioral-Science-in-the-Global-Arena
- Feher, Z.M. (2017, Summer). Tenth Psychology Day at the United Nations. *International Psychology Bulletin*, 21(3), 73–77.
- Okorodudu, C. (2013). The Formation of the Psychology Coalition at the U.N. Retrieved from <http://psychologycoalitionun.org/about/history-of-pcun.html>
- Takooshian, H. (2020a). Psychological Science at the United Nations: Historical Trends. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 209–213. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-209-213>
- Takooshian, H. (2020b, May). PCUN hosts Psychology Day 2020 at the United Nations. *International Psychology Bulletin*, 25(1), 5. Retrieved from www.dropbox.com/s/qndwmt5pe3h6rgi/PCUN-IPB-2005a%20%281%29.pdf?dl=0

Article history:

Received: 12 August 2020

Revised: 25 August 2020

Accepted: 15 September 2020

For citation:

Sandanapitchai, P., & Takooshian, H. (2020). United Nations Psychology Day 2020 focused on Multilateralism. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 764–769. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-764-769>

Bio notes:

Priyadharshany Sandanapitchai, MA, is a research associate at Rutgers University (Newark, USA), serving as an intern with the Society for the Psychological Study of Social Issues at the United Nations. E-mail: priyasandu15@gmail.com

Harold Takooshian, PhD, is Professor of Psychology at Fordham University (New York, USA), representing IMCES (the Institute for Multicultural Counseling and Education Services) at the United Nations. E-mail: takoosh@aol.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-4-764-769

Научное сообщение

День психологии – 2020 в ООН, посвященный мультилатерализму

П. Санданапичай¹, Г. Такушьян²

¹Университет Рутгерса

Соединенные Штаты Америки, 07107, Ньюарк, ул. Берген, 65

²Университет Фордхэм

Соединенные Штаты Америки, 10023, Нью-Йорк, 60-я ул., 113

Аннотация. В 2020 году Организация Объединенных Наций отмечает 75-летний юбилей. Психологи включились в работу ООН со времен ее образования в 1945 г., и их труд с каждым годом становится все более заметным. Новым ярким свидетельством плодотворного сотрудничества ООН с психологами и психологическими организациями стал 13-й Ежегодный День психологии в ООН, который состоялся 27 мая 2020 г. В этом году мероприятие проходило онлайн и собрало рекордное количество участников – 1271 исследователя из 104 стран. В данном репортаже представлен краткий отчет о Дне психологии – 2020 в ООН, который включает краткий обзор события и докладов четырех выдающихся психологов – докторов психологических наук Фатали Могхаддам, Сьюзен Мичи, Мишель Гельфанд и Сары Лайонс-Падиля, посвященных их исследованиям различных аспектов мультилатерализма.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, День психологии, международный, мультилатерализм, неправительственные организации

История статьи:

Поступила в редакцию: 12 августа 2020 г.

Принята к печати: 15 сентября 2020 г.

Для цитирования:

Sandanapitchai P., Takooshian H. United Nations Psychology Day 2020 focused on Multilateralism // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 764–769. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-764-769>

Сведения об авторах:

Санданапичай Приядхаршани, МА, научный сотрудник Университета Рутгерса (Ньюарк, США), интерн Общества психологических исследований социальных вопросов при ООН. E-mail: priyasandu15@gmail.com

Такушьян Гарольд, PhD, профессор психологии в Университете Фордхэм (США, Нью-Йорк), представитель Института мультикультурного консультирования и образовательных услуг (IMCES) в ООН. E-mail: takoosh@aol.com

**ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в научном журнале
«Вестник Российского университета дружбы народов»
Серия: Психология и педагогика»**

Прием и подготовка рукописей к печати

1. Автор представляет в редколлегию серии электронный вариант статьи и сведений об авторе, оформленные согласно приведенным ниже требованиям, по электронному адресу psyj@rudn.ru

2. После поступления статьи в редколлегию главный редактор или ответственный секретарь серии оценивают соответствие содержания статьи научному уровню и профилю журнала, а также проверяют на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Если статья не соответствует научному уровню и профилю журнала и/или процент оригинальности при автоматической проверке составляет менее 80 %, статья возвращается автору.

3. Статьи, успешно прошедшие предварительную проверку (см. п. 2), направляются на рецензирование специалистам, докторам или кандидатам наук, имеющим публикации по проблематике, близкой к теме статьи (не менее 2–3 публикаций за последние 3 года). Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются в зависимости от занятости рецензента, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи.

В рецензии освещаются следующие вопросы: 1) соответствие статьи профилю журнала; 2) соответствие содержания статьи названию; 3) актуальность, новизна, теоретическая и/или практическая значимость проблемы; 4) полнота и научная грамотность описания основных положений теоретического и/или эмпирического исследования; 5) структура, стиль, язык статьи, наглядность иллюстративного материала (при наличии); 6) недостатки статьи с указанием рекомендаций по их исправлению, дополнениям или сокращениям, которые должны быть внесены автором (при наличии); 7) заключение рецензента (статья рекомендуется к публикации, рекомендуется с учетом исправления указанных недостатков, не рекомендуется к публикации в данном журнале).

4. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет их автору с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

5. После принятия редколлегией серии решения о публикации статьи ответственный секретарь серии информирует автора о том, в содержание какого номера включена статья, и указывает планируемые сроки публикации.

Требования к оформлению рукописей

Компьютерный набор: файл MS Word с расширением *.doc или *.docx; шрифт Times New Roman; кегль 12; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; все поля 3,5 см; абзацный отступ 1 см.

Структура текста на русском языке:

- в левом верхнем углу УДК (определить с помощью сайта <http://teacode.com/online/udc/>);
- название (форматирование по центру);
- инициалы и фамилия автора/авторов (строчные буквы, полужирный шрифт);
- место работы автора (для каждого автора: полное название вуза, организации и др.);
- рабочий адрес автора (последовательность: страна, почтовый индекс, название населенного пункта, название улицы, номер дома, курсив);
- аннотация содержания статьи (150–250 слов);
- список ключевых слов (5–10);
- текст статьи (рекомендуемый объем 15 000–25 000 знаков с пробелами); текст должен быть структурирован и иметь подзаголовки (например, для эмпирической статьи: Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение/Выводы); названия рубрик должны соответствовать содержанию статьи;
- таблицы и рисунки должны быть подписаны (все подписи и надписи должны быть продублированы на английском языке) и включены непосредственно в текст статьи; рисунки должны быть четкими, контрастными и только черно-белыми;
- при необходимости примечания или комментарии к тексту относятся в конец рукописи в раздел «Примечания». При этом в самом тексте номер примечания указывается цифрой в круглых скобках, например (1), (2) и т. д.;
- раздел «Список литературы», в котором по алфавиту указываются выходные данные источников (обязательно указание doi для тех источников, которые его имеют, наличие проверяется на сайте: <http://search.crossref.org/>), на которые есть ссылки в тексте статьи (сначала на русском, затем – на иностранных языках).

В самом тексте в круглых скобках указываются фамилия автора и год издания, подробнее см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA;

– сведения об авторе/авторах: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность (+ полное название кафедры, вуза/организации), e-mail (будет опубликован).

После всех указанных материалов на русском языке помещаются:

- перевод на английский язык названия статьи;
- транслитерация фамилии, имени, отчества автора/авторов;
- официальный перевод наименования организации;
- транслитерация адреса организации;
- перевод на английский язык аннотации и ключевых слов;
- раздел “References”, в котором содержится список литературы в романском алфавите (транслитерация + перевод), оформленный по правилам Американской психологической ассоциации (APA): http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA. Порядок источников в этом списке может отличаться от библиографического списка, так как он составляется согласно английскому алфавиту. Обратите внимание, что оформление источников в этом списке (даже источников на иностранных языках) отличается от оформления в библиографическом списке (см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA);
- перевод на английский язык сведений об авторах.

В случае публикации статьи на английском языке после списка литературы (References) помещаются название; фамилия, имя, отчество автора/авторов; наименование и адрес организации; краткая аннотация; ключевые слова и сведения об авторах на русском языке. Если в списке есть источники на русском языке, то в разделе “References” они помещаются в романском алфавите (транслитерация + перевод).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по адресу psuj@rudn.ru

АБОНЕМЕНТ

на газету
журнал

36432

(индекс издания)

Вестник РУДН. Серия:
Психология и педагогика

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ

36432

ПВ	место	литер

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.
Серия: Психология и педагогика

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

почтовый индекс							
код улицы							
дом	корпус	квартира					

город

село

область

район

улица

фамилия, инициалы